

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Ордена Дружбы народов
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

На правах рукописи

Секенова Ольга Игоревна

**Стратегии самореализации российских и советских женщин-историков
во второй половине XIX – первой половине XX века: динамика перемен,
преодоление гендерных асимметрий**

Специальность: 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
Пушкарева Н.Л.

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАУЧНОГО ТРУДА И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРВЫХ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ	36
§ 1. Первые русские женщины-историки: правовая реальность и творческий процесс.....	37
§ 2. «Женщины на кафедре»: профессиональная активность второго поколения русских женщин-историков	59
§ 3. Профессиональные достижения третьего поколения российских и советских женщин-историков: траектории карьеры	73
ГЛАВА 2. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИЙСКИХ И СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	93
§ 1. «Эффект Матфея» и «эффект Матильды»: особенности научного статуса первых женщин в отечественной исторической науке	94
§ 2. Практики научной повседневности в эго-документах российских и советских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.	108
§ 3. Академическое наставничество в профессиональной повседневности женщин-историков	121
ГЛАВА III. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И ДОМАШНЯЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИЙСКИХ И СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	134
§1. Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.	135
§2. Эмоциональная сфера жизни: дружба, семья, личные интимные привязанности	145
§3. Профессиональный доход и паттерны экономического поведения русских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.	159
§4. Свободное нерабочее время первых поколений российских женщин-историков	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	204
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	210
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	227

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Антропология академической жизни – сравнительно новое направление для отечественных антропологических исследований. Изучение любого профессионального научного сообщества антропологическими методами позволяет обратить внимание не только на существование людей в науке, но и на сложившиеся исторически особенности формирования отечественных академических корпораций, истоки особой профессиональной ментальности научных работников. Междисциплинарный характер антропологии академической жизни может стать основой для сочетания самых разнообразных методов и подходов. В частности, перспективным направлением может стать исследование научной повседневности с использованием гендерной методологии, тем более что статус и права женщин – особой группы внутри академического сообщества – отечественной гуманитаристикой почти не затрагиваются. Множество российских профессиональных групп до сих пор не были охвачены комплексными антропологическими исследованиями в их гендерном измерении. Почти не изучена специфика научного труда первых женщин-историков в Российской империи и СССР. Антропологический же ракурс исторического исследования сможет дать возможность посмотреть на вклад женщин-историков не только и не столько в ракурсе истории ментальностей, истории идей, но в ракурсе изучения истории научной повседневности, домашнего и внедомашнего быта представительниц данной профессиональной группы, и на примере небольшой активной группы женщин, стремившихся к самореализации в науке, рассмотреть процесс формирования академической корпорации сто и более лет тому назад. Изучение привычных, обыденных сторон частной жизни первых российских и советских женщин-историков сможет дать возможность раскрыть процесс вхождения женщин в сообщество коллег и увидеть те проблемы, которые стояли перед ними в эпоху серьезной трансформации отечественной исторической науки. Анализ путей и способов адаптации женщин к существованию в академической

среде в этом случае будет иметь и практический смысл, стимулируя интерес исследователей к рутинным сторонам научной работы.

Общественная и научная дискуссия о современном положении женщин в науке затрагивает проблемы распределения бюджета времени, необходимого для творческой исследовательской деятельности и качественной рекреации, проблемы стратегий совмещения частного и публичного в повседневной жизни ученого; эти стороны жизни социальной группы ученых эвристически ценно было бы проанализировать и в ракурсе историческом.

Изучение академической повседневности женщин-историков прошлого имеет также высокую общественную значимость. С 2016 года по инициативе Генеральной Ассамблеи ООН 11 февраля во всем мире отмечается Международный день женщин и девочек в науке¹. Главная задача этой инициативы – обеспечение полного и равного доступа к науке для девочек и женщин, характерного не для всего мирового сообщества. Хотя женщины в гуманитарных науках в России сегодня представлены шире, чем в естественных, путь к их признанию в профессии еще требуется изучить. Когда впервые в российской истории женщина-исследователь прошлого смогла стать преподавателем этого предмета в высшем учебном заведении? Быстро ли росло число таковых исследовательниц и преподавательниц, и в каких вузах страны им были готовы дать рабочие места? Какую роль сыграли в этом различные институции (типа Высших женских курсов), способствуя решению одной из главных задач женского движения первой волны – задачи обеспечения доступа к профессии, к высшему образованию женщин?

Спустя более века с той поры, на современном этапе есть все историографические и источниковедческие возможности оценить реальный вклад женщин второй половины XIX – первой половины XX в. не только в историческую науку как таковую, но и проследить динамику изменений повседневности и бытовой стороны научной жизни, происходивших на фоне

---

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (A/70/474/Add.2)] от 22.12.2015. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/212 (дата обращения: 15.06.2021).

смены научных парадигм и серьезных общественных потрясений первой половины XX века, заставивших несколько позабыть конкретные имена ряда женщин-историков. Перед исследователями стоит задача выявить эти имена и постараться понять, как профессиональная и личная повседневность этих женщин повлияла на их успехи и неудачи в профессии историка.

Объектом исследования является женская часть профессионального сообщества российских и советских историков, трудившихся в 1860-1941 гг.

Предмет исследования – стратегии самореализации женщин-историков в Российской империи и в СССР во второй половине XIX - первой половине XX века, их частная и публичная повседневность.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1856-1941 гг. Первая хронологическая граница исследования определяется началом эпохи Великих реформ, в ходе которой произошли значимые изменения в сфере науки и образования, а движение за женскую эмансипацию ознаменовало новый этап в утверждении прав женщин на участие в научно-образовательной деятельности. Верхняя хронологическая граница исследования (1941 год) определяется началом Великой Отечественной войны, полностью преобразившей повседневную жизнь интеллигенции Советского Союза и изменившей существовавшие на тот момент практики научно-исследовательской работы историков. Выбор периода 1860-1941 гг. дает возможность проследить изменения в повседневной жизни женщин-историков в период трансформации системы взаимоотношений внутри академического сообщества в условиях кризиса государственности Российской империи и становления советской системы организации научных учреждений.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Российской империи, РСФСР и СССР в их государственных границах на 1860-1941 гг., особенное внимание уделяется Москве и Санкт-Петербургу (Петрограду/Ленинграду) как местам формирования наиболее значимых исторических научных школ.

Степень изученности проблемы. Для понимания степени изученности проблемы исследования следует осознавать существующие на сегодняшний день

достижения, лакуны и точки пересечения историографии по проблемам женской повседневности, академической повседневности и биографики российских и советских женщин-историков.

Развитие новых методологических подходов в российской исторической науке 1990-х – начала 2000-х годов сформировало новое понимание изучения повседневности, как научной области, тесно связанной с этнологической методологией. В предметном поле возникла область истории *женской повседневности*, методология которой разрабатывается в работах Н.Л.Пушкаревой², А.В.Беловой³. По мнению Н.Л.Пушкаревой, современные подходы к изучению женской повседневности не позволяют остановиться на бытописании женщин прошлых эпох, напротив, интерпретация социокультурного контекста в гендерной парадигме предполагает особенное внимание к темам распределения власти в семье и общественной жизни, различиям в женской и мужской ментальности, смены форм гендерных контрактов⁴. Необходимо заметить, что дореволюционная историографическая и этнографическая традиции, подразумевавшие изучение женской повседневности через пространство домашнего, изменились по мере вхождения женщин в сферу общественного производства. Так, одним из важных направлений исследований сегодня является изучение женской профессиональной повседневности.

Традиционно, изучение профессиональной повседневности в советской историографии ограничивалось рабочим классом, его уровнем жизни и взаимодействием с государственными и партийными структурами, тогда как образ жизни интеллигенции и *академическая повседневность* как таковая не являлись предметом научных исследований. В 1994 году Д.А.Александров впервые определил основные направления изучения исторической антропологии

---

² Пушкарева Н.Л. Как заставить заговорить пол? (гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 27-32.

³ Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. №4. С.85-97.

⁴ Пушкарева Н.Л. Об эмпатии в антропологии и важности отдельного описания и изучения мужской и женской повседневности // Женщина в российском обществе. 2014. № 1(70). С. 3-11.

науки в России, среди ключевых проблем изучения академического сообщества называя следующие: история кружков и объединений ученых, принципы патронажа в академической корпорации (не только через взаимоотношения ученых и государства, но и через взаимное патронирование, систему научного руководства), «жизненные миры» ученых как форма научной повседневности⁵. Во многом благодаря этому исследователю на русский язык была переведена уже ставшая классической монография немецкого историка науки Фрица Рингера, вышедшая в 1969 году и повествующая о немецком академическом сообществе в эпоху перемен с 1890 по 1933 гг.⁶ Как и французский социолог, автор исследования «*Homo academicus*» П.Бурдьё⁷, Ф.Рингер рассматривает академическую корпорацию как результат неких универсальных социологических процессов, формирующих научную интеллигенцию, систему ее воспроизводства и функционирования. Рутинные явления повседневности в этих исследованиях служат иллюстрации структурных изменений в системе науки и образования, находящихся в центре внимания историков науки. Еще одной важной проблемой социологических исследований академической корпорации стала предложенная Р.К.Мертоном концепция «эффекта Матфея», объясняющая неравномерное распределение материальных и нематериальных ресурсов между представителями научного сообщества⁸. В 1980-е гг. появились новые исследования, применяющие к изучению науки не только социологические, но и «этнографические» методы. Так, австрийский социолог К. Кнорр-Цетина предложила изучать научные коллективы как эпистемические культуры (культуры производства знания), демонстрируя на примере повседневной жизни двух научных лабораторий, что, несмотря на кажущееся единство науки и научного метода, даже в естественных и точных науках полученное знание будет серьезно зависеть от существующих в

---

⁵ Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3-22.

⁶ Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. Москва: Новое литературное обозрение, 2008.

⁷ Бурдьё П. *Homo academicus*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.

⁸ Merton R. The Matthew Effect in Science // Science. 1968. №159 (3810). P. 56-63.

академической группе практик производства информации⁹. Социологи Б.Латур и С.Вулгар также предложили изучать научные коллективы методом включенного наблюдения и проанализировали деятельность научных лабораторий в рамках акторно-сетевой теории¹⁰. Все вышеупомянутые исследования предопределили изменения в подходах к изучению истории науки: теперь они не ограничивалась областью истории идей. Социальная история науки в большей степени интересовалась внутренним устройством академической жизни и повседневностью «мастерской историка», объясняя, что только такими методами можно по-настоящему рассматривать производство научных открытий как часть социальной реальности.

Антропологический поворот в истории науки нашел отражение в работах российских историков. Так, изучая научные школы историков, многие исследователи обращали внимание именно на взаимоотношения внутри коллектива ученых и практики их ежедневного взаимодействия. Московская школа историков стала предметом исследований Л.А.Сидоровой (одним из направлений ее работы стало изучение духовного мира советских историков¹¹). Санкт-Петербургская научная школа медиевистов в работах А.В.Свешникова представляется как неформальное сообщество профессиональных исследователей, чьи успехи и неудачи во многом зависели от коммуникаций внутри группы и способов профессионального взаимодействия¹². Н.В.Кефнер

---

⁹ Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science. Oxford, New York: Pergamon Press, 1981.

¹⁰ Latour B., Woolgar S. Laboratory life: The construction of scientific facts. Princeton: Princeton University Press, 1986.

¹¹ Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017; Сидорова Л.А. Повседневная жизнь московских историков // Журнал "Русская история". №4. 2011. История и власть. URL: <http://rus-istoria.ru/library/text/item/561-povsednevnyaya-zhizn-moskovskih-istorikov> (дата обращения: 10.07.2021).

¹² Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. №96. 2009. С. 42 – 72; Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010; Антощенко А.В., Свешников А.В. Исторический семинарий как место знания // Историческая

охарактеризовала научную повседневность послевоенного поколения историков через анализ коммуникативных практик академического наставничества и изучение коллективных форм организации научной деятельности¹³.

Изучение современной академической повседневности является актуальной задачей для отечественных ученых: в 2013 году вышла коллективная монография, посвященная антропологическому подходу в изучении научной жизни¹⁴ (в ней, среди прочих, поднимаются проблемы групповой динамики в научном сообществе). Российские историки науки рассматривали и некоторые отдельные стороны истории академической повседневности: так, в фокусе исследований Н.Н.Алеврас была российская диссертационная культура дореволюционной эпохи¹⁵, В.В.Тихонов подробно проанализировал, как в среде историков проходили идеологические кампании позднего сталинизма¹⁶, А.Е.Иванов, крупный специалист по истории университетской культуры, среди прочего изучал деятельность российских ученых в годы Первой мировой войны¹⁷, Е.А.Ростовцев рассматривал множество различных сторон повседневности отечественной дореволюционной профессуры¹⁸. Проблема частной повседневности ученых

культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. С. 138 – 160.

¹³ Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Омск, 2006.

¹⁴ Антропология академической жизни: традиции и инновации. М.: ИЭА РАН, 2013.

¹⁵ Алеврас Н.Н. Статус диссертации и нормативные основы оппонирования в российском законодательстве XIX века // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 3(38). С. 37-47.; Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Выдрин О.В. Диссертационная культура российских университетов XIX — начала XX века // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 100—110.

¹⁶ Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016.

¹⁷ Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С.108-127. С. 109.

¹⁸ Ростовцев Е. А. Столичная профессура и благотворительность в начале XX в.: постановка проблемы // Вестник Омского университета. 2012. № 1(63). С. 106-111; Ростовцев Е.А. Академия наук и Санкт-Петербургский университет на рубеже XIX–XX вв.: проблемы корпоративных взаимоотношений // Миллеровские чтения - 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического

звучит в исследованиях Н.Л.Пушкаревой¹⁹ и О.А.Хабибрахмановой²⁰ о системе материального поощрения исследователей советского периода. С 2007 года в ИЭА РАН начала формироваться научная школа по исследованию антропологии современной академической жизни (под руководством Г.А.Комаровой)²¹.

Каждая из приведенных выше работ отвечает задачам антропологического исследования истории науки: в них корпорации исследователей рассматриваются не как умозрительная модель, а как живые активные структуры, объединенные неформальными внутригрупповыми правилами, меняющиеся под воздействием внешних политических и социальных факторов. Этим объясняется необходимость изучать не только научные сообщества, но и самих акторов научного процесса через традиционную методологию биографических исследований.

Биографические исследования российских и советских женщин-историков можно условно разделить на просопографические (главной задачей которых было создание некоего коллективного портрета женщин-ученых) и посвященные конкретным личностям, внесшим наибольший вклад в отечественную историческую науку²². В первую очередь необходимо отметить три крупных биобиблиографических проекта, посвященных отечественным историкам – во-первых, это биографический словарь А.А.Чернобаева, включающий сведения об

наследия: Материалы II Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 года. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью «Реноме», 2018. С. 511-519.

¹⁹ Пушкарева Н.Л. Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских ученых в 1921-1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69-82.

²⁰ Хабибрахманова О.А. Жилищная политика власти и научная интеллигенция ТАССР в 1920-1930 гг // Эхо веков. 2012. № 3-4. С. 68-70; Хабибрахманова О.А. Политика советской власти по социальному обеспечению научной интеллигенции Татарстана в 1920-1930-е гг // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 1. С. 36-39.

²¹ Комарова Г.А. Антропология академической жизни: опыт интеграции наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. Москва, 2016. С. 224-246; Антропология академической жизни: традиции и инновации / Отв. ред., автор и сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013; Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред., сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016.

²² Секенова О.И. Просопографический метод в исследованиях по гендерной истории // Социокультурное многообразие в современном мире. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 11–13 декабря 2018 г.. М.: ИЭА РАН, 2019. С.221-229.

отечественных историках XX века²³, во-вторых, проект «Биографика СПбГУ»²⁴ и, в-третьих, еще не завершённый проект Томского государственного университета «Профессора и преподаватели российских университетов (вторая половина XVIII - начало XX в.)»²⁵. Подобные проекты, созданные в формате базы данных, дают широкий спектр возможностей для просопографических исследований академических корпораций Российской империи и СССР²⁶ и вполне могут транслировать свой успешный опыт для различных временных рамок и университетских сообществ.

Тем не менее, женщинам-ученым в коллективных биографиях исследователей уделялось меньше внимания. Так, дореволюционных женщин-ученых как отдельное явление, важное для развития отечественной науки, впервые рассмотрела О.А.Валькова²⁷. Она отдельно остановилась на вопросе нормативно-правового регулирования научного труда женщин в дореволюционном и раннем советском законодательстве²⁸. О.А.Валькова одной из первых отметила, что неверным является стереотипное представление о том, что женщины в российской науке появились только в результате политики первых лет советской власти; интеграция женщин в науку началась еще в конце XVIII века (особенное внимание О.А.Валькова уделяет первым

²³ Чернобаев А.А. Историки России конца XIX – начала XXI века: Биобиблиографический словарь. Т. 1–3. М.: Собрание, 2016–2017.

²⁴ Биографика СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/> (дата обращения: 2.07.2021).

²⁵ Профессора и преподаватели российских университетов (вторая половина XVIII — начало XX в.). URL: <http://persons.russianuniversityhistory.tsu.ru/> (дата обращения: 2.07.2021).

²⁶ Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринев Д.А. Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т.64. Вып.1. С.24-52.

²⁷ Валькова О.А. Штурм цитадели науки. Женщины-ученые Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

²⁸ Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века - 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х - 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 809—848.

представительницам естественно-научных направлений)²⁹. Историк Е.А.Долгова вместе с социологом Е.А.Стрельцовой, используя статистические методы, проанализировали процесс вхождения женщин в советскую науку в 1920-е гг.³⁰ Исследовательницы оценивали участие женщин в науке в этот период как весьма скромное, несмотря на все предпринимаемые меры для обеспечения декларируемого властью равенства полов, в качестве основных причин этого положения женщин в академической среде называются как внешние препятствия (зависимость от «предыдущего развития» и дискриминативные практики со стороны мужчин-ученых), так и внутренние (в частности, отсутствие серьезной мотивации).

Первым эпизодом освещения вклада женщин в *исторические исследования* в России стал неопубликованный доклад медиевиста О.А.Добиаш-Рождественской на Творческой конференции женщин-ученых Ленинграда 5–7 марта 1937 г. на тему «За двадцать лет: обзор исторической работы ученых женщин»³¹. В докладе исследовательница впервые проанализировала научный вклад женщин-историков (многие имена известных сегодня научных работниц в нем пропущены, в качестве первых назывались А.Я.Ефименко, Е.Н.Щепкина). В соответствии с требованиями эпохи, отдельно в докладе упоминались женщины, которые были «не аналитиками истории, но ее творцами»³², т.е. революционерки. Следующая попытка выявить забытые имена первых российских женщин-историков была сделана спустя более, чем через 70 лет Н.Л.Пушкаревой³³. Она впервые представила краткий список тех женщин-историков, что оказались незаслуженно забытыми, проанализировала особенности их профессионального развития и

²⁹ Valkova O. The Conquest of Science: Women and Science in Russia (1860–1940) // OSIRIS. 2008. №. 23. P. 136–165.

³⁰ Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97-107.

³¹ Добиаш-Рождественская О.А. За 20 лет // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 236. Л.1-24.

³² Там же. Л.3.

³³ Пушкарева Н.Л. Женщины-историки в России 1810-1917 гг // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №1 (18). С. 228-245; Пушкарева Н.Л. «Огонь чужих мыслей и звуки других голосов»: женщины-историки в России 1900-1940 // Российские женщины-ученые: наследие. М.: Янус-К, 2017. С.120-134.

сделала попытку классифицировать их в соответствии с уровнем образования и карьерными достижениями. В целом, можно говорить о том, что эта проблема в отечественной исторической науке практически не разрабатывалась.

Зарубежные исследователи начали обращаться к теме вхождения женщин в исторические науки начиная с конца 1960-х гг. – параллельно с гендерным поворотом в гуманитарных исследованиях в целом. Существует ряд зарубежных просопографических исследований о женщинах-историках прошлого. Так, основные особенности взаимодействия женщин-историков и академического сообщества в контексте создания «национальных историй» рассмотрела в своей монографии Мэри О’Дауд³⁴. Комплексные исследования творческого пути женщин-историков существуют по немецким (1920-1970)³⁵, французским (XIX века)³⁶ и ирландским исследовательницам³⁷, как и в отечественной науке, распространены биографические исследования по отдельным значимым персоналиям³⁸. Изучение женщин-историков прошлого за рубежом сегодня зачастую является элементом общественных кампаний (например, привлечения

---

³⁴ O'Dowd M. 'Popular writers: women historians, the academic community and national history writing' // *Setting the Standards: Institutions, Networks and Communities of National Historiography Comparative Approaches*. Basingstoke, 2012.

³⁵ Berger H. *Deutsche Historikerinnen 1920-1970: Geschichte zwischen Wissenschaft und Politik. Geschichte und Geschlechter*. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2007..

³⁶ Burguière A., Vincent B. *Un siècle d'historiennes*. Paris, Des femmes-Antoinette Fouque, 2014.

³⁷ Smith N.C. *A "Manly Study"?: Irish Women Historians, 1868-1949*. New York: Palgrave Macmillan, 2006.

³⁸ Например, Berg M. *A Woman in History: Eileen Power, 1889-1940*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; Thirsk J. *The history women // Chattel, Servant or Citizen: Women's Status in Church, State and Society*. Belfast: Queen's University of Belfast, 1995. P.1-11.

женщин в экономическую историю³⁹, чествования Лондонских женщин-историков⁴⁰, защиты своих прав французскими женщинами-историками⁴¹ и т.п.).

В 1960-е гг. в СССР стали появляться первые беллетризованные биографии первых русских женщин-ученых⁴² (историков среди них не было). Многочисленные биографические статьи, посвященные российским женщинам-историкам (нередко в форме юбилейного поздравления или некролога) дают представление об их профессиональном значении в развитии исторической науки, а также о некоторых фактических подробностях их повседневной работы и жизни⁴³. Эта историографическая традиция, зародившаяся еще в дореволюционной научной прессе, продолжается и в наши дни. Зачастую подобные работы были написаны близкими коллегами или друзьями, поэтому их отдельные фрагменты могут рассматриваться и как исторические источники.

Важной точкой соприкосновения многих отечественных исследователей, занимающихся участием женщин в дореволюционной науке, стала конференция «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки – наследие», которая прошла в 2017 году по инициативе ИИЕТ РАН. Несмотря на преобладающий в ней биографический подход, коллективная монография по

³⁹ Paul H. Editorial: Women in economic and social history: Twenty-fifth anniversary of the Women's Committee of the Economic History Society // *The Economic History Review* (2014), part of *Economic History Review* special virtual issue. URL:

[http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/\(ISSN\)1468-0289/homepage/women_s_committee__a_virtual_issue.htm](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/(ISSN)1468-0289/homepage/women_s_committee__a_virtual_issue.htm) (дата обращения: 15.07.2021).

⁴⁰ Harris A., Carter L. London's women historians: a celebration and a conversation. URL: <https://www.history.ac.uk/exhibitions/womenhistorians/> (дата обращения: 17.07.2021).

⁴¹ L'appel de 440 historiennes françaises : « Mettons fin à la domination masculine en histoire » // *LE MONDE*. 03.10.2018.

⁴² Дионесов С.М. В.А. Кашеварова-Руднева - первая русская женщина - доктор медицины. [1844-1899]. М.: Наука, 1965; 123. Лозинская Л.Я. Во главе двух академий : [О Е.Р. Дашковой]. М.: Наука, 1978.

⁴³ Например, Черепнин Л.В. Академик Милица Васильевна Нечкина: (К 60-летию со дня рождения и 40-летию науч., пед. и обществ. деятельности) // *Вопросы истории*. 1961. № 5. С.97-101; Руколь Б. М. Памяти И. М. Белявской // *Вестник Московского университета. Сер. История*. 1975. № 5. С.92-96; 96; Э.Б. Генкина [некролог] // *Вопросы истории*. 1978. № 11. С.221; К 75-летию Лии Менделевны Глускиной // *Вестник древней истории*. 1990. № 1. С.236; Люблинская А.Д. О.А. Добиаш-Рождественская как ученый // *Ученые записки ЛГУ, сер. ист. наук*, вып. 12, 1941. С.10-26.

итогах конференции, во-первых, отличается богатством фактического материала о повседневной жизни женщин-ученых, а во-вторых, значительным вниманием к женщинам, работавшим в гуманитарных областях. Так, В.А.Веретенко рассматривала внутрисемейные отношения этнографа Е.Л.Петри как главный фактор ее становления в профессии⁴⁴, С.С.Илизаров впервые обратил внимание на роль женщин в становлении истории науки как отдельного научного направления⁴⁵, Е.В.Долгова анализировала участие женщин в деятельности Института красной профессуры⁴⁶, Ю.В.Стеценко⁴⁷, М.Ю.Киселев⁴⁸, Е.В.Пчелов⁴⁹, Т.Н.Лаптева⁵⁰ описали жизненный путь и вклад в науку нескольких замечательных научных работниц. В целом, индивидуальные и коллективные биографии женщин-историков чаще сосредоточены именно на их научных достижениях, но в большинстве случаев описание жизненного пути ученых содержит важные подробности, раскрывающие социальные и бытовые условия, в которых создавались научные исследования.

Тем не менее, историография по проблемам *женской академической повседневности* на сегодняшний день остается весьма скромной: можно перечислить лишь несколько значимых работ. Западные исследования участия

---

⁴⁴ Веретенко В.А. «Ученая дама» в домашнем пространстве: семейное дело Гринберг-Петри // Российские женщины-ученые: наследие: По материалам Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки - наследие»: 7-8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН. М.: «Янус-К», 2017. С.59-65.

⁴⁵ Илизаров С.С. Приход российских женщин в профессию «История науки»: XX век. Первая половина // Российские женщины-ученые: наследие. С.112-119.

⁴⁶ Долгова Е.В. Преподавательницы Института красной профессуры в 1937 г.// Российские женщины-ученые: наследие: ... . С.159-165.

⁴⁷ Стеценко Ю.В. Архивная и музейная деятельность Елены Петровны Подъяпольской в 1920-е годы XX века (по материалам Архива РАН)// Российские женщины-ученые: наследие. С.146-152.

⁴⁸ Киселев М.Ю. Судьба Евгении Владимировны Гутновой в фонде Архива Российской академии наук // Российские женщины-ученые: наследие. С.297-302.

⁴⁹ Пчелов Е.В. Елена Ивановна Каменцева (1920-2004) и ее исследования в области вспомогательных исторических дисциплин // Российские женщины-ученые: наследие. С.334-344.

⁵⁰ Лаптева Т.Н. «Я нахожу, все-таки, что изучать исторические эпохи интереснее, чем их переживать» - медиевист К.В. Флоровская // Российские женщины-ученые: наследие. С.399 – 406.

женщин в науке во многом опираются на изучение разнообразных форм дискриминаций женщин-ученых⁵¹ (с этим связана также сформулированная историком науки М.Росситер концепция «эффекта Матильды», анализирующая проблему присваивания коллегами-мужчинами научных результатов женщин⁵²). Отечественные исследования участия женщин в академическом сообществе в меньшей степени акцентируют свое внимание на дискриминационных практиках. Так, исследователь О.Б.Вахромеева подробно изучила Санкт-Петербургские высшие женские курсы (их структуру, систему преподавания, биографии курсисток и пространство их повседневной жизни)⁵³. Женщины-историки как представительницы значимых научных школ упоминались в работах Л.А.Сидоровой⁵⁴, А.В.Свешникова⁵⁵, Е.В.Ростовцева⁵⁶, Н.В.Кефнер⁵⁷. Специфичность участия женщин в московской и Санкт-Петербургской научных школах не была предметом специального исследования в этих работах, тем не менее, подробный анализ взаимоотношений внутри коллектива исторических школ не оставлял без внимания процесс адаптации женщин-исследовательниц в академических сообществах, формирования их социальных связей с научными руководителями и коллегами. Много работ по женской академической повседневности принадлежат Н.Л.Пушкаревой: среди прочего она изучала

---

⁵¹ Cole J.R. Fair Science: Women in the Scientific Community, New York: The Free Press. 1979.

⁵² Rossiter M. W. The Matthew Matilda Effect in Science // Social Studies of Science. 1993. № 23(2). P. 325–341.

⁵³ Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878-1918). М.: Политическая энциклопедия, 2018.

⁵⁴ Сидорова Л.А. Повседневная жизнь московских историков // Журнал "Русская история". №4 2011. История и власть. URL: <http://rus-istoria.ru/library/text/item/561-povsednevnyaya-zhizn-moskovskih-istorikov>

⁵⁵ Свешников А.В. Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. С. 138 – 160 (в соавторстве с А.В. Антощенко).

⁵⁶ Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 24–52.

⁵⁷ Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Омск, 2006.

дискриминационные практики по отношению к женщинам в научном сообществе⁵⁸, примеры гендерной асимметрии в среде научных работников⁵⁹, особенности репрезентации карьерного опыта в автобиографиях исследовательниц⁶⁰, особенности повседневного быта женщин-ученых в социальной памяти⁶¹. Хотя зачастую в фокусе внимания Н.Л.Пушкаревой оказывается академическая повседневность женщин советской и постсоветской эпохи, предложенный ей богатый методический инструментарий может быть использован и для изучения дореволюционной повседневности женщин-ученых, которая ранее не была предметом специальных исследований.

В целом, анализ историографии демонстрирует, что несмотря на большое количество комплексных исследований по истории академической повседневности и отдельных биографических работ, рассматривающих творческий путь научных работниц, история повседневности женщин-историков второй половины XIX - первой половины XX века не получила глубокого и

---

⁵⁸ Пушкарева Н.Л. "Академики в чепце"? История дискриминационных практик в отношении российских женщин-ученых // Женщина Плюс. 2004. Т. 1. С. 39-43; Пушкарева Н.Л. "Умные, но бедные" (Фольклор о женщинах-ученых как скрытая форма гендерной дискриминации // Гендерная дискриминация: практики преодоления в контексте межсекторного взаимодействия: сборник научных статей. Иваново: ФГБОУ ВПО "Ивановский государственный университет", 2009. С. 232-263.

⁵⁹ Пушкарева Н.Л. "Нелегко говорить об этом": женщины-ученые о влиянии научных занятий на их личную и семейную жизнь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 3. С. 105-119; Пушкарева Н.Л. "Ума не надо": социальные представления о женщине научной работнице в постсоветском обществе // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2013. № 4. С. 89-98; Пушкарева Н.Л. "Новые нищие": российская наука на рубеже тысячелетий и ее женские кадры // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: отечеств. и зарубеж. опыт эконом. деятельности. М.: Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, 2006. С. 5-23.

⁶⁰ Пушкарева Н.Л. Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т. 1. № 1. С. 15-27.

⁶¹ Пушкарева Н.Л. Социальная память о быте и повседневности женщины-ученой в "дооттепельном" советском кинематографе (1945-1955 гг.) // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 2(22). С. 143-149; Пушкарева Н.Л. Антропология повседневности в социальной памяти советских женщин-ученых (на примере Новосибирска, 1950-е - начало 1990-х гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2020. № 10. С. 220-223.

полного освещения как в нашей стране, так и за рубежом. Отсутствие комплексного специального исследования различных сторон истории профессиональной и частной повседневности российских и советских женщин-историков определяет постановку целей и задач данного диссертационного исследования.

Цель диссертации – исследование динамики изменений стратегий самореализации женщин-историков в Российской империи и в СССР второй половины XIX - первой половины XX века, определение влияния их частной и публичной повседневности на формирование женских профессиональных и жизненных стратегий.

Для достижения поставленной цели диссертации необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

1. Проанализировать трансформацию нормативно-правовой базы, детерминировавшей статус профессионального сообщества преподавательниц высшей школы и исследовательниц в 1860-1941 гг.
2. Охарактеризовать влияние бытового фактора на специфику жизненных и карьерных траекторий представительниц трех поколений женщин-историков.
3. Выявить механизмы адаптации первых женщин-историков к формальным и неформальным нормам академического сообщества, а также дискриминационные практики, бытовавшие в академическом сообществе и мешавшие женщинам-историкам добиваться высоких результатов в их научной деятельности.
4. Исследовать принципы взаимодействия женщин-историков с коллегами в русле традиций академического наставничества.
5. Рассмотреть примеры гендерных конфликтов, типичных для профессиональных сообществ исследователей прошлого.
6. Определить и описать паттерны экономического поведения российских и советских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.
7. Отрастить особенности структуры свободного нерабочего времени российских и советских женщин-историков, проследить изменения способов

проведения досуга и распределения бюджета времени между работой, домашними обязанностями и отдыхом.

Источниковая база исследования представляет собой совокупность исторических источников различных видов. Учитывая сложность исторической реконструкции бытовых сторон профессиональной и домашней повседневности женщин-ученых, необходимо было исследовать не только опубликованные, но и архивные источники. В ходе исследования было проработано 15 личных фондов и фондов организаций в архивах Москвы и Санкт-Петербурга: Санкт-Петербургских высших женских курсов (ЦГИА. Ф. 113), Московских высших женских курсов (ЦГА г. Москвы. Ф. 363), Ленинградского государственного университета (ЦГА СПб. Ф. 7240), Президиума АН СССР (АРАН. Ф. 2), Управления делами АН СССР (АРАН. Ф. 4), Президиума объединенного месткома Комакадемии (АРАН. Ф. 350); Е.Н.Щепкиной (РГАЛИ. Ф. 569), И.И.Любименко (СПБФ АРАН. Ф. 885), О.А.Добиаш-Рождественской (ОР РНБ. Ф. 254), Н.Д.Флиттнер (НАРДФ ГЭ. Ф. 63), Е.Н.Ошаниной (ЦГА Москвы. Ф.Л-125), М.В.Нечкиной (АРАН. Ф. 1820), А.М.Панкратовой (АРАН. Ф. 697), М.М.Денисовой (ОР ГИМ. Ф. 491), Видоновой Е.С. (ОР ГИМ. Ф. 500).

Важным для исследования видом источников являются *нормативно-правовые акты* Российской Империи, Временного правительства, РСФСР и СССР, действующие во второй половине XIX - первой половине XX века, регулирующие порядок получения женщинами высшего образования, их профессиональную деятельность в сфере высшей школы, историческое образование в целом. Этот вид источников дает представление о том, как трансформировалась правовая реальность, с которой приходилось считаться женщинам-историкам в своей профессиональной деятельности и повседневной жизни.

Обширный комплекс *делопроизводственных источников*, относящихся к делопроизводству в образовательных и научных учреждениях, открывает перед нами огромный пласт фактической информации об особенностях работы женщин-историков на местах (списки личного состава, личные дела, зарплатные

ведомости, приказы о приеме на работу/ переводе/ увольнении, протоколы заседаний кафедр/ отделов и т.п.). В ходе исследования были использованы делопроизводственные материалы Санкт-Петербургских высших женских курсов (ЦГИА. Ф. 113), Московских высших женских курсов (ЦГА г. Москвы. Ф. 363), Ленинградского государственного университета (ЦГА СПб. Ф. 7240), Президиума АН СССР (АРАН. Ф. 2), Управления делами АН СССР (АРАН. Ф. 4), Президиума объединенного месткома Комакадемии (АРАН. Ф. 350). Также значимыми для исследования являются опубликованные материалы «академического дела» 1929-1931⁶² и база данных «Жертвы политического террора в СССР»⁶³ - благодаря этим источникам становится возможным выявить имена репрессированных женщин-историков. Личные фонды женщин-историков также содержат большое количество делопроизводственных документов, иллюстрирующих их карьерные стратегии и иногда включающие в себя описания элементов их профессиональной повседневности (например, отчеты о заграничных командировках⁶⁴).

Источники личного происхождения (мемуарная литература, переписка, рабочие и личные дневниковые записи, стихотворения, записи доходов и расходов и т.п.) – разноплановый и обширный комплекс источников, который позволяет максимально подробно рассмотреть явления повседневной жизни в рабочем и домашнем пространстве женщин-историков. При работе с этими источниками должны учитываться особенности эго-документов второй половины XIX – первой половины XX века (определенные типичные для эпохи литературные нормы и идеологические конструкты в мемуарной литературе, ограниченная откровенность в личной и деловой переписке и, вместе с этим,

---

⁶² Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб.: БАН, 2015. Вып. 9. Ч. 1–3: Обвинение. Приговор. Реабилитация.

⁶³ БД «Жертвы политического террора» <https://base.memo.ru/> (дата обращения: 2.07.2021).

⁶⁴ Например, Добиаш-Рождественская О.А. Отчет о командировке в Париж в 1908-1909 // ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 254. Д. 18; Добиаш-Рождественская О.А. Отчет о научной командировке в Берлин, июль-август 1929 // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 55. Л. 1; Добиаш-Рождественская О.А. Сообщение о заграничной поездке в Берлин и Париж в 1926 году // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 50. Л. 5.

готовность к тому, что автодокументальные тексты, рано или поздно, станут достоянием общественности).

Корпус эго-документов (в первую очередь, воспоминаний и дневников) русских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв. настолько же обширен, насколько слабо изучен. На сегодняшний день полностью изданы мемуары Н.А.Белозерской⁶⁵, П.С.Уваровой⁶⁶, Е.В.Гутновой⁶⁷, С.В.Житомирской⁶⁸, К.А.Антоновой⁶⁹, Н.И.Гаген-Торн⁷⁰, И.Ф.Петровской⁷¹, М.М.Левис⁷², Т.А.Богданович⁷³, В.Н.Харузиной⁷⁴, М.Е.Сергеенко⁷⁵, Балобановой Е.В.⁷⁶, дневники М.В.Нечкиной⁷⁷, Э.Б.Генкиной⁷⁸, С.Д.Рудневой⁷⁹,

---

⁶⁵ Белозерская Н.А. Автобиография // Исторический вестник. Июнь 1913 г. Т.132. С.925-937; Белозерская Н.А. Воспоминания о Н.И.Костомарове // Русская старина. Томъ XLX-L. 1886. Выпуски 1-4.

⁶⁶ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания Прасковьи Сергеевны Уваровой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005.

⁶⁷ Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001.

⁶⁸ Житомирская С.В. Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2006.

⁶⁹ «В России надо жить долго...»: памяти К. А. Антоновой (1910—2007). М.: Восточная литература, 2010.

⁷⁰ Гаген-Торн Н.И. Мемога. М.: Моск. ист.-лит. о-во "Возвращение", 1994.

⁷¹ Петровская И.Ф. В конце пути. СПб.: [б. и.], 1999.

⁷² Левис М.М. "Мы жили в эпоху необычайную...". М.: [б. и.]; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016.

⁷³ Богданович Т.А. Повесть моей жизни. Воспоминания, 1880-1909. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007.

⁷⁴ Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

⁷⁵ Сергеенко М.Е. Воспоминания // Составитель Трофимов А.А. Три судьбы. М.: Издательство «Апостол веры», 2021. С. 108-141.

⁷⁶ Е.В. Балобанова. Записки слушательницы С.-Петербургских высших женских курсов I выпуска (1882 г.) // Петербургский исторический журнал. 2015. №4 (8). С. 227 - 248.

⁷⁷ «...И мучилась и работала невероятно»: дневники М. В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013..

⁷⁸ Генкина Э.Б. Воспоминания об ИКП // История и историки. Историографический ежегодник. 1981. М., 1985. С. 257-273.

⁷⁹ Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. Стефанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения «Гептахор» в документах Центрального московского архива-музея личных собраний. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2007.

Н.С.Штакельберг⁸⁰. Существуют опубликованные записи устных рассказов А.О.Ишимовой⁸¹. До сих пор не опубликованы, но представляют несомненный исследовательский интерес дневники И.И.Любименко⁸², Е.Н.Ошаниной⁸³, К.В.Тревер⁸⁴ (работа над научной публикацией последних ведется в данный момент). Неизданными остаются также богатые фактическим материалом мемуары Е.Н.Щепкиной⁸⁵, Н.Д.Флиттнер⁸⁶.

Автодокументальные женские тексты XIX – начала XX в. сами по себе неоднократно становились предметом исследования: от источника, призванного «иллюстрировать» исторические и социальные процессы, с изменением исследовательской оптики, эго-документы превратились в самоценный исторический источник, важный, в первую очередь, своей уникальностью в контексте изучения саморепрезентации женщин прошлого⁸⁷. Гендерный контекст

⁸⁰ Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In *memoiam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка*. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. С.19-85.

⁸¹ Быков П.В. Русские женщины-писательницы. А.И.Ишимова // *Древняя и новая Россия*. 1878. Т.2. №8. С.316-321.

⁸² Любименко И.И. Личные дневники // СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214.

⁸³ Ошанина Е.Н. Личные дневники // ЦГА Москвы (Центральный государственный архив г. Москвы). Ф.Л-125.Оп.1. Д. 20 - 29.

⁸⁴ СПбФ АРАН. Ф.1090.

⁸⁵ Щепкина Е.Н. Бестужевские курсы // РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 58; Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3; Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1; Щепкина Е.Н. Санитарный поезд в турецкую войну // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 11; Щепкина Е.Н. Шестидесятые годы // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 15.

⁸⁶ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ (Научный архив рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа). Ф. 63. Оп. 1. Д. 2, 4, 6.

⁸⁷ Белова А.В. Женские автодокументы как источники по истории женской провинциальной повседневности и социальной памяти // *Российская провинция сквозь призму сословно-правовых, этноконфессиональных, социокультурных, медико-социальных и демографических коллизий в XVIII-XXI вв.: Сборник статей участников Международной научной конференции*. Тамбов: ООО «Принт-Сервис», 2019. С. 44-49; Гончарова О.М. Русская женщина 1860-х в «зеркале» идей и литературы // *Культура и текст*. 2012. № 1. С. 44–53; Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // *Вестник РУДН. История России*. 2012. №1. С. 126-138; Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007;

исследования автодокументальной прозы предполагает анализ самих нарративов женщин-историков как формы рефлексии о собственной научной и личной судьбе, творческих и коммуникативных сложностях и победах. Субъективное восприятие происходящих с ними событий, доступное нам в формате нарративов об учебе, семейной жизни, карьере в большинстве мемуаров и дневников служило конструированию идентичности автора не столько как успешной жены и матери, сколько как профессионала. Особенности саморепрезентации в женских мемуарах подводят к мысли, что почти все они демонстрируют желание авторов моделировать собственную идентичность как историка, превращая тексты о своем прошлом в аналог исторического труда. Будучи профессиональными историками, мемуаристки осознавали свою миссию по созданию нового исторического источника⁸⁸, и к задаче этой относились ответственно, стараясь не допускать намеренных искажений, мистификаций или создания ложного художественного образа своей судьбы (как, например, в опубликованном дневнике художницы М.К.Башкирцевой)⁸⁹. Детским годам уделялось гораздо больше внимания в женских текстах, чем в мужских нарративах: в отличие от мужчин-историков, с удовольствием рассказывавших о годах учения, профессиональных трудностях и своем мнении по политическим вопросам, но избегавших чересчур пристального внимания к впечатлениям детства⁹⁰, женщины-историки в большей мере старались описать быт, старинный уклад жизни через мельчайшие подробности. Еще не подозревая о существовании антропологического метода «плотного» или

Fitzpatrick Sh. *Lives and Times. In the Shadow of Revolution: Lifestories of Russian Women from 1917 to the Second World War*. Princeton University Press, 2000. P.3-4.

⁸⁸ Aurell J. *Theoretical perspectives on historians' autobiographies: from documentation to intervention*. New York, NY: Routledge, 2016. P. 213-215.

⁸⁹ Башкирцева М.К. *Дневник Марии Башкирцевой*. М.: Искусство, 2001.

⁹⁰ Павловская С.В. *Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX - начала XX веков: дисс. ... канд. Ист. наук: 07.00.09*. Н. Новгород, 2006; Кизеветтер А.А. *На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881-1914*. М.: Искусство, 1996; Милуков П.Н. *Воспоминания (1859-1917)*. М.: Современник, 1990. В 2-х тт.; Соловьев С.М. *Мои записки для детей моих, а если можно и для других*. Пг.: «Прометей» Н.Н.Михайлова, 1915.

«насыщенного» описания⁹¹, русские женщины-историки в мемуарах сами стремились встать на место «изучаемого объекта», быть не только кропотливыми исследователями, но и создателями исторического источника, подробного и полезного для будущих исследователей. Желание написать мемуары женщины-историки объясняли так: «оставить черты старого быта, из которого вырос»⁹², «терпеливо и тщательно собрать, правдиво, хотя бы и субъективно правдиво отразить все, что вспоминаю я о своем детстве и юности, о том, что меня окружало, что меня растило, чего уже нет, что безвозвратно умерло»⁹³, ««...не столько хочется воссоздать мою прошедшую жизнь саму по себе, сколько тот неповторимый мир с его бурями и штилями, ненавистью и любовью, героизмом и подлостью»⁹⁴. Общую мысль женщин-историков выразила историк и этнограф В.Н.Харузина: «Интересна не я, но эпоха»⁹⁵. В целом, подобная позиция соответствует женской автодокументальной традиции в русском обществе конца XIX – первой половины XX вв.: женские тексты стремились представлять перед читателем не в виде исповеди, а, скорее, в форме «свидетельского показания» о прошедших событиях⁹⁶. Зачастую работа над воспоминаниями о детстве превращалась в форму психологического эскапизма – попытку забыть о тяжелой реальности и сосредоточиться на счастливом прошлом (например, свои воспоминания Н.Д.Флиттнер писала в подвале Эрмитажа зимой 1941 года⁹⁷).

Обращение к истории повседневности при анализе автодокументальных источников, принадлежащих этим исследовательницам, предполагает выявление некой общей поведенческой типики женщин-историков, общих особенностей

⁹¹ Geertz C. Thick descriptions toward an interpretive theory of culture // Geertz C. The interpretation of culture. N.Y. Van Nostrand, 1973. Ch. 1. P. 3–30.

⁹² Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

⁹³ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

⁹⁴ Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. С.5-6.

⁹⁵ Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 18.

⁹⁶ Fitzpatrick Sh. Lives and Times. In the Shadow of Revolution: Lifestories of Russian Women from 1917 to the Second World War... P.3-4.

⁹⁷ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ (Научный архив рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа). Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

структурирования рабочего и вне рабочего времени, практик работы и отдыха. Разрозненные факты, касающиеся структуры отдыха и досуга первых русских женщин-историков, помогают выявить и проинтерпретировать изменения в этой сфере обыденности, которые следовали за трансформацией профессиональных сторон жизни этих женщин. Факты этих изменений предоставляют возможность генерализировать отдельные рассказы для формирования представления о многообразии форм времяпрепровождения женщин-ученых.

Автодокументальные источники, принадлежащие коллегам⁹⁸, друзьям, близким родственникам⁹⁹ женщин-историков дополняют нарративы

---

⁹⁸ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. М.: Наука, 2003; Александр Евгеньевич Пресняков: письма и дневники, 1889—1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005; Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992; Багалій Д. І. Харківська доба діяльності О. Я. Ефименкової // Збірник наук.-дослід. каф. іст. укр. культури. Харків, 1930. Т. 10. С. 5—15; Водовозова Е.Н. На заре жизни. М.: Худож. лит., 1964. Т. 2, [ч. 3]: Мемуарные очерки и портреты. 1964; Гревс И.М. В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 12. С. 42-88; Грушевський М. П[елагія] Литвинова-Бартош. Некролог // ЗНТШ. Львів, 1904. Т. LXII. Кн. VI. Miscellanea. С. 3; Суворин А.С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London: The Garnett press; М.: Изд-во Независимая газ., 2000; Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1995; Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М.: Аквариус, 2015; Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990; Корсаков Д.А. К.Д.Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1887, №4. С. 457-488; Косинский М.Ф. Первая половина века: Воспоминания. Paris: YMCA-Press, 1995; Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881-1914. М.: Искусство, 1996; Костомаров Н.И. Автобиография. М.: Задруга, 1922; Люблинская А.Д. О.А. Добиаш-Рождественская как ученый // Ученые записки ЛГУ, сер. ист. наук, вып. 12, 1941. С.10-26; Майский И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925—1945 гг. Т.: Узбекистан, 1980; Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). М.: Современник, 1990. В 2-х тт.; Павленко Н.И. Воспоминания историка. М.: Памятники исторической мысли, 2016; Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М.: ГИХЛ, 1958; Пионтковский С.А. Дневник историка С.А. Пионтковского (1927-1934). Казань: Казанский гос. ун-т, 2009; Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. М.: Руда и Металлы, 2009; Платонов С.Ф. Александра Яковлевна Ефименко: Некролог // Дела и дни. 1920. Кн.1. С.617—620; Платонова Н.Н. Дневник (1889-1921). Рязань: [б.и.], 2020; Пришвин М. М. Дневники. 1930-1931. Книга седьмая. СПб.: Росток, 2006; Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М.: Новое литературное обозрение, 2005; Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно и для других. Пг.: «Прометей» Н.Н.Михайлова, 1915; Сорокин П. А. Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991; Спаська І. Пелагея Яковівна Литвинова: Нарис її життя та праці за її

исследовательниц, позволяют сопоставить женские и мужские свидетельства о процессе вхождения женщин в академическую корпорацию историков, демонстрируют трансформацию мужского взгляда на статус женщин в науке, позволяют полнее охарактеризовать различные стороны академической повседневности.

Литературные (проза и поэзия¹⁰⁰, а также переводы¹⁰¹) научные¹⁰², учебно-методические¹⁰³ тексты, принадлежащие перу женщин-историков, также важны для диссертационного исследования. Эта группа источников позволяет выявить

рукописами та родинними документами // Етнографічний вісник. 1928. Кн.7. С.168 – 199; Шитц И.И. Дневник великого перелома (1928-1931). Paris: Ymca-press, 1991; Хоткевич Г. Ефименкова // Збірник наук.-дослід. каф. іст. укр. культури. Харків, 1930. Т. 10. С. 37-43.
⁹⁹ Mahn-Lot A. Ma mère, Myrrha Lot-Borodine (1882-1954) // Esquisse d'itinéraire spirituel. Revue des sciences philosophiques et théologiques. Vol.88, №4, 2004. Pp. 745-754; Гаген-Торн Г.Ю. Нина Ивановна Гаген-Торн — ученый, писатель, поэт // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Вост. лит., 2002. 343 с. С. 308—341; Карпова И.В. История семьи Карповых. Семейная хроника. URL: <http://karpovy-chronicles.narod.ru/content.html> (дата обращения 31.06.2021); Ньюберг И.К. Доисторическое // Сайт «Семейная мозаика». URL: <http://rautian.ru/?story&id=830> (дата обращения: 1.12.2020); Семенова-Флюр (Шаскольская) В.Э. Родители моей мамы – социалисты-революционеры Н.В. Брюллова-Шаскольская и П.Б.Шаскольский // Судьбы демократического социализма в России. Сборник материалов международной научной конференции. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2014. 360 с. С.296-315; Скржинская М. «И тогда я прочла Карсавину стихи». URL: <http://russophile.ru/2016/10/08/марина-скржинская-и-тогда-я-прочла-ка/> (дата обращения: 19.01.2021).

¹⁰⁰ Вторая муза историка: Неизученные страницы русской культуры XX столетия. М.: Наука, 2003.

¹⁰¹ Например, Цезарь Гай Юлий. Комментарии, в изложении Антони Троллопа. Пер. с англ. С.К. Брюлловой (Кавелиной). СПб.: В. Ковалевский, 1876; Смутное время / К. Валишевский; Пер. с фр. под ред. [и с предисл.] Е. Н. Щепкиной. СПб.: О-во вспоможения окончившим курс наук на С.-Петербур. высш. жен. курсах, 1911; Массе Ж. Слуги желудка : Письма о физиол. жизни человека; Переделка с фр. Е. Лихачевой и А. Сувориной. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1870. 460 с.

¹⁰² Например, Брюллова С.К. Общественные идеалы в Екатерининскую эпоху // Вестник Европы, 1876. № 1. С. 49-83; Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1890-1901. Т. 1-4.

¹⁰³ Литвинова П.Я. Азбука для народных школ: Сост. по звуковому способу для нагляд. обучения П. Литвиновой. Киев: тип. С.Т. Еремеева, 1877; Сб. повестей, рассказов, стихотворений и попул. статей для детей всех возрастов / Сост. и изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной. СПб.: тип. Н. Тиблена и К° (Н. Неклюдова), 1866; Краткий очерк русской истории с древнейших времен до начала XX века / Сост. Е. Щепкина. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: В. И. Яковенко, 1906.

научные интересы женщин-историков, рассмотреть их публикационную активность в сравнении с мужчинами-историками, а также оценить степень вовлеченности их в научную, издательскую и литературную деятельность эпохи (в частности, увидеть случаи, когда женский научный труд оставался без внимания публики или, напротив, становился популярным).

Источником по проблеме исследования также являются *публицистические произведения и статьи в периодической печати*, в том числе отзывы о диссертациях, статьи о диспутах женщин-историков, посвященные им некрологи и поздравления от коллег и знакомых. Кроме этого, значимым для темы исследования являются тексты выступлений женщин-историков на конференциях (в частности, выступление О.А.Добиаш-Рождественской «За двадцать лет» - первая попытка проанализировать вклад первых поколений женщин-историков в русскую историческую науку¹⁰⁴). Все эти источники помогают раскрыть важные стороны профессиональной повседневности женщин-историков, увидеть восприятие в общественной мысли их публичного статуса и внешнюю оценку их профессиональных достижений.

Таким образом, все перечисленные виды источников отвечают основным задачам исследования по изучению женской академической повседневности второй половины XIX – первой половины XX вв., но наибольшее значение для диссертационного исследования имеют исторические источники личного происхождения и литературные произведения, т.к. именно в них содержится информация о трансформации публичного статуса женщины-исследователя, подробностях карьерных траекторий и стратегиях самореализации, примеры взаимодействия женщин-историков с лидерами научного сообщества и иные разнообразные практики повседневной жизни исследовательниц. Используя автодокументальные тексты, становится возможным генерализировать немногочисленные разрозненные факты изменений повседневных структур работы и отдыха женщин-историков.

Методология и методы исследования.

---

¹⁰⁴ Добиаш-Рождественская О.А. За 20 лет // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 236.

Исследование основано на следующих методологических подходах: историко-антропологическом, гендерном, новой биографической истории, генерационном, истории повседневности.

Исследование построено на принципе историзма, что подразумевает рассмотрение социально-культурных явлений в динамике их изменений, предполагающем анализ объектов исследования с точки зрения общего, повторяющегося в них, и индивидуально-неповторимого в их единстве¹⁰⁵. Исследование проводилось в рамках *историко-антропологического подхода*, что позволило рассмотреть социальные практики повседневной жизни женщин-историков с позиций внимания к каждой конкретной личности, ее духовному миру и внутренним переживаниям повседневного опыта. Значимой для исследования также является *гендерная методология*, в основе которой лежит анализ фактора пола, влияющего на стратегии самореализации женщин-историков, систему иерархии в академической корпорации и механизмы адаптации женщин в традиционно мужском сообществе. *Новая биографическая (или персональная) история* предполагает ориентацию на важность реконструкции личной жизни и судеб отдельных женщин-историков для понимания их эмоционально-духовной жизни, с особым вниманием к автодокументальным текстам, принадлежащим самим исследовательницам прошлого. Подобный подход позволяет интерпретировать личный опыт конкретной научной работницы как результат влияния окружающего социального контекста, и, напротив, как фактор, этот социальный контекст создающий. Использование *генерационного подхода* дает возможность рассматривать стратегии самореализации женщин-историков в зависимости от социально-исторических условий, в которых активно работало то или иное поколение историков, и от существовавших среди ученых этого поколения социальных связей. *Подход истории повседневности* предполагает поиск изменчивых и повторяющихся структур в области привычных и рутинных повседневных

---

¹⁰⁵ Смоленский Н.И. Теория и методология истории. М.: Академия, 2012. С. 151.

практик женщин-историков, что, в свою очередь, дает возможность увидеть процесс трансформации стратегий поведения исследовательниц.

Кроме общенаучных методов исследования в диссертации были использованы историко-генетический, историко-типологический и историко-системный, просопографический методы, методы сетевого анализа и качественной интерпретации. С помощью *историко-генетического метода* удалось проследить факторы, влиявшие на профессиональную и личную повседневность представительниц исторической науки. *Историко-типологический метод* позволяет выявить характерные особенности повседневной жизни представительниц конкретной профессиональной группы. Применение *историко-системного метода* помогло рассмотреть повседневность женщин-историков как важный элемент процесса трансформации положения женщин в науке. В исследовании также используется *просопографический метод* как сочетание анализа тех или иных общих и особенных биографических явлений для составления «коллективной биографии» и детального внимания к внутреннему миру представительниц исследуемой группы, проявляющемуся в эгодокументах. *Метод сетевого анализа* позволяет через выявление межличностных контактов женщин-историков рассмотреть механизмы, с помощью которых они налаживали связи в научной корпорации. *Интерпретативный метод* в анализе письменных автодокументальных источников дает возможность через личное эмпатическое переживание исследователя увидеть в нарративах прошлого субъективное осмысление событий, эмоциональное отношение к ним автора текста и различные способы «проговаривания себя» в условиях внешних обстоятельств.

Для более глубоко понимания методологических основ исследования необходимо привести ряд определений, используемых в работе. Под **женщинами-историками** понимается группа исследовательниц, обладающая следующими общими характеристиками: высшее историческое образование (в 1920-начале 1930-х возможным вариантом было образование на факультетах общественных наук) и профессиональная деятельность в области истории

(преподавание, исследовательская работа, экскурсионная деятельность и работа в фондах музеев и т.п.). Из множества трактовок понятия в данном исследовании выбирается определение *повседневности* как «реальности, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира»¹⁰⁶. Под *структурой повседневности* понимается теоретическая модель повседневной жизни, характеризующаяся повторяемостью, предсказуемостью, узнаваемостью для какой-либо социальной группы¹⁰⁷. В качестве основных «фреймов» структуры повседневности в данном исследовании предполагается использовать следующие предложенные Н.Л.Пушкаревой *категории повседневности*: «1. событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира; 2. обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле; 3. эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей»¹⁰⁸.

Научная новизна диссертации. В отечественной историографии попыток специально изучить стратегии самореализации первых российских и советских женщин-историков, проанализировать практики их профессиональной и внерабочей повседневности, механизмы вхождения в академическую корпорацию не предпринималось. Достаточная обеспеченность автодокументальными источниками, возможность анализа принадлежавших женщинам литературных и научных работ, масса нормативно-правовых актов и делопроизводственных документов, регулировавших отношения преподавательниц и администрации, наличие публицистических произведений, в которых говорилось о статусе первых женщин-ученых, дают возможность восполнить образовавшийся пробел и

---

¹⁰⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Моск. филос. фонд, 1995. С.312.

¹⁰⁷ Полякова И.П. Современные концепции повседневности, анализ сущности и структура повседневного бытия людей // Вестник Томского государственного университета. 2017. №37. С.86-89.

¹⁰⁸ Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований. URL:<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 15.07.2021).

использовать генерационный подход к изучению научного вклада и условий самореализации женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв., выяснить влияние социальных условий на устоявшиеся практики их повседневной жизни.

Научная и практическая значимость. Ряд автодокументальных источников, созданных российскими и советскими женщинами-историками, впервые вводится в научный оборот, что имеет важное значение для изучения истории отечественной исторической науки. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании таких дисциплин на гуманитарных специальностях высшего образования, как этнология и социальная антропология, гендерная антропология, история исторической науки, история России второй половины XIX – первой половины XX вв., источниковедение, история повседневности, историография. Отдельные положения исследования могут быть использованы в обобщающих работах, касающихся истории участия женщин в науке.

Положения, выносимые на защиту.

1. Для большинства представительниц первого поколения российских женщин-историков (1860-1880-е гг.) занятия наукой были формой общественной активности в рамках движения за женскую эмансипацию.

2. Система подготовки научных кадров, сложившаяся на Бестужевских Высших женских курсах в 1890-х – 1917 гг., отвечала задачам максимально быстрой и легкой адаптации женщин в исторической науке, несмотря на законодательство, ограничивающее их трудоустройство в этой области.

3. Советская система образования и организации науки декларировала равенство полов, однако, вхождение женщин в академическую корпорацию шло очень медленно, с трудом, и диспропорции были лишь отчасти ликвидированы к середине 1930-х годов, причём численность женщин на высоких научных должностях оставалась крайне низкой.

4. Первым российским женщинам-историкам изначально было сложнее добиться успехов в науке, т.к. они обладали меньшим запасом доверия в

академической среде и были в большей степени подвержены дискриминационным практикам.

5. Система академического наставничества, сложившаяся в дореволюционный период, была наиболее важным механизмом адаптации женщин в корпорации историков: благодаря научным руководителям они осваивали методику исследовательской работы, преодолевали многочисленные карьерные трудности, получали оплачиваемые стажировки за границей.

6. Во второй половине XIX – начале XX века занятия наукой мешали успешному выполнению женщинами-историками традиционного гендерного сценария. Социальная нестабильность и необходимость совмещать научную работу со «второй сменой» (работой по дому) продолжала негативно влиять на профессиональный рост и развитие многих женщин-ученых довоенной эпохи.

7. Свободное время первых женщин-историков было почти неотделимо от процесса повышения уровня их образования и профессиональной деятельности, досуговые практики служили для адаптации к академической карьере.

Апробация результатов исследования.

Основные выводы и результаты исследования апробированы в 13 печатных статьях (из них 5 в журналах, индексируемых в международных реферативных базах Scopus и Web of Science), в том числе, 7 статей в изданиях, рекомендованных Всероссийской аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Также основные положения диссертации прошли апробацию в виде докладов на 10 научных конференциях, в том числе звучали на 2 Конгрессах антропологов и этнологов России и на 3 конференциях, проводимых Центром гендерных исследований ИЭА РАН и Российской ассоциацией исследователей женской истории (РАИЖИ).

Структура диссертационного исследования обусловлена его целью и задачами, включает в себя введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение, списки источников и литературы. Первая глава *«Нормативно-*

правовое регулирование научного труда и профессиональная самореализация первых трех поколений женщин-историков» рассматривает изменения в законодательном регулировании и социальных условиях работы женщин в качестве профессиональных историков. В первом параграфе *«Первые русские женщины-историки: публикационная активность и творческий процесс»* изучаются биографии первых российских женщин-историков и факторы, повлиявшие на их профессиональный выбор, способы самореализации в условиях, ограничивающих возможности научной деятельности для женщин. Второй параграф *«Женщины на кафедре»: профессиональная активность второго поколения русских женщин-историков»* посвящен изменениям в законодательстве о трудоустройстве женщин-историков в Российской империи и изучению опыта первых женщин, попробовавших себя в преподавательской работе в высших учебных заведениях дореволюционной России. Третий параграф *«Профессиональные достижения третьего поколения российских и советских женщин-историков: траектории карьеры»* исследует, как политические события 1917-1930-х гг. повлияли на карьерные стратегии женщин-историков и анализирует, как декларируемое профессиональное равенство мужчин и женщин отразилось на работе исследовательниц.

Вторая глава *«Профессиональная повседневность российских и советских женщин-историков второй половины XIX - первой половины XX века»* характеризует публичное пространство повседневности женщин-историков. В первом параграфе *«Эффект Матфея»* и *«эффект Матильды»: особенности научного статуса первых женщин в отечественной исторической науке»* рассматриваются примеры дискриминационных практик, описанных в автодокументальных источниках женщин-историков, анализируется возможность применения социологических моделей «эффект Матфея» и «эффект Матильды» к описанию статуса женщин в академическом сообществе. Второй параграф *«Практики научной повседневности в эго-документах российских и советских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.»* рассматривает различные стороны профессиональной повседневности женщин-

историков: механизмы их адаптации в корпорации ученых через архивные изыскания и дополнительные обязанности в высших учебных заведениях, вестиментарные стратегии как способ саморепрезентации в роли «ученой дамы», способы построения взаимоотношений с коллегами. Третий параграф *«Академическое наставничество в профессиональной повседневности женщин-историков»* посвящен процессу обучения женщин-историков исследовательской работе и вариантам их взаимоотношений с научными руководителями, первым опытам работы женщин-историков в роли академических наставников.

Третья глава *«Повседневность частной жизни российских и советских женщин-историков второй половины XIX - первой половины XX века»* рассматривает различные стороны частной сферы жизни первых поколений российских и советских женщин-историков. Первый параграф *«Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.»* рассматривает автодокументальные нарративы о детстве женщин-историков как способ саморепрезентации себя как историка через детские увлечения и описания первых гендерных конфликтов между идеальными представлениями о счастливой семейной жизни и профессиональным развитием. Вторым параграфом *«Эмоциональная сфера жизни: дружба, семья, личные интимные привязанности»* посвящен, в первую очередь, трансформации семейных стратегий женщин-историков, влиянию изменений формы наиболее типичных гендерных контрактов на их частную и профессиональную повседневность. Третий параграф *«Профессиональный доход и паттерны экономического поведения русских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.»* рассматривает основные источники профессионального дохода женщин-историков и основные статьи их расходов, способы преодоления экономических трудностей. В четвертом параграфе *«Свободное нерабочее время первых поколений российских женщин-историков»* анализируется бюджет времени женщин-историков, проблема «второй смены» в структуре их свободного нерабочего времени, разнообразные практики проведения досуга как механизма

адаптации к неформальным правилам академического сообщества. В заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

ГЛАВА 1. НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАУЧНОГО ТРУДА И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРВЫХ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ

Общую численность лиц, занимавшихся исследованием прошлого, в России второй половины XIX - начала XX века определить сложно. Так, первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года дает скудные сведения о количестве ученых и литераторов, работавших в этот момент в России. По данным переписи, число женщин среди всех ученых и литераторов империи составляло 284 человека или 9% (примечательно, что больше всего их было в губерниях Привисленского края, т.е., на территории бывшего Царства Польского – 13 %, в Санкт-Петербурге – 10%)¹⁰⁹. Судя по этим данным, женщин, занимавшихся именно историческими исследованиями было столь мало, что эту группу лиц приходится в буквальном смысле выявлять поименно (даже если брать во внимание, что статистика могла не учитывать часть исследовательниц, занимавшихся научной работой по совместительству).

Из неполноты статистических данных следует вопрос, всех ли женщин, так или иначе связанных с исторической наукой, мы можем называть историками? Области истории, словесности, археологии и этнографии были достаточно близки в XIX – начале XX вв., исследовательницы нередко пробовали себя в нескольких из них, ориентируясь на свои меняющиеся интересы. Можно ли, например, считать А.О.Ишимову, замечательно адаптировавшую «Историю государства Российского» Н.М.Карамзина для детей, профессиональным историком? С одной стороны, безусловно, эту работу нельзя назвать научной – это всего лишь адаптация исторического сочинения для детей. С другой стороны, невозможно оценивать первых русских женщин-историков в соответствии со стандартами современного научного работника – сам факт обращения к истории в их работе уже был необычен в социальных условиях середины XIX века. Соответственно, изучая женщин-историков, следует также обращать внимание на этнографов,

---

¹⁰⁹ Посчитано по: Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. II. СПб., 1905. С. 256-295.

фольклористов, музейных работников, археологов, архивистов, библиотекарей, искусствоведов – то есть, всех тех, кто создавал научно-исследовательские работы, связанные с историей (также в форме отчетов из экспедиций или музейных выставок).

Главным препятствием для самоидентификации женщин в качестве ученых и литераторов, безусловно, была нормативно-правовая база, ограничивающая их право на высшее образование и трудоустройство в сфере науки. В этой главе предполагается рассмотреть поэтапный процесс вхождения русских женщин-историков в традиционно мужскую академическую корпорацию историков во второй половине XIX – первой половине XX вв. через трансформацию нормативно-правовых актов, регулировавших труд женщин в науке, типичные способы трудоустройства в качестве преподавательниц и исследовательниц, влияние политических событий на профессиональное становление женщин-историков. Предполагается создать общий портрет каждого из поколений женщин-историков через их профессиональную деятельность в различных вариантах карьер: занятия историческими исследованиями и преподавание в высших учебных заведениях, музейная и экскурсионная деятельность, работа в архивах и библиотеках.

§ 1. Первые русские женщины-историки: правовая реальность и творческий процесс

Нормативно-правовые основы вхождения женщин в сообщество историков Российской империи в эпоху Великих реформ. Профессиональная корпорация историков Российской империи, полностью сформировавшаяся к середине XIX века, имела некоторые отличительные особенности. Во-первых, сообщество историков было важным институциональным элементом молодой отечественной университетской культуры (как правило, в числе первых факультетов, возникавших в новых университетах, обязательно был историко-филологический)¹¹⁰. Модернизация профессионального научного сообщества

---

¹¹⁰ Чесноков В. И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура

пореформенной эпохи привела к формированию конкурирующих научных школ: крупнейшими историческими школами в России XIX – начала XX вв. условно считают московскую и Санкт-Петербургскую, каждая из них в свою очередь трансформировалась, разделяясь на отдельные научные школы по мере конструирования отдельных научных дисциплин¹¹¹. Исторические исследования проводились в тесном взаимодействии с европейскими научными центрами, российские историки (в особенности, специалисты по античности и медиевистике), обладали мировой известностью. Во-вторых, многие проблемы, интересовавшие историков, имели общественную значимость, поэтому широко обсуждались не только в профессиональных кругах, но и в прессе, на неформальных встречах аристократии и интеллигенции. Развивались многочисленные исторические общества¹¹² (в частности, краеведческие)¹¹³, появлялись новые научно-популярные журналы, целиком или частично посвященные историческим проблемам (такие, как «Русская старина», «Исторический вестник», «Русский архив» и т.п.). Патриотический подъем общества и рост общественно-политической активности населения создавали публичный запрос на результаты исторических исследований, историков уважали не только как профессионалов, но и как общественных деятелей. В-третьих, соприкосновение с политически значимыми историческими проблемами делало исторические исследования вопросом государственной важности, привлекавшим особенный интерес властей, в частности, Министерства народного просвещения. В-четвертых, высокий социальный статус профессуры (и сложность его

императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: НИУ "ВШЭ", 2012. С. 113-114.

¹¹¹ Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. С. 111.

¹¹² Каплан В. Исторические общества и идея исторического просвещения (конец XIX - начало XX века) // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом М.: НИУ "ВШЭ", 2012. С. 355-382.

¹¹³ Боярченков В. В. Провинциальные исследователи старины в российском историографическом пространстве середины XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом М.: НИУ "ВШЭ", 2012. С. 258-259.

достижения, например, приват-доцентами) поддерживал престиж профессии, демонстрируя значимость образования и серьезный профессиональный отбор.

Великие реформы 1860-х – 1870-х гг., в том числе и в области образования, изменили положение российской профессорской корпорации¹¹⁴. По университетскому уставу 1863 года, в составлении проекта которого с 1856 года участвовали многие русские ученые, профессорское сообщество получило самоуправление, выборность ректоров, увеличено было количество кафедр (на историко-филологическом факультете с 8 до 11), удвоены оклады профессоров¹¹⁵. Вопрос определения границ академической свободы при этом оставался открытым: государственная власть не могла не заметить, что расширение прав университетов спровоцировало резкое увеличение студенческих волнений¹¹⁶. Еще одной проблемой, которую Университетский устав не решил, стал вопрос допуска женщин к высшему образованию. С одной стороны, допуск сторонних слушателей и женщин в университет виделся организаторам реформы важным этапом демократизации и повышения качества высшего образования, т.к. «присутствие публики весьма полезно потому, что оно служит средством распространения в массах истин, добытых наукою, но и потому, что оно не дает преподавателям заснуть на лаврах, читать одно и то же по тетрадкам, раз навсегда заготовленным, заставляет их работать и обновлять свое преподавание»¹¹⁷. Так, даже публицист М.Н.Катков, убежденный консерватор, выступал за полное равенство образовательных возможностей для мужчин и женщин и за право женщин заниматься наукой (отмечая, впрочем, что «сомнительно, чтобы соединение полов в одной аудитории могло когда-нибудь стать общим правилом»¹¹⁸ и предлагая сделать женскую систему образования точной копией

---

¹¹⁴ Томсинов В.А. Подготовка и проведение университетской реформы // Университетская реформа 1863 года в России. М.: Зерцало, 2012. С. LXVIII.

¹¹⁵ Университетский устав 1863 года. СПб.: Тип. Огизко, 1863. 55, 108 с.

¹¹⁶ Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: Том 1. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 381-382.

¹¹⁷ Там же. С.375.

¹¹⁸ Катков М.Н. О женском образовании: статьи, связанные с возникновением и постепенным ростом женской классической гимназии. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1897. С.7.

мужской). В результате создатели Университетского устава предпочли не касаться в тексте нормативно-правового акта вопроса о допуске женщин в университеты, по сути, делегируя это решение ученым советам университетов. Этим не замедлили воспользоваться поборники женской эмансипации: еще во время разработки проекта Устава, в 1860 году первые вольнослушательницы были допущены к занятиям Санкт-Петербургского университета (историк и правовед К.Д.Кавелин буквально «за руку» вводил их в студенческие аудитории)¹¹⁹. Сам К.Д.Кавелин входил в Ученый комитет Главного управления училищ, который в соответствии с мнением советов русских университетов, составлял проект устава¹²⁰. Необходимо отметить, что в своем стремлении утвердить в Университетском уставе основы женского высшего образования в России, К.Д.Кавелин во многом опирался на необходимость заботы о будущем своей единственной дочери, которая спустя 10 лет стала подающим надежды историком – С.К.Кавелиной (Брюлловой). Во время обсуждений проекта устава, он, в числе представителей Совета Санкт-Петербургского университета, аргументировал необходимость допуска женщин в университеты тем, что если в европейской культуре с сильными религиозными традициями высшего образования подобный обычай, действительно, был нов, то в российских университетах, изначально созданных светскими, подобное ограничение было бы надуманным и не обоснованным религиозными традициями. Также петербургские профессора апеллировали к тому, что по Законам Российской империи женщины обладали одинаковыми гражданскими правами с лицами мужского пола (в частности, правом собственности)¹²¹. Несмотря на аргументы коллег, профессура Московского университета голосованием запретила допуск на занятия женщин (позднее эту же точку зрения поддержал и Дерптский университет), объясняя это тем, что присутствие женщин «может иметь вредное влияние на успешный ход

---

¹¹⁹ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М.: ГИХЛ, 1958. С.224.

¹²⁰ Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб.: Сенат. тип., 1902. С. 14-17.

¹²¹ Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: Том 1. С. 375-376.

занятий молодых людей»¹²². Необходимо отметить, что советы остальных русских университетов согласились с Санкт-Петербургским университетом о пользе допуска женщин «не только к слушанию лекций, но и к испытаниям на научные степени»¹²³.

Поставленный в начале 1860-х гг. вопрос о разрешении женщинам проходить испытания на ученые степени в результате остался лишь проектом. Примечательно, что в конце XVIII века в Российской империи уже был прецедент получения женщиной допуска для преподавательской деятельности: 18 мая 1780 г. астроном и математик С. Я. Румовский передал академической Комиссии письмо Марианны Фагод-Порус, урожденной Ариоль, с просьбой проэкзаменовать ее по английскому и французскому языкам, истории, географии и минералогии и т. д. В Указе об учреждении Академии Наук и Художеств и в «Регламенте Императорской Академии Наук и художеств в Санкт-Петербурге» не оговаривалось испытание дам; Румовский запросил мнения академиков, и те решили, что женщины, занимающиеся воспитанием юношества, должны, как и мужчины, выдерживать соответствующий экзамен и получать аттестаты¹²⁴. Этот прецедент, впрочем, влияния на решение вопроса о научной аттестации женщин не оказал. Логическим продолжением допуска женщин в университеты в качестве вольнослушательниц в конце 1850-х гг. стал вопрос о праве сдачи ими государственных экзаменов и получения диплома. В рамках дискуссии о новом университетском уставе в 1860-е гг. вопрос о научной аттестации женщин не вышел за рамки обсуждения в тесном кругу профессионалов: Ученый совет Санкт-Петербургского университета считал, что «допущение лиц женского пола к испытанию на ученые степени должно быть принято по совершенному отсутствию причин противоположного. При экзамене на ученую степень дело идет о чистом звании, и лица мужского пола получают ученую степень вовсе не за

---

¹²² Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: Том 1. С. 375.

¹²³ Там же. С. 377.

¹²⁴ Летопись Российской Академии наук. Отв. редактор д. филос. наук Н. И. Невская. Т. I. 1724–1802. СПб.: Наука, 2000. С.669.

то, что они принадлежат к известному полу»¹²⁵. Тем не менее, когда в 1863 году первые две девушки обратились с этой просьбой, им было отказано¹²⁶. Подробно исследовавшая вопрос изменения нормативно-правовых актов, регулирующих права женщин на работу в сфере научного труда, О.А.Валькова полагала, что причиной резкого неприятия государственной властью возможности получить университетский диплом для женщин стало то, что в таком случае дипломированные выпускницы могли бы претендовать на вступление в должности государственной гражданской службы со всеми сопутствующими привилегиями¹²⁷. Так или иначе, в начале эпохи Великих реформ российские женщины, интересовавшиеся наукой, еще в массе своей не получили систематического высшего образования (даже за границей), следовательно, возможность получить ученую степень интересовала их только в отдаленной перспективе, поэтому широкого общественного резонанса этот вопрос не получил.

Первая волна женской эмансипации в России, начавшаяся в конце 1850-е гг.¹²⁸, продемонстрировала, что идея о высшем образовании для женщин, реализовавшаяся в 1870-х гг. в системе Высших женских курсов, в целом, встретила поддержку в рядах профессионального сообщества. Тем не менее, законодательство, регламентирующее профессиональное участие женщин в системе науки и высшего образования, значительно отставало от правовой реальности. Правовые основы научного труда женщин в России XIX – начала XX вв. складывались из четырех составляющих: право на самостоятельный творческий труд, право на высшее образование, право на аттестацию знаний и способности к преподаванию и право на работу в структурах высшего образования и науки. Если право на творческий исследовательский труд

---

¹²⁵ Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: Том 1. С.377.

¹²⁶ Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века - 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х - 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 813.

¹²⁷ Там же. С. 817.

¹²⁸ Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя. 2007. С.423.

традиционно не было регламентировано законодательством, а, следовательно, и ограничено; право на получение высшего образования постепенно с 1870-х гг. реализовывалось через возникшие высшие женские курсы, то права на аттестацию профессиональных знаний и способности к преподаванию исследовательницы получили только в 1911 году. Право же на трудоустройство в качестве преподавателей и исследователей было напрямую связано с системой научной аттестации кадров и, несмотря на отсутствие формального разрешения органов государственной власти, постепенно начало реализовываться уже с середины 1880-х гг.

Стратегии самореализации первых женщин-историков Российской империи. В описанной выше правовой реальности сформировалось первое поколение женщин, профессионально занявшихся историческими исследованиями. Общественное движение за женскую эмансипацию продемонстрировало, что женщины могут добиваться успехов в традиционно мужских интеллектуальных профессиях, даже несмотря на осложненный доступ к образованию и материальной базе для качественных исследований. К первому поколению русских женщин-историков, строивших исследовательскую карьеру в наиболее сложных условиях, можно отнести тех, кто родился в 1800-1860-х гг. и был вынужден учиться профессии историка самостоятельно, без помощи Высших женских курсов: А.О.Ишимова (1804-1881), Литвинова (Бартош) П.Я. (1833-1904), Лихачева (Косинская) Е.О. (1836-1904), Белозерская Н.А. (1838-1913), Уварова П.С. (1840-1924), Ефименко А.Я. (1848-1918), Брюллова С.К. (1851-1877).

Судьба первой российской женщины-историка А.О.Ишимовой выглядит как цепь счастливых случайностей – тем не менее, именно предприимчивость исследовательницы, ее стремление вырваться из бедности, используя свои интеллектуальные силы, позволили ей стать первой известной женщиной-автором исторического сочинения в России. Дочь ссыльного чиновника, она с юных лет была знакома с лишениями и в построении карьеры могла рассчитывать только на собственные силы. Сначала она занималась преподаванием, потом переводами

книг для юношества. Вскоре одна из сановных знакомых переводчицы предложила ей самой написать рассказы о русской истории для детей в духе «Дедушкиных рассказов» об истории Шотландии Вальтера Скотта¹²⁹. Несмотря на то, что сначала А.О.Ишимова сочла эту мысль «чересчур смелую»¹³⁰, у нее получилось описать доступным и ясным языком важнейшие сюжеты русской истории. Хотя, разумеется, во многом этот текст был адаптированным пересказом «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина, А.О.Ишимова вспоминала о своей тяжелой работе и с иными, доступными ей на тот момент историческими источниками¹³¹. Важной особенностью, демонстрирующей то, что А.О.Ишимова воспринимала свою работу как настоящее исследование, было то, что написав первые 25 рассказов, она обратилась за научной редактурой к профессору русской словесности Санкт-Петербургского университета П.А.Плетневу. Вероятно, у А.О.Ишиимовой был и иной умысел: П.А.Плетнев преподавал историю и литературу детям царской семьи, кроме того, был организатором замечательных вечеров, на которых присутствовали все самые знаменитые литераторы того времени¹³². П.А.Плетнев славился своей безотказностью и готовностью помочь, поэтому, прочитав первую часть работы А.О.Ишиимовой, он сразу же стал использовать тексты для уроков в царской семье и помог также с публикацией книги на средства Академии наук. После прочтения первых рассказов великими княжнами, А.О.Ишимова получила денежное пособие от императорской семьи, позволявшее ей не думать о средствах на жизнь. Благосклонно принятая публикой, А.О.Ишимова получила ежегодную пенсию от императрицы и почетную неправительственную награду – Демидовскую медаль (и половинную

---

¹²⁹ Scott, Walter, Sir. *Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from Scottish History.* Humbly Inscribed to Hugh Littlejohn, Esq. In Three Vols. Vol. I[II-III]. Printed for Cadell and Co. Edinburgh; Simpkin and Marshall, London; and John Cumming, Dublin. 1828.

¹³⁰ Быков П.В. Русские женщины-писательницы. А.И.Ишимова. С.321.

¹³¹ Там же.

¹³² Тургенев И.С. Литературный вечер у Плетнёва // Русский архив. 1869. Вып. 10. Стб. 1663—1676.

премию) в области педагогики в 1840 году¹³³. Позднее А.О.Ишимова написала еще несколько учебников истории для детей¹³⁴, которые, тем не менее, не смогли превзойти успех ее первого сочинения. Кроме того, она занималась изданием журналов для детского чтения¹³⁵ и была приглашена преподавать историю и словесность девочкам из царской семьи¹³⁶. А.О.Ишимова своей работой ответила на запрос общества на чтение «популярной», адаптированной версии истории России, чем и объяснялся ее профессиональный успех.

Занятия историей как общественно-политический проект: А.Я.Ефименко, Н.А.Белозерская и П.Я.Литвинова. Другие женщины-историки, сделавшие литературную карьеру в 1860-е – 1880-е гг. не воспринимали себя как последовательниц А.О.Ишимовой и на поддержку государства или царской семьи не рассчитывали: напротив, многие из них видели в действиях властей сопротивление развитию женского образования. В остальном путь А.О.Ишимовой к славе и уважению в русском образованном обществе, во многом, был похож на судьбу ее последовательниц из первого поколения русских женщин-историков: в поисках способов вырваться из семейных или финансовых проблем, они начинали с частных уроков, переводов или иной, даже самой простой литературной работы, а затем, при поддержке знакомых мужчин из академического сообщества, дерзали опубликовать свои собственные научные изыскания в области истории в научно-популярных журналах, что, к тому же, хорошо оплачивалось. Важно отметить, что само желание обеспечивать себя интеллектуальным трудом в 1860-е – 1870-е гг. было частью движения за эмансипацию и являлось публичной демонстрацией

¹³³ Общий обзор Демидовских наград за все время их существования с 1831 по 1864 год // Тридцать четвертое, и последнее, присуждение учреждённых П. Н. Демидовым наград. СПб.: [б.и.], 1866. С. 50.

¹³⁴ Ишимова А.О. Исторические рассказы Александры Ишимовой. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1849; Ишимова А.О. Маленькие уроки, или Всеобщая история в разговорах для детей. Вып. 1-5. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1858-1863. 5 т. Вып. 1. 1858; Ишимова А.О. Священная история в разговорах для маленьких детей. СПб.: тип. Я. Трея, 1854; Ишимова А.О. Сокращенная русская история. СПб.: тип. Я. Трея, 1867.

¹³⁵ Махова К.А. Журнал «Звездочка» А. О. Ишимовой // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. №12 (113). С.34-43.

¹³⁶ Быков П.В. Русские женщины-писательницы. А.И.Ишимова. ... . С.322.

стремления женщин участвовать в общественной жизни Российской империи. Историки П.Я.Литвинова, Н.А.Белозерская, А.Я.Ефименко были тесно связаны с украинскими «громадами», Е.О.Лихачева, Н.А.Белозерская, Е.Н.Щепкина были активистками женского движения. Хотя П.С.Уварова и С.К.Брюллова не были замечены в числе участниц борьбы за женское равноправие в Российской империи (в силу своего высокого общественного положения, обе они не могли демонстрировать приверженность идеалам эмансипации, чтобы не усложнить жизнь мужьям и родителям), их также отличало стремление принести пользу обществу не только своими исследованиями, но и волонтерской и благотворительной работой.

Демократизация общественной жизни в начале правления Александра II привела к росту общественных организаций самой различной направленности, чувствовавших себя вне цензурных ограничений вполне свободно. В 1859 году в Санкт-Петербурге активистками женского движения М.В.Трубниковой, А.П.Философовой и В.Н.Ростовцевой было создано «Общество доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга», позднее они же организовали первую женскую трудовую ассоциацию и создали инициативную группу по организации Высших женских курсов¹³⁷. В том же году в Санкт-Петербурге и Киеве были созданы первые украинские «громады»¹³⁸ - национально-культурные сообщества украинской интеллигенции¹³⁹, носившие полулегальный характер (в особенности, после закрытия властями тайного Кирилло-Мефодиевского братства). Неслучайным совпадением видится то, что, как минимум, трое из первых российских женщин-историков были связаны с представителями украинского национального движения. Знакомство с представителями «громад» происходило во всех перечисленных случаях, благодаря мужьям (П.Я.Литвинова через родственника мужа, украинского

¹³⁷ Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя. 2007. С. 423.

¹³⁸ Мияковский В. «Киевская громада»: Из истории украинского общественного движения 60-х гг. // Летопись революции. 1924. № 4. С. 127-150.

¹³⁹ Побірченко Н. С. Педагогічна і просвітницька діяльність українських Громад у другій половині XIX — на початку XX століття: У 2-х кн. К.: Наук. світ, 2000. Кн.1: Київська громада. С.10-12.

историка Александра Марковича, познакомилась и стала активной участницей киевской «старой громады», Н.А.Белозерская поддерживала хорошие отношения с петербургскими друзьями бывшего мужа по Кирилло-Мефодиевскому братству, А.Я.Ефименко вместе с супругом включилась в работу украинского национального движения в Харькове, а позднее сама стала центром украинского землячества на Бестужевских ВЖК). Состоящие из жен активистов национального украинского движения, «дамские кружки» при Санкт-Петербургской и Киевской громадах – «громады передовых женщин» - решали свои задачи. Если основными темами обсуждения мужчин в «громадах» были истоки украинского языка и культуры, конструирование малороссийского национального самосознания и отдельной от русской украинской истории¹⁴⁰, то в задачи женской части «громад» входило решение проблем женского и рабочего образования на основе малороссийской культуры (та же П.Я.Литвинова, например, в начале карьеры занималась составлением пособий для обучения чтению, азбуки для народных школ и писала детские рассказы о животных). Влияние цензурных ограничений (в частности, Валуевского циркуляра 1863 и Эмского указа 1876 гг.) не снизили активность женской части «громад»: их активистки в условиях ограниченных возможностей использования малороссийского наречия переключились на развитие женского движения и рабочего образования вне националистического контекста. Тесное взаимодействие мужчин и женщин в упомянутых «громадах» привело к тому, что мужчины (этнографы и историки) увидели в женщинах равноправных партнеров по общественному движению и предложили наиболее талантливым из них профессиональную поддержку. Вдохновленная помощью историка Ф.К.Волкова, П.Я.Литвинова начала писать небольшие этнографические статьи для «Киевлянина» и «Киевской старины»¹⁴¹ и серьезно изучать народное искусство,

¹⁴⁰ Миллер А.И. "Украинский вопрос" в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб. : Алетей, 2000. С. 89-93.

¹⁴¹ Литвинова П.Я. Еще о старинных трактах или дорогах в Южной России// Киевская старина. 1883. №3. С.682-683; Криница – Богиня плодородия у Северян// Киевская старина. 1884. №4. С.695-697; Как сажали в старину людей старых на лубок // Киевская

участвовать в археологических раскопках. Еще больших успехов добились участницы громад Н.А.Белозерская и А.Я.Ефименко. Первая еще в 1850-е гг. благодаря мужу, редактору украинофильского журнала «Основы»¹⁴² познакомилась с историком Н.И.Костомаровым, который в 1868 году предложил ей стать своим секретарем. В воспоминаниях Н.А.Белозерской о Н.И.Костомарове прослеживается то, как с течением времени менялось мнение ученого о своей молодой знакомой: если сначала он «никогда не говорил о более или менее серьезных вопросах по русской истории, интересовавшей его больше всего. Быть может, это происходило от нежелания наскучить ученым разговором, среди господствовавшего увлечения общими вопросами, или же вследствие вполне основательной боязни быть непонятым»¹⁴³, то впоследствии, после долгого общения, изменил свое мнение о Н.А.Белозерской. Увидев ее тщательную работу над переводом одной из сказок Андерсена, Н.И.Костомаров написал ей: «А у меня теперь одно из первых желаний, чтобы вы, занявшись русской историей, попробовали написать простой популярный рассказ: это очень нужно»¹⁴⁴. Н.А.Белозерская писала, что усердно принялась за чтение Н.М.Карамзина и С.М.Соловьева, но ничего в них не понимала, потому что не обладала достаточно подготовкой «для самостоятельного умственного труда» и даже не знала о существовании академических библиотек, а о публичной имела только смутное представление, никогда там не бывая¹⁴⁵. Н.И.Костомаров не просто нуждался в помощи: он мечтал о том, чтобы «приучить к труду и в тоже время удовлетворить стремлению к умственной жизни»¹⁴⁶ своей близкой знакомой. В итоге, начав с перевода воспоминаний о России английского путешественника Джерома

старина, 1885. №6. С.354-356; Как землянцы потеряли свою вольницу// Киевская старина. 1886. №6. С.381-384; Закрутки и заломы// Киевская старина. 1899.Т.3. С.139-141.

¹⁴² Белозерская Н.А. Воспоминания о Н.И.Костомарове // Русская старина. Томъ XLX-L. 1886. Выпуски 1-4. С. 610.

¹⁴³ Белозерская Н.А. Воспоминания о Н.И.Костомарове. С.616.

¹⁴⁴ Там же. С.632.

¹⁴⁵ Там же. С. 633.

¹⁴⁶ Там же. С. 634.

Горсея¹⁴⁷, Н.А.Белозерская стала домашним секретарем историка: делала выписки из книг в библиотеках, составляла аннотации для новых научных трудов, писала под диктовку и помогала готовить научные работы к печати. Сотрудничество прекратилось в 1873 году, хотя в воспоминаниях Н.И.Костомарова говорится, что болезнь глаз, из-за которой он пригласил Н.А.Белозерскую на должность секретаря, с 1872 г. только прогрессировала¹⁴⁸. Вероятной причиной разрыва между ученым и его помощницей было то, что именно в 1873 г. Н.И.Костомаров снова встретил свою давнюю возлюбленную А.Л.Крагельскую¹⁴⁹, на которой в скором времени женился. Как следствие, основные обязанности литературного секретаря приняла на себя супруга историка, а Н.А.Белозерская снова осталась без работы. Постепенно Н.А.Белозерская снова стала востребованной уже как самостоятельный историк: ей стали поручать не только рецензии, переводы или составление автобиографий по устным интервью (она называла это «исповедовать стариков»), но и исторические исследования¹⁵⁰. Необходимо отметить, что хотя именно благодаря знакомству с деятелями малороссийского национального движения, Н.А.Белозерская получила возможность профессионального развития, в Санкт-Петербурге после развода она гораздо ближе сошлась с активистками женского движения М.В.Трубниковой, А.П.Философовой, Н.В.Стасовой, и свою внерабочую общественную активность разделяла именно с ними.

Если для П.Я.Литвиновой и Н.А.Белозерской возможность заняться историческими исследованиями была наилучшим шансом устроить свою судьбу после формального или фактического развода с мужьями, то А.Я.Ефименко занялась наукой благодаря своему супругу, ссыльному украинскому этнографу П.С.Ефименко. Замужество изменило ее представления о роли женщины: сначала Александра Яковлевна помогала супругу в его этнографических исследованиях

¹⁴⁷ Горсей Дж. Записки о Московии XVI века. Пер. с англ. Н. А. Белозерской; С предисл. и примеч. Н. И. Костомарова. СПб.: Суворин, 1909.

¹⁴⁸ Костомаров Н.И. Автобиография. М.: Задруга, 1922. С. 416-417.

¹⁴⁹ Костомаров Н.И. Автобиография. С.418.

¹⁵⁰ Белозерская Н. А. Из жизни Петра Великого. Первые годы сближения Петра I с Екатериной Алексеевной. 1702-1727 гг. // Исторический вестник. 1903. Т. 92. № 5. С. 451-493.

народных обычаев, а затем сама начала создавать работы по истории и этнографии народов севера¹⁵¹. В 1870-е гг. после облегчения условий ссылки супруги постоянно переезжали и, в конце концов, остановились в Харькове, где активно включились в работу украинского национального движения. Известно, что в молодости П.С.Ефименко отличался радикальными взглядами¹⁵², за что даже получил прозвище «Царедавенко»¹⁵³. После ссылки супруги серьезнее относились к соблюдению законодательства, но участие в украинском национальном общественном движении не оставили. А.Я.Ефименко участвовала в деятельности харьковского историко-филологического общества при университете, выступала с публичными лекциями на темы украинской истории, а также помогала мужу в работе над статьями и редакцией научных сборников, участвовала в археологических съездах, комитете харьковского «Общества грамотности», товариществе «Трудящихся женщин», деятельности харьковской общественной библиотеки¹⁵⁴. Одновременно с профессиональным развитием, А.Я.Ефименко все больше времени была вынуждена отдавать решению проблем своей большой семьи: Петр Саввич Ефименко с начала 1890-х гг. был тяжело болен, старшая дочь Александра страдала тяжелым психическим заболеванием. С 1907 года А.Я.Ефименко преподавала на Санкт-Петербургских высших женских курсах, первой из женщин получила звание «почетного доктора наук»¹⁵⁵.

Как и А.О.Ишимова, А.Я.Ефименко, Н.А.Белозерская и П.Я.Литвинова вынуждены были самостоятельно зарабатывать на жизнь, а историческими исследованиями занялись, фактически, случайно, под влиянием видных представителей украинского землячества. Все трое были представительницами эпохи шестидесятниц, и воспринимали свои занятия наукой как форму

¹⁵¹ Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии / сост. Александра Ефименко. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1877.

¹⁵² Разумова А.П. Из истории русской фольклористики. П.С. Ефименко и П.Н. Рыбников. М.; Л., 1954. С. 20—42, 75—129.

¹⁵³ Разумова А. П. Из истории русской фольклористики. П. С. Ефименко и П. Н. Рыбников. С. 30.

¹⁵⁴ Багалій Д. І. Харківська доба діяльності О. Я. Ефименкової // Збірник наук.-дослід. каф. іст. укр. культури. Харків, 1930. Т. 10. С. 5—15. С.10-12.

¹⁵⁵ Платонов С.Ф. Александра Яковлевна Ефименко: Некролог // Дела и дни. 1920. Кн.1. С.617—620.

эмансипации (Н.А.Белозерская и П.Я.Литвинова таким образом учились жить независимо от мужей). Поначалу их работа над историческими исследованиями была ближе к дилетантским литературным занятиям: вторая половина XIX века в Российской империи отличалась популярностью исторических журналов, где труд женщин был весьма востребован, но, при этом, практически не замечался академической наукой. Участие же известных мужчин-историков, таких, как Н.И.Костомаров, Ф.К.Волк или П.С.Ефименко, в судьбе исследовательниц, с одной стороны, помогало женщинам овладеть методикой исторических исследований, а с другой стороны, создавало необходимые коммуникации с академической наукой, что приводило к постепенному признанию их исследовательских заслуг.

Исторические исследования как неоплачиваемое хобби: С.К.Брюллова, П.С.Уварова, Е.О.Лихачева. Для остальных женщин-историков первого поколения в Российской империи вопрос выживания стоял не так остро: они происходили из обеспеченных семей, поэтому могли позволить изначально тратить деньги на собственное образование и только после этого переходить к исследованиям. Так, Софья Константиновна Брюллова (1851-1877) не нуждалась в оплачиваемой работе: дочь замечательного русского историка и правоведа К.Д.Кавелина, супруга успешного художника-передвижника П.А.Брюллова, она, «лишенная всех неприятных сторон и «синего чулка» и «кисейной барышни»¹⁵⁶, тем не менее, мечтала об интеллектуальном труде. Софья была единственным ребенком К.Д.Кавелина, тесная связь с отцом проявлялась во всем: в дочери К.Д.Кавелин находил достойного собеседника, старался баловать ее и восхищался ей. Отец гордо замечал, что все замечательные личные качества дочери – результат организованного им для нее постоянного умственного труда: в 17 лет «Соня целый день работает: гимназия, история и музыка наполняют жизнь ее без

---

¹⁵⁶ Корсаков Д.А. К.Д.Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1887, №4. С. 457-488. С. 458.

остатка»¹⁵⁷. После окончания дочерью гимназии отец убедил ее продолжить образование и сам выступил для нее научным руководителем: в свободное от ее работы время организовал ее обучение предметам, отсутствовавшим в учебных планах женских гимназий. Ежегодно С.К.Кавелина с матерью проводила лето за границей, посещая музеи и археологические памятники. Уже в юности С.К.Кавелина (Брюллова) начала писать собственные научные переводы и исследования¹⁵⁸. Очевидно, что во всех случаях научным руководителем Софьи Константиновны выступал отец, хотя четкого представления о том, как будет развиваться научная карьера дочери, у него не было. Это заметно по темам сочинений: интересы С.К. были разнообразны, и, вероятно, К.Д.Кавелин не ставил перед ней задачу посвятить себя одной значительной научной теме — при невозможности женской академической карьеры в России это не имело смысла. В письмах своей сестре К.Д.Кавелин сокрушался, что дочь интересуется древней и новой историей, а обожаемая им история средних веков не вызывает в ней особенного интереса¹⁵⁹. Сама С.К.Кавелина мечтала, в первую очередь, о самореализации в преподавании истории. Успешно работая в гимназии (ее уроки как образцовые были удостоены посещения великой княжной Марией Александровной), С.К.Кавелина посещала собрания педагогических обществ, на одном из которых случился ее диспут с известным российским историком, преподавателем великих князей, В.Д.Сиповским. Диспут, а в особенности, риторические качества, интеллект и умение красиво вести спор 19-летней С.К.Кавелиной произвели исключительное впечатление на Санкт-Петербургское общество, личностью молодой преподавательницы заинтересовался

¹⁵⁷ Корсаков Д. А. К. Д. Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний. С.466.

¹⁵⁸ Донн У.Б. Тацит, в изложении В.Б. Донна / Пер. с англ. С.К. Брюлловой, урожд. Кавелиной. СПб.: В.О. Ковалевский, 1876; Цезарь Гай Юлий. Комментарии, в изложении Антони Троллопа. Пер. с англ. С.К. Брюлловой (Кавелиной). СПб.: В. Ковалевский, 1876; Брюллова С.К. Общественные идеалы в Екатерининскую эпоху // Вестник Европы, 1876, № 1. С. 49-83; Брюллова С.К. Новая теория о происхождении Франции // Вестник Европы, 1877, № 2. С.581-631

¹⁵⁹ Корсаков Д. А. К. Д. Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний. С. 482.

И.С.Тургенев¹⁶⁰. С.К.Брюллова так и не смогла в полной мере реализовать свои исследовательские способности: она умерла в 1877 году, так и не оправившись от последствий тяжелой беременности. После смерти С.К.Брюлловой, К.Д.Кавелин остался ревностным защитником права женщин на образование (так, в первые годы существования Бестужевских курсов необходимым условием обучения на курсах была рекомендация от известного администрации курсов человека — сам К.Д.Кавелин выступил рекомендателем будущего историка Е.Н.Щепкиной).

В первом поколении русских женщин-историков самой титулованной и известной, безусловно, была Прасковья Сергеевна Уварова (урожденная княжна Щербатова) (1840-1924). Автор нескольких работ по археологии¹⁶¹, она стала также первой женщиной, внесший значительный вклад в организацию отечественной исторической науки¹⁶². Состоявшая в многочисленных обществах, связанных с наукой и образованием, П.С.Уварова активно занималась развитием отечественной археологии. Старшая из 9 детей знатной семьи князей Щербатовых, Прасковья Сергеевна получила домашнее образование, после переезда семьи в Москву с детьми занимались приходящие гимназические преподаватели. Родители принципиально тратили деньги не на участие детей в балах и иных развлечениях, а на их образование¹⁶³. В 1857 году семнадцатилетняя княжна познакомилась со своим будущим мужем, помощником попечителя Московского учебного округа графом А.С.Уваровым (сыном С.С.Уварова, министра народного просвещения и президента Академии наук). П.С.Уварова разделила увлечение супруга археологическими исследованиями. Сразу же после

¹⁶⁰ Буданова Н. Ф. Предисловие к Статье С. К. Брюлловой о романе «Новь» // Литературное наследство. Т. 76. С.277—320.

¹⁶¹ Уварова П.С. Губернские или областные музеи. М.: Моск. археол. о-во, ценз; тип. А.И. Мамонтова и К°, 1888; Уварова П.С. Каталог ризницы Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле / [Соч.] Гр. Уваровой. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1887; Уварова П.С. Археология / Сост. гр. П.С. Уварова, пред. Моск. археол. о-ва. Тифлис: тип. Канцелярии главноначальствующего гражданск. частью на Кавказе, 1902.

¹⁶² Стрижова Н. Б. П. С. Уварова и ее воспоминания «Былое. Давно прошедшие счастливые дни» // Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 2005. С. 10-29.

¹⁶³ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания Прасковьи Сергеевны Уваровой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С.27.

венчания Прасковья Сергеевна должна была помочь в организации транспортировки богатой коллекции археологических артефактов из Санкт-Петербурга в имение Поречье¹⁶⁴, а свадебное путешествие за границу (по выражению П.С.Уваровой – «археологическое путешествие»¹⁶⁵) предполагало посещение раскопок в Помпеях (и, фактически, обучение новейшим для своего времени методам археологических исследований). После возвращения из заграничного путешествия супруги продолжили увлечение археологией и историей: А.С.Уваров коллекционировал рукописи из Поволжья и Северных губерний, в задачу П.С.Уваровой входил надзор за тем, как их необходимо подклеивать, подписывать, нумеровать, переплетать¹⁶⁶. Также П.С.Уварова участвовала в кодификации и организации археологических артефактов в музее супруга¹⁶⁷. Из-за разногласий с руководством Императорской Археологической комиссии и Санкт-Петербургского археологического общества, А.С.Уваров принял решение организовать независимое от них Московское археологическое общество¹⁶⁸, в создании которого приняла участие и П.С.Уварова. Она занималась подготовкой регулярных съездов общества и сопутствующих им выставок, организацией археологических раскопок. Овдовев в 1884 году, П.С.Уварова продолжила дела мужа: составляла архив его научных работ, каталогизировала археологические коллекции, была избрана председателем Московского археологического общества. Хотя ее активная деятельность на этом посту заслужила признание историков и археологов («общество, как и съезды, обязаны своим существованием одному и тому же человеку»¹⁶⁹), П.С.Уварова со своим энергичным и властным характером нравилась далеко не всем. Постоянно происходили конфликты с государственными комиссиями – Археографической и

¹⁶⁴ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания Прасковьи Сергеевны Уваровой. С.40.

¹⁶⁵ Там же. С.53.

¹⁶⁶ Там же. С.90.

¹⁶⁷ Уварова П.С. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова: Отд. [1]-11 / [[Соч.] Гр. Уварова]. М.: Синод. тип., 1887-1908. 4 т.

¹⁶⁸ Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // Российская археология. 1993. № 3. С. 228-245. С. 237.

¹⁶⁹ Уварова П.С.Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания Прасковьи Сергеевны Уваровой. С.138.

Археологической, Московское археологическое общество и Императорская Археологическая комиссия боролись за право исследовать Херсонес¹⁷⁰, приходилось защищать исторический облик Москвы от местных властей. В.Г.Аксареева, проанализировавшая жизненный путь и карьерные устремления П.С.Уваровой в парадигме гендерных исследований, полагает, что вся обширная общественная деятельность и занятия археологией графини в первую очередь интерпретировались окружающими как личные, семейные, а не как общественно значимые (как дань памяти умершего супруга)¹⁷¹. Хотя можно согласиться с тем, что жизненный путь П.С.Уваровой иллюстрирует явление гендерной ресоциализации (усвоение новых, не общепринятых моделей поведения), необходимо отметить, что свои организаторские таланты П.С.Уварова в полной мере проявляла еще при жизни мужа. Энергичность графини вкупе со знатным происхождением и политическим весом (в сложных ситуациях П.С.Уварова не стеснялась обращаться с просьбами к императору и министрам) позволили ей заслужить определенный авторитет на посту председателя МАО, но в то же время ухудшили отношения с коллегами-мужчинами.

С.К.Брюллова и П.С.Уварова принципиально дистанцировались от любого участия в общественных движениях, беспокоясь, что подобная деятельность будет угрожать карьере их мужей или отцов. Для Елены Осиповны Лихачевой (1836-1904) – одной из активных участниц женского движения второй половины XIX века, автора первой исторической работы о развитии женского образования в России¹⁷² - исторические исследования были лишь хобби в свободное от общественной работы время. Родившаяся в 1836 году в польской аристократической семье баронов Косинских¹⁷³, Елена Осиповна получила

¹⁷⁰ Кац В.И. Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2014. №3. С. 353-364.

¹⁷¹ Аксареева В.Г. "Мы, французы, не привыкли видеть русскую даму, занимающуюся науками, и в особенности археологией...": мемуары графини Прасковьи Сергеевны Уваровой в гендерном прочтении // *Вестник ЧелГУ*. 2009. №32. С.157-163. С. 160.

¹⁷² Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1890-1901. Т. 1-4.

¹⁷³ Косинский М.Ф. Первая половина века: Воспоминания. Paris: YMCA-Press, 1995. С.11-12.

традиционное для женщин ее круга образование в Смольном институте благородных девиц. Хотя первые уроки занятия науками она получила от отца¹⁷⁴, настоящее свое призвание к литературной деятельности Е.О.Лихачева обнаружила уже после замужества (ее супруг В.И.Лихачев был юристом и общественным деятелем). Вместе со своей подругой, женой известного журналиста и издателя Алексея Суворина, Анной Сувориной (Барановой), Е.О.Лихачева занялась литературным трудом. В первую очередь, ее интересовало современное положение женщин в странах Европы и России, вопросы философии и воспитания детей. Знакомая со многими известными писателями и журналистами (Н.А.Некрасовым, М.Е.Салтыковым-Щедриным¹⁷⁵, Ф.М.Достоевским¹⁷⁶), Е.О.Лихачева имела репутацию либеральной дамы, хотя и несколько эксцентричной, но многое сделавшей для развития женского образования в Российской империи. Так, «Сборник повестей, рассказов, стихотворений и популярных статей для детей всех возрастов»¹⁷⁷, составленный ею вместе с А.И.Сувориной, был запрещен в апреле 1866 года¹⁷⁸, в первую очередь, из-за включения в него работ радикальных авторов – А.И.Герцена, Н.А.Добролюбова, Н.А.Некрасова. Примечательно, что цензурные ограничения никак не помешали карьере мужа, В.И.Лихачева: его постоянно повышали, а работу на государственной службе он закончил в чине действительного тайного советника¹⁷⁹. Цензурная неудача не заставила Е.О.Лихачеву отказаться от литературной деятельности: вращаясь в кругах женщин, увлеченных наукой и

¹⁷⁴ Лихачёва Е.И. [некролог] // Исторический вестник. 1905, №1. С.377.

¹⁷⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. М.: Худож. лит. Т.18, кн. 2: Письма. 1868-1876. 1976. С.343-344.

¹⁷⁶ 52. Достоевский Ф.М. Письмо А.Г.Достоевской 30.07./11.08.1876. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/perepiska-dostoevskij-dostoevskaya/dostoevskij-dostoevskoj-30-iyulya-1876.htm> (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁷⁷ Сб. повестей, рассказов, стихотворений и попул. статей для детей всех возрастов / Сост. и изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной. СПб.: тип. Н. Тиблена и К° (Н. Неклюдова), 1866.

¹⁷⁸ Деревнина Е.А. Коломенская женская гимназия Ведомства учреждений императрицы Марии в период своего становления: состав и деятельность // История Петербурга. 2019. № 4(77). С. 33-40. С. 38.

¹⁷⁹ Лихачев, Владимир Иванович // Руководители Санкт-Петербурга СПб.; М.: Нева: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С.269.

женским движением, Е.О.Лихачева решилась попробовать себя в научной работе: в 1872 г. она издала работу о деятелях европейской Реформации¹⁸⁰. Исследовательская работа захватила ее ненадолго: Е.О.Лихачева продолжила мечтать об издательской деятельности и вдохновила А.С.Суворина на покупку газеты «Новое время»¹⁸¹. После трагической гибели в 1873 году супруги А.С.Суворина Анны¹⁸², ее подруга считала своим долгом заботиться об их пятерых детях и помочь А.С.Суворину наладить финансовое положение семьи¹⁸³. Совместная издательская деятельность постепенно рассорила друзей¹⁸⁴, и Е.О.Лихачева занялась развитием Высших женских курсов и организацией женского движения в Российской империи. 1880-е-1890-е гг. Е.О.Лихачева посвятила исследованию истории женского образования в России с древнейших времен¹⁸⁵. Об этом периоде жизни Елены Осиповны нам известно лишь по отрывочным воспоминаниям современников: они говорили о ней, как об активной и бескомпромиссной женщине, постоянно пытавшейся спасти Высшие женские курсы от закрытия¹⁸⁶. В целом, занятия наукой для нее были формой общественной активности: ее историческая работа, получившая почетный отзыв Академии наук, отвечала социальному запросу и, фактически, доказывала необходимость развития женского высшего образования как продолжения исторической традиции.

¹⁸⁰ Лихачева Е.О. Европейские реформаторы Гус, Лютер, Цвингли, Кальвин. СПб.: тип. В. Демакова, 1872.

¹⁸¹ Суворин А.С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London: The Garnett press; М.: Изд-во Независимая газ., 2000. С. 483.

¹⁸² Достоевский Ф.М. ПСС: В 30 т. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972-1990. 1976. Т. 17. С. 424; Макарова О. «Не будь Анюты, которая... имела на меня большое влияние...»: Штрихи к семейному портрету А.С. Суворина на фоне эпохи // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М., 2006. № 12. С. 160—169.руко

¹⁸³ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. М.: Худож. лит. Т.18, кн. 2: Письма. 1868-1876. 1976. С.343-344.

¹⁸⁴ Макарова О. «Судьба каким-то роковым образом ставит меня поперек Вашей дороги...»: «Дело Каировой» и его след в биографии А.С. Суворина // НЛЮ. 2005. № 75 (5). С. 92—120.

¹⁸⁵ Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1890-1901. Т. 1-4.

¹⁸⁶ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и граница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 63 (об.).

С.К.Брюллова, П.С.Уварова и Е.О.Лихачева не нуждались в зарплате, занимаясь историческими исследованиями. Происходившие из обеспеченных дворянских семей, они воспринимали занятия историей как хобби, помогавшее их главной задаче – общественной активности. Каждая из них многое сделала на поприще образования и науки: С.К.Брюллова выступала в диспутах, тем самым доказывая право женщины на участие в профессиональном и научном споре с мужчинами, а также работала в женской гимназии (в ее случае это была форма благотворительности); П.С.Уварова стала продолжательницей дела своего супруга в области археологии и краеведения и доказала, что женщина может выступать успешным организатором науки, Е.О.Лихачева успешно боролась за существование ВЖК и с научной точки зрения обосновывала необходимость женского образования. Деятельность этих женщин способствовала постепенной легитимизации участия женщин в науке, чем пользовались их современницы, для которых исследовательская работа в области истории уже была главной профессиональной задачей.

Почти все женщины-историки первого поколения были знакомы между собой, но, тем не менее, о дружеских отношениях или эпизодах взаимопомощи между ними известно не было: главными связями, благодаря которым они получили доступ в науку, были знакомства с мужчинами-историками. Женщины-историки, для которых занятия наукой стали формой движения за эмансипацию, во-первых, зачастую начинали с преподавания, затем переходили к занятиям литературной работой, т.е. переводам (это было более выгодно финансово и экономило время, необходимое для посещения учеников), и в результате, благодаря знакомству с исследовательской деятельностью начинали писать научные работы. Отношение к занятиям историей как к форме литературной работы позволяла первым женщинам-историкам легко менять тему, уходить в знакомые им области этнографии и литературы. Каждая из них находилась под пристальным вниманием русской общественности: их успехи обсуждались в прессе, а лучшие исторические сочинения удостоивались премий.

Таким образом, представительницы первого поколения российских женщин-историков имели некоторые общие черты. Нашедшие свое призвание в атмосфере 1860-х гг. – первого периода женской эмансипации в России - главную свою задачу они видели в реализации права женщин на высшее образование, а занятия наукой воспринимали, как способ добиться равных прав с мужчинами в этой области. Проводниками в мир науки для них стали известные историки эпохи – Н.И.Костомаров, К.Д.Кавелин, К.Н.Бестужев-Рюмин, В.И.Герье, А.Н.Веселовский. Либерально настроенные профессора не видели различий между своими учениками обоих полов, но и единой системы работы с ученицами еще не изобрели. Женщины-историки первого поколения остро чувствовали недостаток образования в своей области, который компенсировали упорством и поиском все новых возможностей для обучения.

§ 2. «Женщины на кафедре»: профессиональная активность второго поколения русских женщин-историков

После открытия историко-филологических/ словесно-исторических отделений Высших женских курсов в Москве и Санкт-Петербурге в 1872-1878 гг., множество женщин начали заниматься историей на высоком профессиональном уровне. Кроме получения серьезного и качественного исторического образования, курсы дали женщинам еще одну возможность – освоение новой профессии «университетского» преподавателя и квалифицированного научного работника. Общественное движение за женскую эмансипацию среди прочих требований добивалось равных условий получения образования и профессиональной самореализации женщин и мужчин в научной сфере. Лидеры женского движения нашли поддержку в лице либеральной профессуры, уверенной в способностях женщин к творческому продуктивному труду.

Первые женщины-историки – работницы ВЖК. За все время существования Высших женских курсов в С.-Петербурге исторические дисциплины преподавались всего четырьмя десятками профессоров, из которых 32 были мужчинами. Имена 9 женщин-преподавательниц ныне можно отнести к полузабытым, хотя тогда они были среди известнейших историков своего

времени. Е.Н.Щепкина преподавала русскую историю XVIII века, Н.С.Враская (Боткина) - всеобщую Нового времени, О.А.Добиаш-Рождественская - средневековую историю и палеографию, А.Я.Ефименко - отечественную историю и этнографию, А.А.Константинова - историю искусств, О.Е.Корнилович и М.А.Островская - отечественную историю, А.М.Петрункевич была медиевисткой и читала также курс по истории раннего Нового времени, С.А.Протасова – по античной истории. Все они, кроме А.Я.Ефименко, были и сами выпускницами Высших женских курсов. В качестве ассистентов преподавателей работали еще несколько молодых особ женского пола: М.М.Дабижа, С.Ф.Анберг (Загряцкова), Ж.А.Вирениус (Мацулевич), С.М.Данини, О.К.Самарина (Недзведская), Н.И.Симонова¹⁸⁷. Всего же на Высших женских курсах преподавало около сотни женщин, не менее 45 работали ассистентками, помогая профессорам в составлении отчетов, учебных пособий, обрабатывая тексты лекций для печати, решая иные технические вопросы. В Москве на Высших женских курсах (В.И.Герье) преподавательницами исторических дисциплин стали всего две женщины: Е.Н.Елеонская и В.Н.Харузина¹⁸⁸, обе преподавали дисциплины, связанные с фольклористикой и этнографией. В списках преподавателей истории иных Высших женских курсов (Киевских, Казанских, Сибирских) женщины не значились¹⁸⁹.

Первой женщиной-преподавательницей истории на Высших женских курсах стала **Екатерина Николаевна Щепкина (1854-1938)**, выпускница курсов Герье, Бестужевских курсов и Сорбонны, оставившая замечательные неопубликованные воспоминания. Она была одной из самых заметных активисток женского движения в России, членом Петербургского отделения Союза Равноправности Женщин, членом Центрального Бюро Союза Равноправности Женщин от

¹⁸⁷ Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878-1918). М.: Политическая энциклопедия, 2018. С.353-448.

¹⁸⁸ Требовательные ведомости историко-филологического отделения МВЖК // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 1. Д. 126. Л. 21-26 (об.).

¹⁸⁹ Пушкарева Н.Л., Секенова О.И. Преподавательницы Бестужевских женских курсов как феномен российской эмансипации второй половины XIX - начала XX в. // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 302-316.

Петербурга, позже — активной участницей Российской Лиги равноправия женщин, где она возглавляла комиссию по пропаганде¹⁹⁰. Происходившая из семьи чиновника и «столбовой дворянки»¹⁹¹, Е.Н.Щепкина училась в нижегородской гимназии и с детства увлекалась исторической литературой. Хотя Е.Н.Щепкина мечтала о работе «для народа», родители настояли на продолжении обучения. Е.Н.Щепкина приняла решение ехать в Москву на женские курсы, открытые историком В.И.Герье.

Высшие женские курсы в Москве стали новым необычным опытом для бывшей гимназистки: лекции В.И.Герье, В.О.Ключевского, Н.С.Тихонравова и В.С.Соловьева открыли перед Е.Н.Щепкиной мир профессиональной исторической науки. Хотя Е.Н.Щепкина сложно сходилась с людьми, В.И.Герье выделял ее среди других курсисток и назначил на должность «хранительницы библиотечки»¹⁹² - маленького собрания книг для курсов, которое создал сам основатель учебного заведения. Пройдя три курса истории на Московских ВЖК, Е.Н.Щепкина попробовала себя в педагогической деятельности (преподавала в женских средних учебных заведениях сначала в Саратове, потом в Москве, опыт преподавания считала неудачным из-за тяжелой атмосферы в коллективе). В 1880 г. семья Е.Н.Щепкиной переехала в Санкт-Петербург, отец получил новую должность, благодаря которой Е.Н. могла позволить себе не работать, и Е.Н.Щепкина приняла решение снова стать курсисткой (в 26 лет)¹⁹³.

Обучение на Бестужевских курсах стало новым этапом в формировании Е.Н.Щепкиной как историка. Будучи старше большинства бестужевок, Е.Н.Щепкина тяжело сходилась с однокурсницами, зато своей серьезностью, любовью к исторической науке и способностями к исследовательской работе производила благоприятное впечатление на преподавателей, в частности, к ней благоволил создатель курсов К.Н.Бестужев-Рюмин. Окончив курсы, Е.Н.Щепкина

---

¹⁹⁰ Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. Становление женского политического движения в России (1891-1914 гг.) // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 114-128.

¹⁹¹ Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 10-15.

¹⁹² Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 113.

¹⁹³ Щепкина Е.Н. Бестужевские курсы // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 6.

на деньги семьи отправилась учиться за границу, став первой русской студенткой-историком в Сорбонне, где училась в 1884-1885 гг., параллельно работая во французских архивах и библиотеках. В 1885 г. Е.Н.Щепкина покинула Францию после обвинения в убийстве ее знакомой Бетти Metzger. Еще во время обучения во Франции, Е.Н.Щепкина по примеру своей знакомой, математика Веры Иосифовны Шифф, работавшей ассистентом на Высших женских курсах, написала К.Н.Бестужеву-Рюмину письмо с предложением провести на курсах цикл лекций по русским источникам XVIII века, на что руководитель курсов с удовольствием согласился («Допустят ли меня выступить на курсах? Имелись ли прецеденты такой дерзости?» писала она в воспоминаниях¹⁹⁴).

Так, в 1885 году Е.Н.Щепкина стала первой русской женщиной – преподавателем истории в высшем учебном заведении. Новость о том, что женщина будет вести курс на историко-филологическом отделении взволновала петербургскую общественность: «женщина на кафедре – явление любопытное и до некоторой степени важное в общественности, и слух обо мне быстро получил распространение»¹⁹⁵). Разрабатывая программу, Е.Н.Щепкина стремилась через разнообразные личные источники XVIII века продемонстрировать «картину внутреннего развития общества»¹⁹⁶. Позже, в воспоминаниях, она признавалась, что страшно переживала по поводу первой лекции: «Тяжело вспомнить сутки 11-го (октября 1885 года). Купила 3 бутылки какого-то русского виноградного и понемногу подкреплялась днем и ночью. Содержание набросала все карандашом на листках, усердно и внимательно мысленно изложила все, по памяти наметить только общие выводы – сами скажутся по ходу дела»¹⁹⁷). На первую лекцию преподавательницы пришли не только слушательницы, но и многие профессора и даже бывший инспектор учебного округа. Первая и последующие лекции удались, курсистки с интересом слушали ее и обсуждали с ней после лекций поднятые исторические проблемы, интересовались ее отношением к «женскому вопросу»,

---

¹⁹⁴ Там же. Л. 37.

¹⁹⁵ Там же. Л. 58.

¹⁹⁶ Там же. Л. 38.

¹⁹⁷ Там же. Л. 58 (об.).

спрашивали даже, почему она... «не вышла замуж»»¹⁹⁸. Анализируя те дни, преподавательница сокрушалась, что сильно страдала от недостатка общения, отсутствия советов и руководства (К.Н.Бестужев-Рюмин не взял на себя эту роль по отношению к новой преподавательнице, ограничившись приглашениями на свои «вторники»). Несмотря на успех ее курсов среди учащихся, в коллективе преподавателей Е.Н.Щепкина не прижилась и чувствовала себя неуютно. После закрытия Бестужевских курсов в конце 1880-х гг., Е.Н.Щепкина переехала в Москву, где вплотную занялась исследовательской работой в архивах, позднее опубликовала несколько качественных научных исследований¹⁹⁹. Позднее Е.Н.Щепкина приняла решение посвятить свою жизнь рабочему образованию: она преподавала историю на курсах Императорского русского технического общества. В старости Е.Н.Щепкина сожалела о том, что так недолго работала преподавателем на ВЖК: «При такой комбинации моя жизнь пошла бы иначе: всегда при науке и литературе, без возни со школами рабочих. С разных сторон говорили, что у меня есть талант, и я как будто чувствовала его в себе... Что я с ним сделала?»²⁰⁰.

На примере Е.Н.Щепкиной видно, что петербургская преподавательская корпорация, представленная либеральными историками, в целом не возражала против включения женщин в свои ряды и тем самым проявляла свое понимание эмансипации и согласие с нею. Почти одновременно с Е.Н.Щепкиной научной работой на ВЖК стали заниматься еще две талантливые курсистки: *Екатерина Вячеславовна Балобанова (1847-1927)* и *Ольга Михайловна Петерсон (1856-1919)*. И Е.В.Балобанова, чьи родители разорились, и О.М.Петерсон, были вынуждены много работать в юности, следовательно, тоже поступили на курсы

¹⁹⁸ Щепкина Е.Н. Бестужевские курсы // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л.59 (об.).

¹⁹⁹ Щепкина Е.Н. Старинные помещики на службе и дома: Из семейной хроники: (1578-1762). СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1890; Щепкина Е. Женское движение в годы Французской революции / Е. Щепкина; С обращением к читателю А.Коллонтай. Пб.: Гос. изд-во, 1921; Краткий очерк русской истории с древнейших времен до 1881 года / Сост. Е. Щепкина. СПб.: В. Яковенко, 1903; Щепкина Е.Н. Женское движение 1905 года в отзывах современных деятелей. СПб.: тип. Г. Скачкова, 1906; Щепкина Е. Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1914.

²⁰⁰ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 61.

уже в достаточно зрелом возрасте, когда стремление заниматься наукой в них было более сознательным, чем в юных однокурсницах. В отличие от Е.Н.Щепкиной, постоянно углублявшей свои знания истории, занятия Е.В.Балобановой и О.М.Петерсон поначалу были менее системными. Так, О.М.Петерсон до поступления на ВЖК была преподавательницей арифметики²⁰¹, а Е.В.Балобанова за короткий срок успела окончить короткие частные курсы «для иностранных слушательниц» в Париже, курсы библиотековедения в Геттингенском университете, несколько курсов по сравнительному языкознанию и кельтистике в Гейдельберге²⁰². Обе исследовательницы подружились на почве общего интереса к фольклористике: историк литературы А.Н.Веселовский, чей кружок они посещали, предложил подругам остаться при «его кафедре для дальнейших занятий»²⁰³, но в начале 1880-х гг. такая практика была еще необычной для Высших женских курсов, поэтому руководство предложило Е.В.Балобановой, имевшей немецкий диплом об окончании курсов библиотековедения, возглавить библиотеку курсов и параллельно продолжать занятия наукой. На протяжении долгого времени обе исследовательницы с удовольствием путешествовали по разным уголкам Европы, собирая местные легенды и предания, а А.Н.Веселовский продолжал руководить их научной работой. В 1884 году О.М.Петерсон и Е.В.Балобанова открыли частное учебное заведение для девочек, впоследствии преобразованное в женскую гимназию, которую О.М.Петерсон весьма успешно возглавляла до революции 1917 года. В научных работах Е.В.Балобановой и О.М.Петерсон явственно видны их педагогические устремления: так, главным их научным успехом стал сборник учебных текстов – пересказов и переводов фрагментов известных произведений

---

²⁰¹ Деревнина Е.А. Коломенская женская гимназия Ведомства учреждений императрицы Марии в период своего становления: состав и деятельность // История Петербурга. 2019. № 4(77). С. 33-40. С. 37.

²⁰² Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: Труды, документы, воспоминания. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. С.86.

²⁰³ Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: Труды, документы, воспоминания. С.87.

западноевропейской эпической поэзии²⁰⁴. Необходимо отметить, что в отличие от Е.Н.Щепкиной, этим исследовательницам не была предложена возможность преподавательской работы на курсах, хотя успехи Е.В.Балобановой в организации библиотеки учебного заведения неоднократно отмечались. Лишь немногие женщины-историки, посещавшие Высшие женские курсы в 1880-е гг., смогли сделать научную карьеру. Постоянный риск закрытия ВЖК не давал возможности наладить систематическое взаимодействие курсисток с научными руководителями, кроме того, часть активных курсисток, продолжавшая видеть в получении высшего образования общественно-политический проект, наукой не увлекалась, а многие женщины, настроенные более серьезно, видели в получении образования возможность улучшить свою преподавательскую карьеру в средних учебных заведениях и исследовательских амбиций не имели.

«Оставлены для усовершенствования в изучении»: новые способы конструирования научной карьеры женщин-историков 1890-х – 1900-х гг.

Ситуация изменилась с 1890-х гг., когда почти все курсы возобновили свою работу, а обучение на них стало важной частью образовательной траектории женщин высших сословий. В этот момент академическая корпорация оказалась готова принять в свою структуру женщин еще и потому, что в пореформенный период значительно увеличилось количество студентов, желавших получить высшее образование²⁰⁵, следовательно, рынок труда нуждался в специалистах – преподавателях и исследователях. В свою очередь, женщины из дворянского сословия и разночинцев в условиях переустройства экономики и ликвидации системы крепостного права зачастую вынуждены были сами заботиться о себе (а не пользоваться помощью родителей или супруга) и искали работу, соответствующую их способностям и интересам. Следовательно, получение высшего профессионального образования давало им возможность повысить конкурентоспособность на рынке труда, а сами Бестужевские курсы, приняв во

²⁰⁴ Петерсон О., Балобанова Е. Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов. В 3 т. Т. 1–3. СПб.: С.-Петербургская губернская типография; типография И. Н. Скороходова, 1896–1900.

²⁰⁵ Ростовцев, Е. Российские мандарины // Родина. 2010. № S4. С. 47-52. С. 47.

внимание опыт Е.Н.Щепкиной, Е.В.Балобановой и О.М.Петерсон, старались создать для этого все условия.

Уже начиная с 1890-х на Санкт-Петербургских ВЖК принято было решение ежегодно 1-3 курсисток оставлять после завершения обучения «для усовершенствования в изучении» какой-либо узкой специальности²⁰⁶. В протоколах заседаний историко-филологического отделения используется именно эта формулировка, калька с «оставления при университете для приготовления к профессорскому званию» в университетах, процедура, аналогичная поступлению в аспирантуру²⁰⁷. Тем не менее, о каких-либо экзаменационных процедурах, удостоверяющих полученные женщинами навыки научной и преподавательской работы речи не шло. Отсутствие в формулировке понятия «профессорское звание» было связано с теоретической невозможностью получения его для бывших курсисток, но на практике некоторые женщины обходили бюрократические сложности. Так, в декабре 1908 года для ведения практических занятий и организации музея искусств и древностей при Бестужевских курсах баллотировалась А.А. Константинова, ее кандидатура была принята советом факультета²⁰⁸, но впоследствии «возникли сомнения» в том, что она имеет право преподавать²⁰⁹.

Сомнения разрешились после вмешательства декана, который ссылаясь на некий *проект* устава о приват-доцентах, заявил, что «совет может приглашать временно для чтения необязательных курсов лиц и не имеющих ученых степеней и не удовлетворяющих условиям обычного преподавательского ценза»²¹⁰. Если обратиться к основному нормативно-правовому акту, регулировавшему

²⁰⁶ Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 2.

²⁰⁷ Сорокин П. А. Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. С.68.

²⁰⁸ Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 13.

²⁰⁹ Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 22.

²¹⁰ Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 22.

деятельность высших учебных заведений той эпохи – Университетскому уставу 1884 г., то можно сделать вывод, что эта правовая норма была менее жесткой, чем, собственно, обычные условия преподавательского ценза, закрепленные ст.109 Университетского устава: «приват-доцентами могут быть лица, имеющие ученые степени, профессора других высших учебных заведений, а также лица, приобретшие известность своими учеными трудами после пробного чтения с разрешения Министерства народного просвещения и лица, выдержавшие испытание на степень магистра, но еще не защитившие диссертации, по получении от одного из университетов свидетельства на звание приват-доцента»²¹¹. Следовательно, локальные нормативно-правовые акты Бестужевских курсов были призваны облегчить прием молодых преподавателей *любого пола*, поскольку не было формального запрета именно для женщин. Хотя, конечно, процесс получения магистерской степени женщинами в России поначалу был невозможен, а позже затруднен.

Важным фактором увеличения количества преподавательниц на историко-филологическом отделении была практика заграничных командировок выпускниц, оставленных при курсах. Для таких поездок предоставлялась стипендия от министерства, курсов или, иногда, неких неизвестных частных лиц. Так, например, в 1911 году Министерство народного просвещения отказало было в выдаче стипендий на заграничные поездки курсисток, но М.И.Ростовцев просил совет факультета разрешить курсистке С.В.Меликовой продолжить ее обучение в Берлине, «предоставив ей сумму в 600 рублей, переданную факультету через него неизвестным лицом»²¹². Кроме безусловно важной и необходимой для специалистов в античности или медиевистике работы с зарубежными источниками, женщины-историки имели возможность получить за рубежом научную степень. Там было легче этого добиться, так, А.А.Константинова стала доктором в Цюрихском университете, а О.А.Добиаш-Рождественская – в

²¹¹ Общие уставы императорских российских университетов 1863 и 1884 гг. Одесса: Тип. Акц. Южно-рус. о-ва печатного дела, 1901. С.64.

²¹² Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 94.

Сорбонне. Впоследствии эта полученная за рубежом степень имела хоть и формальное, но важное в глазах Министерства народного просвещения значение для теоретически возможного получения звания приват-доцента как специалиста из другого университета²¹³ и для трудоустройства на Высших женских курсах (хотя официально зарубежные степени в России не признавались, та же О.А.Добиаш-Рождественская получила степень магистра всеобщей истории в Петроградском университете только в 1915 году, когда уже 4 года как являлась доктором Парижского университета²¹⁴).

Позиция руководства факультета, как и позиция МНП, менялись от случая к случаю. В 1911 году на курсы безуспешно пыталась устроиться преподавателем сдавшая магистерские экзамены (но еще не защитившая магистерскую диссертацию) М.А. Островская. Пробные лекции, необходимые для получения ученого звания приват-доцента, она хотела было читать безвозмездно, но в Протоколы ученого совета факультета зафиксировали отказ («отклонено в виду принципиальных неудобств такого способа расширения преподавания по основным научным дисциплинам»²¹⁵. Причиной этого могло быть личное противодействие попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, который высказался против попытки М.А.Островской стать приват-доцентом²¹⁶.

Закон 1911 года: новые профессиональные права женщин-историков.

Правовое положение женщин в науке кардинально изменил Одобренный Государственным советом и Государственной думой закон об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений от 19 декабря 1911 года. Согласно этому нормативно-правовому акту

²¹³ Пискунов И.В. Правовое положение приват-доцентов российских университетов 1803-1884 // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 98-116. С.116.

²¹⁴ Косминский Е.А. Изучение истории западного средневековья // Вестник АН СССР. 1945. № 10. С. 43-60. С.43.

²¹⁵ Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 91.

²¹⁶ Тихонов И.Л., Семенова Е.С. Первая женщина преподаватель Санкт-Петербургского университета // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 6 (5 марта). С.11-14. С.13.

женщины «выдержавшие успешно испытание в знании университетского курса, могут приобретать от университетов ученые степени магистра и доктора». «Дипломы на степени магистра и доктора, - говорилось в нем далее, - выдаются по правилам, определенным в Уставах университетов для лиц мужского пола и с присвоением прав, представленных сим званием на ученую и учебную деятельность, а также и на службу в учебных заведениях, согласно Уставам сих последних»²¹⁷. Необходимо отметить, что разработка подобного законопроекта стала возможной только после назначения министром народного просвещения Л.А.Кассо (предыдущий министр, ставленник П.А.Столыпина А.Н.Шварц принципиально выступал против совместного обучения мужчин и женщин в учебных заведениях²¹⁸). Важно отметить также и то, что Л.А.Кассо был крайне непопулярен в академической среде в связи с конфликтом министра и профессуры в начале 1911 г.²¹⁹, следовательно, принятие нового закона могло стать попыткой министра наладить отношения с либеральной частью академического сообщества.

В соответствии с новым законом, после сложной и требовавшей широкого резонанса в академической среде защиты магистерской диссертации в Петербургском университете, женщине можно было стать преподавателем. Защита диссертаций в дореволюционной России проходила в форме публичного диспута, на который допускалась пресса и желающие зрители. Публичный диспут М.А.Островской произвел впечатление на современников²²⁰. Поддержать ее явилась А.Я.Ефименко. Платонов С.Ф. хотя и являлся научным руководителем Островской, выступил как ее же оппонент²²¹. Такая практика была допустимой и

²¹⁷ Закон 19 декабря 1911 года и правила об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 31. 1911. №36226. СПб., 1914. С.1296-1300. С.1299-1300

²¹⁸ Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным; Мои воспоминания о Государе. М.: Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1994. С.24-26.

²¹⁹ См.: Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Миф о Л. А. Кассо // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2019. №57. С.14-22.

²²⁰ Семевский В.И. Диспут М.А.Островской // Голос минувшего, 1914. № 4. С. 17–26.

²²¹ Алеврас Н.Н. Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX - начала XX века (из диссертационной практики

частой среди историков, но вовсе не гарантировала положительный отзыв оппонента²²². По мнению исследовательницы дореволюционной диссертационной культуры Н.Н.Алеврас, никаких предпочтений от своих оппонентов первая защитившаяся женщина-историк не получила²²³: их отзывы были достаточно критическими, с некоторыми упреками к литературному и источниковедческому аспектам работы²²⁴. Необходимо заметить, что далеко не всегда магистерская степень означала полное уважение со стороны научного сообщества (Н.Н.Платонова вспоминала о неприличном поведении Л.П.Карсавина по отношению к О.А.Добиаш-Рождественской, единственной женщине, бывшей его оппонентом: «что кружок учеников Гревса страшно возмущен поведением К[арсави]на на диспуте, считает его нахалом, находят, что к возражениям Добиаш-Р[ождествен]ской он отнесся прямо с пренебрежением, хотя они были очень существенны»²²⁵ - и все это на фоне гораздо большего внимания к замечаниям оппонентов-мужчин).

Также закон 1911 года распахнул для преподавательниц двери ученых советов. Они стали в них регулярно участвовать. В заседаниях совета историко-филологического факультета активно выступала, например, О.А.Добиаш-Рождественская, любимая ученица профессора И.М.Гревса. В ноябре 1912 г. она выступила вместе с Л.В.Щербой с предложением ограничить число профессорских кафедр²²⁶. Смысл этого предложения впоследствии объяснила в своем дневнике жена С.Ф.Платонова, Н.Н.Платонова: с помощью своей ученицы И.М.Гревс пытался помешать получению профессорского звания М.В.

ученых-историков). Часть 3. Неофициальные оппоненты // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 2. С. 160-175. С.168.

²²² Дёмина Н.В. Диссертационные практики в дореволюционной России: публичность как условие научной экспертизы // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2006. №1. С.120-127. С. 124.

²²³ Алеврас Н.Н. Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX - начала XX века (из диссертационной практики ученых-историков). Часть 3. Неофициальные оппоненты. С.170.

²²⁴ Митрофанов В. В. Отзыв А.Е. Преснякова о труде М.А. Островской // *Клио*. 2008. № 1(40). С. 14-19.

²²⁵ Платонова Н.Н. Дневник (1889-1921). Рязань: [б.и.], 2020. С.245.

²²⁶ Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 114.

Клочковым, «которого не выносил»²²⁷. Н.Н.Платонова была возмущена тем, что через несколько лет И.М.Гревс сам же предложил отменить это правило, чтобы принять в профессора саму О.А.Добиаш-Рождественскую («это возмутило даже приспешников Гревса»²²⁸). Таким образом, едва попав в число членов Ученых советов, женщины могли включаться в интриги и борьбу между академическими группировками. Персональную роль одного влиятельного мужчины тоже не стоит сбрасывать тут со счетов: большинство женщин-историков на ВЖК стали преподавательницами по протекции именно И.М.Гревса (О.А.Добиаш-Рождественская, Н.С.Враская, А.А.Константинова, А.М.Петрункевич). Сложнее было стать ученицей С.Ф.Платонова, историк А.Е.Пресняков вспоминал, что тот «на курсах занимается только с отборными, с гвардией, уже прошедшей хорошую школу»²²⁹, более того, неприятным ему лично, но талантливым девушкам он в научном руководстве отказывал, отправляя к своим ученикам или держать экзамены в Московском университете.

Несомненно, известность в академической среде и значительные профессиональные успехи облегчали достижение профессорского звания и продвижение на ВЖК. В 1910 году по инициативе близкого знакомого семьи Ефименко историка Д.А.Багалея, А.Я.Ефименко Харьковский университет присвоил звание *honoris causa* (почетного доктора наук) без защиты диссертации²³⁰ (сделать это к столетнему юбилею Харьковского университета в 1905 году не удалось – вероятно, руководство университета боялось скандала). Несмотря на символический характер такого звания и то, что А.Я.Ефименко не имела высшего образования в области истории, профессору С.Ф.Платонову

²²⁷ Цит. по: Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. №96. 2009. С. 42 – 72. С.57.

²²⁸ Цит. по: Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта). С.57.

²²⁹ Александр Евгеньевич Пресняков: письма и дневники, 1889—1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С.666.

²³⁰ Багалій Д. І. Харківська доба діяльності О. Я. Ефименкової // Збірник наук.-дослід. каф. іст. укр. культури. Харків, 1930. Т. 10. С. 5—15. С.6.

удалось «возвести ее в звание профессоров курсов»²³¹. Авторитет С.Ф.Платонова на курсах был высок, а А.Я.Ефименко была известна своими научными трудами, поэтому решение о присвоении А.Я.Ефименко звания профессора было принято единогласно²³². О возражениях со стороны МНП нет данных, между тем, А.Я.Ефименко формально не могла получить такое звание, поскольку не получала профессионального исторического образования.

Таким образом, создание ВЖК в Москве и Санкт-Петербурге решило главную проблему женщин, мечтавших стать исследовательницами: с 1870-х гг. они могли получить профессиональную подготовку в области истории, сравнимую с мужской. Тем не менее, возможность оплачиваемых занятий исследованиями на базе университетов или ВЖК еще была недоступна для первых женщин-историков. Исследовательницы получили замечательный социальный лифт в виде учебы на Высших женских курсах. Занятия в просеминариях известных историков эпохи создавали необходимые знакомства, которые перерастали в плотное научное сотрудничество. Либерально ориентированная мужская профессорская корпорация в основном поддерживала стремление женщин-историков к преподавательской работе и профессиональному росту, иногда профессора помогали своим ученицам и коллегам: давали положительные рекомендации при трудоустройстве, изыскивали средства для заграничных командировок и материальной поддержки в сложных семейных ситуациях. Правовое положение женщин-историков в качестве преподавательниц ВЖК было крайне неустойчивым: до 1911 года не существовало каких-либо нормативно-правовых актов, регулировавших их профессиональную деятельность, следовательно, в каждом конкретном случае руководство факультета выбирало новую линию поведения для присвоения женщинам ученых

²³¹ Козлова Л.А. «Без защиты диссертации». Статусная организация общественных наук в СССР // Овчаренко В.И. Большеви́стская философия. 2008. Том 2. URL: <https://sites.google.com/site/bolshevistphilosophy/Home/tom-2/soderzanie/kozlova2> (дата обращения: 31.07.2019); Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 58.

²³² Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 58.

званий и трудоустройства на курсы, при необходимости подтверждая все это каким-либо новым подзаконным правовым актом. Трудоустройство женщин-преподавательниц историко-филологического факультета могло зависеть и от личных симпатий профессоров к наиболее талантливым и коммуникабельным ученицам. Не только социально-политическая активность женщин в эпоху российской эмансипации, не только женское движение, подталкивавшее женщин искать себя вне узких рамок домашнего и семейного быта, но и простое человеческое участие мужчин-преподавателей в судьбах их учениц помогало женщинам-историкам начала XX в. выходить за рамки архивной и кабинетной работы и получать опыт преподавания исторических дисциплин в высшем учебном заведении задолго до Великой русской революции 1917-1922 гг.

§ 3. Профессиональные достижения третьего поколения российских и советских женщин-историков: траектории карьеры

Традиционно, в отечественной историографии октябрь 1917 года знаменует новый этап в истории участия женщин в науке: уравнивание их правового положения с коллегами-мужчинами и полную свободу в выборе направления профессионального развития²³³. Зачастую исследователи забывают о том, что уже Временное правительство в своей законотворческой деятельности стремилось преодолеть ущемленное положение женщин в науке²³⁴. В отд. XIX представления Министерства народного просвещения Временного правительства об учреждении Тифлисского политехнического университета (5.05.1917) было сказано, что «должности по учебной службе могут быть замещаемы лицами женского пола,

²³³ Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века - 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х - 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 809—848; Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97-107.

²³⁴ Звонарев А.В., Пашенцев Д.А. Законодательная деятельность Временного правительства в области народного образования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 4(28). С. 42-49; Сизова А.Ю. Российское высшее образование при Временном правительстве: замысел и начало демократической реформы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. №17. С. 70-83.

обладающими тем образовательным цензом, который требуется от лиц мужского пола, занимающих соответствующие должности»²³⁵, преподавательницам гарантировались те же права, что их коллегам мужского пола, выплата пенсий и единовременных пособий. Примечательно, что Тифлисский политехнический институт так и не был создан, а в представлениях об учреждении Донского и Пермского университетов, обсуждаемых на том же заседании Временного правительства не было сказано ни слова о возможном приеме на работу и правах женщин-преподавательниц²³⁶.

Исследователи Звонарев А.В. и Пашенцев Д.А. полагают, что постановление Временного правительства 5.8.1917 «О расширении предоставленных лицам женского пола прав на поступление на государственную службу» поставило окончательную точку в вопросе о праве женщин на научную и преподавательскую работу²³⁷. На мой взгляд, подобную точку зрения следует считать неверной: в тексте документа говорится лишь о праве женщин занимать должности на государственной гражданской службе, а вопрос, относятся ли работники науки и образования к ней, до сих пор является дискуссионным (например, в современной России работники образования и науки не имеют прав государственных гражданских служащих, но требования к ним, особенно в области противодействия коррупции, аналогичны).

Окончательно решили вопрос о статусе женщин как научных работников декреты советской власти. Если Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР»²³⁸ подтверждал возможность для женщин поступать в высшие учебные заведения наравне с мужчинами, то Декрет СНК РСФСР от 01 октября 1918 «О некоторых изменениях

²³⁵ Представление Министерства народного просвещения Временного правительства об учреждении Тифлисского политехнического университета (5.05.1917) // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VIII. Журналы заседаний Временного правительства: Март—октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 2. Май—июнь 1917 года. Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации. М.: РОССПЭН, 2002. С.31.

²³⁶ Там же. С. 31-37.

²³⁷ Звонарев А.В., Пашенцев Д.А. Законодательная деятельность Временного правительства в области народного образования. С.46.

²³⁸ Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 37. Июль 1918 — март 1919. С. 34.

в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики»²³⁹ никак отдельно трудовые права женщин в образовании не регулировал (но и не запрещал прямо их трудоустройство). Необходимо отметить, что в соответствии с этим декретом ученые степени и научные звания упразднились, а «лаборантам, ассистентам, прозекторам и другим лицам преподавательского состава, ведущим, хотя бы и под руководством профессоров, занятия в высшей школе, присваивается общее звание преподавателей с зачислением их в штат преподавателей соответственно учебного заведения»²⁴⁰ - подобная норма защищала права тех исследовательниц, которые, выполняя функции преподавателя, формально занимали низшие должности с меньшей заработной платой.

Российские женщины-историки в эмиграции. Количество женщин-исследовательниц в связи с революционными событиями резко сократилось, о чем свидетельствует и тот факт, что в «Списке деятелей Петербурга по гуманитарным знаниям» за 1918 год²⁴¹ была отражена научная работа лишь немногих из них: по всеобщей истории из 67 человек были упомянуты только три женщины (Недзвецкая О.К., Протасова С.И., Добиаш О.А.), по русской истории из 41 человека две женщины – Островская М.А. и Корнилович О.Е., среди специалистов по истории искусств – Максимова М.И. и Калантарова О.К. (пианистка, преподаватель Санкт-Петербургской консерватории), среди археологов женщин нет (важно отметить, что этот список, как и многие другие аналогичные документы, явно неполный). С другой стороны, лишь немногие успешные до революции 1917 года исследовательницы выбрали эмиграцию из Советской России: уезжали только в том случае, если имели четкое представление о своем будущем за границей. Например, эмиграция М.И. Лот-Бородиной не была

²³⁹ Декрет СНК РСФСР «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 72. С. 789.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Список деятелей Петербурга по гуманитарным знаниям. 1918 год // ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 97. Л.61-70.

связана с политическими мотивами: еще в 1910 году она вышла замуж за своего научного руководителя в Сорбонне, историка-медиевиста Фердинанда Лота²⁴². Также еще до революции приняла решение об отъезде О.П.Казакевич (Юрьева) (эта ученица И.М.Гревса лишь косвенно успела поучаствовать в научной деятельности)²⁴³ - вместе с подругой Н.Ю.Любовицкой они занимались просветительской деятельностью среди племен крайнего севера Сибири, а в 1914 году уехали в Танганьiku с миссионерскими и просветительскими целями, где обе скончались в 1963 году²⁴⁴. После революции 1917 года уехали вместе с мужьями Лихарева (Кульман, урожд. Бокий) Н.И.²⁴⁵, Ростовцева (Кульчицкая) С.М.²⁴⁶, сопровождала родителей Флоровская К.В.²⁴⁷. В целом, можно сказать, что эмиграция приводила к упадку публикационной активности историков: вероятно, это происходило из-за снижения уровня жизни, потери научных коммуникаций, в то время, когда, например, жизнь в СССР не помешала И.И.Любименко в 1920—1930-е издавать книги за рубежом²⁴⁸ и выступать с лекциями в Великобритании, равно как и О.А.Добиаш-Рождественской публиковаться в зарубежных журналах²⁴⁹. С другой стороны, некоторые исследовательницы в эмиграции открывали новые стороны своих талантов. Так, историк-медиевист А.М.Петрункевич во Франции активно занималась общественной деятельностью

²⁴² Оболевич Т. Мирра Лот-Бородина. Историк, литератор, философ, богослов. СПб.: Нестор-История, 2020. С.35.

²⁴³ Юрьева О.П. Очерки по истории феодализации монархии во Франции // ЖМНП. 1902, февраль. С.287-342.

²⁴⁴ Ковалевский П.Е Зарубежная Россия. Paris: Libr. des cinq continents, 1973. С. 34.

²⁴⁵ Российское зарубежье во Франции, 1919—2000: биограф. слов.: в 3 т. М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. Т. 2: Л—Р. 684 с. С. 181.

²⁴⁶ Алипов П. А. Историк М. И. Ростовцев: научный успех эмигранта // Новый исторический вестник. 2009. № 19. URL: http://www.nivestnik.ru/2009_1/19_alipov_19.shtml (дата обращения 27.06.2021).

²⁴⁷ Киейзик Л. "Наша жизнь здесь понемногу налаживается, хотя еще не все ящики открыты..." Клавдия Васильевна Флоровская в годы эмиграции // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. В 2 частях, Калининград, 10–13 октября 2019 года. Калининград: БФУ имени Иммануила Канта, 2019. С. 438-440.

²⁴⁸ Lubimenko, Inna. Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre Le Grand. Paris : Libr. ancienne Champion, 1933.

²⁴⁹ Les poesies des goliards groupees et traduites avec le texte latin en regard par Olga Dobiache-Rojdestvensky / Preface de Ferdinand Lot, de l'institut. Paris : Rieder, 1931.

в составе Русской академической группы²⁵⁰, а Р.Н.Блох, хотя и полностью бросила исследовательскую работу, продолжала свои поэтические опыты²⁵¹. В критической ситуации безденежья и конкуренции за немногие рабочие места в среде эмигрантов проблема участия женщин в академической среде только обострялась. Фактор «двойного недостатка» у эмигранток-исследовательниц (т.е., принадлежность сразу к двум меньшинствам в университетском пространстве – женщинам и мигрантам)²⁵² делал трудоустройство на преподавательскую или исследовательскую должность практически невозможным, тогда как их коллеги-мужчины легко могли продолжать преподавательскую и научную карьеру и в эмиграции²⁵³.

Практически все эмигрантки старались поддерживать связь друг с другом, а также и с коллегами, оставшимися в Советской России. Сестры М.И.Лот-Бородина и И.И.Любименко до 1928 года ездили друг к другу в гости, Р.Н.Блох помогала своей подруге О.А.Добиаш-Рождественской завести знакомства в берлинской академической среде²⁵⁴, А.М.Петрункевич близко общалась с С.М.Ростовцевой. Эмиграция вкупе с профессиональными неудачами психологически тяжело воздействовала на исследовательниц: так, в письме А.М.Петрункевич ее подруга и бывший товарищ министра Временного правительства графиня С.В.Панина писала о своих впечатлениях от посещения дома Ростовцевых в США: «У Ростовцевых трагично — двое заживо погребенных людей. Гораздо больше, чем ему, я нужна ей, т.к. являюсь единственным окном, через которое врывается живой воздух. Множество интересных книг, а людей

²⁵⁰ Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. С. 228.

²⁵¹ Graceffa A. Raïssa Bloch-Gorlin (1898–1943). Parcours d'une historienne du Moyen Âge à travers l'Europe des années noires // Петербургский исторический журнал. №3. 2014. С. 200-223.

²⁵² Гевиннер И. Кросс-культурные практики балансирования работы и отдыха в немецком академическом контексте // Этнографическое обозрение. 2021. №3. С.122-130. С. 125.

²⁵³ Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Изгнанники «Советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. №1. С.64-75. С.66.

²⁵⁴ Добиаш-Рождественская О.А. Сообщение о заграничной поездке в Берлин и Париж в 1926 году // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 50. Л. 4.

никого, и жизни никакой, кроме медленного угасания огромного прошлого»²⁵⁵. Таким образом, несмотря на некоторые стереотипные представления о том, что большая часть дореволюционной интеллектуальной элиты покинула Россию после 1917 года, становится понятным, что среди женщин-историков уехали лишь немногие и научные успехи их в эмиграции были весьма скромными, большая же часть исследовательниц попыталась адаптироваться и продолжить работу в новой реальности.

Женщины-историки в Советской России (1917-1941). В Советской России женщины-историки после 1918 года получили формально неограниченную возможность работать в научных организациях и высших учебных заведениях, число которых резко возросло в 1920-е гг. Тем не менее, по подсчетам Е.А.Долговой и Е.А.Стрельцовой, проанализировавших списки научных сотрудников Москвы и Ленинграда, в области естественных наук работало больше женщин, чем в гуманитарных исследованиях (41%), в истории, археологии, этнографии работало 17% от числа всех женщин-исследовательниц (следовательно, около 143 человек), в истории искусства и музейном деле еще 12% женщин (101 человек) (в сумме – 29% или 244 человека)²⁵⁶. Большая часть этих женщин занимала должности низшего уровня (ассистентов, лаборантов, аспирантов).

Важно отметить, что научные работники в Советской России, с точки зрения закона, не относились к категории «лишенцев»²⁵⁷, т.к. до революции зарабатывали своим трудом, следовательно, вне зависимости от происхождения, в избирательных правах не были поражены. В 1910-е гг. новые законы, уравнивавшие женщин-ученых в правах с мужчинами, были созданы уже на

²⁵⁵ Мнухин Л.А. «Душа моя дорогая...»: Письма С.В.Паниной к А.М.Петрункевич // Мыслящие миры российского либерализма. Графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956). Материалы Международного научного colloquium. Москва, 29–31 мая 2011 г. М., 2012. 272 с. С.101-143. С.107.

²⁵⁶ Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97-107. С.103.

²⁵⁷ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917-1918. №51. Ст. 582.

основе устоявшихся институциональных связей, позволявших женщинам строить научную карьеру. Все изменила произошедшая после революции 1917 года ломка этой, уже ставшей традиционной, системы: получение среднего образования в гимназии – занятия на Высших женских курсах – «оставление при курсах» – командировка за границу – получение научной степени за границей – возвращение в Россию – получение степени в России. В 1917-1918 гг. женские учебные заведения были уничтожены: Бестужевские курсы сначала стали Третьим Петроградским университетом, потом были включены в Петроградский университет²⁵⁸, Женский педагогический институт превратился в 1-ый Петроградский государственный педагогический институт, который, в свою очередь, был включен в Петроградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена²⁵⁹, Московские Высшие женские курсы стали 2-м МГУ²⁶⁰, в 1919 году исторические специальности были переведены в 1-ый МГУ²⁶¹. Подобные преобразования казались логичными, ведь зачастую одни и те же профессора-историки работали и на курсах, и в университете, но за счет объединения потоков студентов неминусом должен был быть сокращен штат, и в первую очередь, немногие рабочие места, с таким трудом завоеванные женщинами-историками. Параллельно с объединением женских и мужских высших учебных заведений с 1919 года исторические факультеты крупных университетов превращались в факультеты общественных наук, на которых в течение двух лет студенты должны были получить общее социологическое образование, в основе которого лежала марксистская парадигма, а начиная с третьего года обучения специализироваться в экономике, юриспруденции или истории. Подобный двойной удар по старой системе воспроизводства научных

²⁵⁸ Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917-1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2014. С. 100.

²⁵⁹ Лихолетова И.В. Через тернии к знаниям (о студентах 1920-х гг.) // Universum: Вестник Герценовского университета. 2007. №5. С.31-34. С.31.

²⁶⁰ Борисов В., Осухова Н. МПГУ Alma mater отечественной науки часть II. 2-ой МГУ: 1918-1930 гг // Развитие личности. 2012. №3. С.8-32. С.8.

²⁶¹ Историческая наука в Московском университете, 1755-2004 / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист. фак.; под ред. С. П. Карпова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. С.16.

кадров негативно повлиял на участие женщин-историков в науке. Многие из них, достаточно успешные до революции, не приняв исторического материализма, вынуждены были либо сменить место работы и уехать в провинцию, либо сменить сферу занятий. Так, некоторые бывшие женщины-историки оказались востребованными специалистами в преподавании иностранных языков в высшей школе (Боткина-Враская Н.С., Богданович Т.А., О.К.Недзвецкая-Самарина), кто-то стал специалистом в педагогике (Леман-Матвеева А.А., Гиттис И.В.). Во время Гражданской войны привлекательным местом для многих петроградских историков оказался Саратов: туда переехали историки-классики С.В.Толстая-Меликова, М.Е.Сергеенко, О.М.Котельникова позднее, в 1937 году туда была направлена будущий академик А.М.Панкратова²⁶². Историк Нового времени Холостова (Безобразова) Л.В. пережидала Гражданскую войну в Туркестанском университете²⁶³. М.Е.Сергеенко объясняла стремление историков к перемене мест тем, что «летом 1917 года в Питере было беспокойно и голодно (…). Жить в городе, далеко от фронта и злой сумятицы столичного центра, сытом и хлебом, наладить любимую работу на факультете, работать самой, иметь учеников – это манило, звало, соблазняло»²⁶⁴. Необходимо отметить, что после окончания Гражданской войны, исследовательницы стремились вернуться в Петроград: тот же Саратов оказался городом «не очень сытым»²⁶⁵, а уже с 1921 года начинает активно работать ЦеКУБУ (Центральная Комиссия по улучшению быта ученых)²⁶⁶, которая в первую очередь обратила внимание на ученых Москвы и

²⁶² Сидорова Л.А. Анна Михайловна Панкратова (1897-1957) // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 685-690. С. 688.

²⁶³ Азиатцев Д.Б., Бовкало А.А. Безобразова (Холостова) Любовь Владимировна // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=513 (дата обращения: 7.07.2021).

²⁶⁴ Сергеенко М.Е. Воспоминания // Составитель Трофимов А.А. Три судьбы. М.: Издательство «Апостол веры», 2021. С. 119.

²⁶⁵ Сергеенко М.Е. Воспоминания. С. 128.

²⁶⁶ Посадсков А.Л. Комиссия содействия ученым при Совнаркомом СССР как инструмент управления советским научным сообществом в 1931—1937 годах // Научный диалог. 2019. № 9. С. 407—421. С. 409.

Петрограда²⁶⁷. На фоне общей тяжелой ситуации со снабжением ученых среди женщин-историков начала 1920-х гг. наблюдается типичная для кризисных периодов ситуация перехода самостоятельных исследовательниц из университетов в так называемые профессии «женской обслуживающей науки»²⁶⁸: работников музеев, архивов, библиотек. Важно отметить, что исследовательские навыки ценились в этих профессиях, многие женщины-историки создали замечательные научные работы по археографии и музееведению, но из преподавания были фактически исключены.

Государственная политика в области науки и высшего образования 1920-х гг. была направлена, в первую очередь, на создание когорты научных работников, работающих в интересах советского государства и в соответствии с единой идеологической платформой. Для этого использовались различные методы – от создания Комакадемии и Института красной профессуры (ИКП) до неравномерного распределения материальных благ и нематериальных привилегий между научными работниками различных уровней и заслуг. ИКП рассматривался как «чрезвычайная форма подготовки научных кадров» (в своих воспоминаниях историк и выпускница ИКП Э.Б.Генкина называла это также «кастовостью» в подготовке кадров)²⁶⁹. Для женщин-историков третьего поколения ИКП был идеальным карьерным лифтом, впоследствии помогавшим им занять хорошие рабочие места в системе Академии наук СССР или на кафедрах крупных университетов. Так, в ИКП в 1920-е гг. учились будущие академики А.М.Панкратова, М.В.Нечкина, будущие преподаватели исторического факультета МГУ Э.Б.Генкина, О.Н.Чаадаева. Кроме высокой стипендии, значимыми для студентов-«икапистов» были и другие материальные блага. Очень

²⁶⁷ Шесть месяцев работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совете народных комиссаров (Цекубу) [ноябрь 1921 г. - май 1922 г.]: краткий отчет. М.: 7-я тип. "Моспечать", 1922.

²⁶⁸ Watts R. Women in Science. A Social and Cultural History. London and New York: Routledge, 2007. P. 5.

²⁶⁹ Генкина Э.Б. Воспоминания об ИКП // История и историки. Историографический ежегодник. 1981. М., 1985. С. 257-273. С. 272.

удобным для женщин было то, что при ИКП был открыт детский сад²⁷⁰. Необычным обстоятельством, демонстрирующим практики неравенства было то, что когда для учащихся было построено новое общежитие (дом-коммуна) в начале 1930-х гг., в квартирах для мужчин ванны были оборудованы большим количеством раковин, чем в помещениях, предназначенных для женщин – предполагалось, что мужчины должны были вставать и собираться на занятия одновременно, тогда как женщины (вероятно, из-за большего количества внеучебных обязанностей) собирались в разное время²⁷¹.

В 1920-е – 1930-е гг. новая академическая элита постепенно оттесняла на второй план тех историков, кто состоялся в профессии еще до революции. Тем не менее, декларируемое государством равенство полов во всех сферах жизни общества так и не было достигнуто в академической среде. Так, среди женщин-историков известно лишь о редких случаях карьерного успеха в сфере организации науки: так, в 1925 году революционерка П.Ф.Куделли возглавила Комиссию по истории Октябрьской революции и РКП (б) (Истпарт) в Ленинграде (примечательно, что до революции 1917 года П.Ф.Куделли, хотя и окончила Бестужевские курсы, занималась не наукой, а преподаванием для рабочих и революционной деятельностью: первые научные работы ею были опубликованы уже на посту руководителя Истпарта²⁷²). Многими советскими архивами в 1920-е – 1930-е гг. руководили женщины, но все они зачастую даже не имели профильного образования, зато имели большой партийный и революционный стаж²⁷³. Выпускница историко-филологического отделения Московских высших женских курсов В.И.Герье революционерка А.С.Карпова в 1920-е гг. работала на

²⁷⁰ Там же. С. 271.

²⁷¹ Долгова, Е. Квартирный вопрос для Красной профессуры // Родина. 2017. № 8. С. 122-125. С.123.

²⁷² Куделли П.Ф. Борьба за женский день; Отд. Ленингр. област. ком-та по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). Ленингр. област. истпарт. Ленинград: Прибой, 1928 (тип. им. Н. Бухарина Гос. изд-ва); Куделли П.Ф. К.Н.Самойлова-Громова ("Наташа"). 1876-1921 г. Ленинград: Прибой, 1925; Куделли П.Ф. Ленин и ленинградские рабочие; Ленингр. ин-т истории ВКП(б). Ленинград: Ленпартиздат, 1934.

²⁷³ Раскин Д.И. Организация управления петроградскими (ленинградскими) государственными архивами в 1918-1945 гг.: система, учреждения, люди // История и архивы. 2019. № 2. С.49-62.

различных государственных должностях в области просвещения и агитации, в 1929-1935 гг. была ректором Московских областных курсов марксизма, в 1935-1940 гг. возглавляла Московский институт философии, литературы и истории, в 1940-1962 гг. руководила Государственным историческим музеем²⁷⁴ (научных работ, принадлежащих ей, нет). В 1936-1937 гг. обязанности декана исторического факультета МГУ исполняла историк З.П.Игумнова, медиевист Е.В.Гутнова полагала, что именно благодаря ей в это тяжелое время никто из студентов, кроме арестованных, не был исключен из университета²⁷⁵.

Первой женщиной-историком, получившим ученое звание член-корреспондента Академии Наук СССР, в 1929 году стала О.А.Добиаш-Рожественская (именно она еще до революции была удостоена чести быть первой женщиной магистром²⁷⁶ и доктором всеобщей истории)²⁷⁷. В 1939 году членом-корреспондентом стала А.М.Панкратова (среди женщин-историков академиком АН СССР она была избрана первой, уже после Великой Отечественной войны, в 1953 году)²⁷⁸.

Репрессированные женщины-историки. В нескольких эго-документах женщин-историков хорошо заметна постепенная политизация повседневной жизни даже людей, к политике равнодушных: так египтолог Н.Д.Фллитнер до революции тяготела к социал-демократам, но не понимала, как можно перестать общаться с человеком только потому, что он перешел из кадетов в крайне правую партию «Союз Михаила Архангела». Революция 1917 года, принеся ей реализацию в любимой профессии, казалась ей важным и, в целом, позитивным событием («Лес рубят – щепки летят» - писала я накануне революции, предчувствуя ее – «может быть окажусь щепкой и я, но что это не жалко, когда

²⁷⁴ Карпова И.В. История семьи Карповых. Семейная хроника. URL: <http://karpovychronicles.narod.ru/content.html> (дата обращения 31.06.2021).

²⁷⁵ Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. С. 172.

²⁷⁶ Женщина - магистр всеобщей истории // День. 1915. 10 мая. №127 (925). С.5.

²⁷⁷ Докторский диспут в университете // Петроградский голос. 1918. 23 апреля. №66. С.4. URL:

https://history.museums.spbu.ru/images/Gazety/Doctorskii_Disput_v_universitete_Petrogradsky_golos1918_2304_66P4png.png (дата обращения: 15.07.2021).

²⁷⁸ Личное дело академика - Панкратова Анна Михайловна // АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 212. Л. 1-3.

совершается такое огромное дело»²⁷⁹), а бытовые трудности в голодные годы Гражданской войны не могли испортить удовольствия от работы с древними артефактами из Эрмитажной коллекции. Политические события в стране практически не волновали ее: «Причина простая: отзвуки этих событий были слишком слабы, чтобы надолго и глубоко возмутить тихое течение жизни, как-нибудь изменить его»²⁸⁰. М.Е. Сергеенко гордо писала: «Я в коньектурах к Эсхилу разбиралась лучше, чем в политике, но у меня хватало здравого смысла понять, что старый мир погиб непоправимой последней гибелью и неизвестно, будет ли в новом мире место для меня и для Эсхила»²⁸¹.

Предчувствия историка дореволюционной школы оправдались: о первом случае репрессий советской власти по отношению к женщинам-историкам известно еще в 1919 году – тогда знаменитый медиевист О.А.Добиаш-Рожественская попала в дом предварительного заключения в Петрограде из-за принадлежности к конституционным демократам, но была быстро выпущена и продолжила свою научную деятельность²⁸². Примечателен также случай ареста арабиста И.Ю.Крачковского, обвиненном в 1921 году в шпионаже в пользу Финляндии из-за знакомства его жены, историка искусств В.А.Крачковской с финской семьей, у которой она покупала продукты на даче в Юкках²⁸³ – тем не менее, сама В.А.Крачковская арестована не была. Чистки в вузах, начавшиеся еще в 1922 году, стали наиболее ощутимы для историков в 1924-1925 гг., когда значительная часть преподавателей и аспирантов «из бывших» потеряла работу в университетах и вынуждена была искать места в музеях, библиотеках, архивах и средней школе (эта стратегия выживания репрессированных научных работников будет характерна для всего сталинского периода). Подобная вынужденная безработица вновь в большей степени затрагивала именно женщин-ученых:

²⁷⁹ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д.4. Л. 3.

²⁸⁰ Там же. Л. 154.

²⁸¹ Сергеенко М.Е. Воспоминания. С. 117.

²⁸² Перченко Ф.Ф. К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. С.160.

²⁸³ Перченко Ф.Ф.. К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук. С.174.

например, историк Н.В.Штакельберг вспоминала, что потеряв в 1924 г. место на историческом факультете Ленинградского университета, она в течение шести лет не могла устроиться ни на одну работу, т.к. в архивах, институтах Академии наук и иных учреждениях ей прямо отвечали: «Ваш муж работает... отец вашего мужа работает... в других семьях никто не имеет работы, а вы хотите, чтобы в одной семье все имели работу!»²⁸⁴ (наиболее тяжелыми с точки зрения безработицы в академическом сообществе историк называла 1927-1928 гг.). Скрытой формой безработицы и еще одним методом давления на историков была постоянная работа по договорам, а не в штате – в некоторых случаях историки (например, Н.А.Бакланова) находились в таком положении всю жизнь²⁸⁵.

С конца 1920-х гг. женщины-историки так же, как и их коллеги-мужчины, уже систематически страдали от начавшихся в академической среде проработок и репрессий. В 1929 г. началась кампания по организации на сфабрикованных уликах дел против участников многочисленных религиозных, научных и просто дружеских кружков интеллигенции начала 1920-х. В ходе «академического дела», сфабрикованного ОГПУ в 1929-1931 гг., в создании нелегальной монархической организации среди прочих обвинялись востоковед Л.А.Мерварт²⁸⁶ и архивист О.Е.Корнилович, по «делу А.А.Мейера» - против участников религиозно-философского кружка «Воскресение» - была репрессирована византолог Н.В.Пигулевская²⁸⁷, из-за участия в кружке «Новый Арзамас» пострадала археограф А.П.Глаголева²⁸⁸, а среди репрессированных участников «кружка молодых историков» было много молодых женщин - С.М. Глаголева-Данини,

²⁸⁴ Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In memoiam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. С.19-85. С.56.

²⁸⁵ Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М.: Аквариус, 2015. С. 78.

²⁸⁶ Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб.: БАН, 2015. Вып. 9. Ч. 1–3: Обвинение. Приговор. Реабилитация. Ч.2. С. 470-472.

²⁸⁷ Перченко Ф.Ф.. К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук. С.192-193.

²⁸⁸ Груздева, Е.Н. Александра Петровна Глаголева: историк и археограф // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4(24). С. 317-330. С.321.

Н.С. Штакельберг, М.К.Гринвальд, дочери С.Ф.Платонова Нина и Наталья²⁸⁹. Как член семьи изменника Родины 4 месяца была в лагере источниковед К.Н.Сербина²⁹⁰, по обвинению в шпионаже была репрессирована историк искусства, работник Эрмитажа Е.В.Ернштедт²⁹¹, харьковский историк О.Г.Водолажченко обвинялась в том, что была активной участницей украинской повстанческой организации²⁹². В первую волну репрессий пострадали и многие этнографы: Т.А.Корвин-Круковская была репрессирована по «академическому делу»²⁹³, Н.В.Брюллова-Шаскольская – по «делу эсеров»²⁹⁴, Н.И.Гаген-Торн обвинялась в призывах к активной борьбе с ВКПб²⁹⁵. Для каждой из этих женщин, вне зависимости от решения суда, даже кратковременный арест означал еще и окончание профессиональной карьеры: лишь немногие из них смогли вернуться к работе после освобождения. Исход уголовных дел зависел от множества различных факторов: так, в начале 1920-х гг. О.А.Добиаш-Рождественская и Е.Ф.Тураева-Церетели принимали активное участие в религиозном братстве Святой Софии²⁹⁶, а О.А.Добиаш-Рождественская также участвовала в «кружке

²⁸⁹ Каганович Б.С. М.К.Гринвальд. Контуры биографии // Отечественная история и историческая мысль в России XIX - XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2006. С. 59-68. С.60-61.

²⁹⁰ Алексеев Ю.Г., Семёнова Л.Н. Ксения Николаевна Сербина (1903—1990) // Отечественная история. 1992. № 3. С. 81—91. С.82.

²⁹¹ Вольфцун Л.Б. Ернштедт Елена Викторовна // Сотрудники Российской национальной библиотеки - деятели науки и культуры: биографический словарь. Российская национальная библиотека. СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. С. 223-225.

²⁹² Верба І.В. Водолажченко Ольга Гаврилівна // Енциклопедія історії України : у 10 т. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 1 : А — В. С. 592.

²⁹³ Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб.: БАН, 2015. Вып. 9. Ч. 1–3: Обвинение. Приговор. Реабилитация. Ч.2. С.308.

²⁹⁴ Семенова-Флор (Шаскольская) В.Э. Родители моей мамы – социалисты-революционеры Н.В. Брюллова-Шаскольская и П.Б.Шаскольский // Судьбы демократического социализма в России. Сборник материалов международной научной конференции (Москва, 20-21 сентября 2013 г.). М.: Издательство им. Сабашниковых, 2014. 360 с. С.296-315. С.309.

²⁹⁵ Гаген-Торн Г.Ю. Нина Ивановна Гаген-Торн — ученый, писатель, поэт // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Вост. лит., 2002. 343 с. С. 308—341. С. 322.

²⁹⁶ Чуков Г., Александрова-Чукова Л.К. «Единение цвета науки и Церкви...», или до Петроградского процесса 1922 г. и после «Академического дела» 1929–1931 гг. (по

медиевистов» вместе с И.М.Гревсом, тем не менее, в 1930-е гг. арестована не была (хотя переживала многочисленные обыски и допросы). По мнению Б.С.Кагановича, ее не тронули из-за мужа, директора Оптического института Д.С.Рождественского²⁹⁷ (на мой взгляд, второй причиной могло быть и то, что О.А.Добиаш-Рождественская была, пожалуй, самым известным за рубежом советским историком, следовательно, ее арест мог привести к международному скандалу). Обыски не пугали исследовательницу: сохранились письма, в которых она предупреждает своих корреспондентов об изъятой у нее переписке, а также письма, в которых она просит за репрессированных учеников, в частности, за медиевиста В.В.Бахтина. Печально, что большую часть своего архива О.А.Добиаш-Рождественская вынуждена была уничтожить: «новые визиты уже находили у меня пустые ящики» - писала она своему коллеге, Д.М.Петрушевскому в феврале 1935 года²⁹⁸. Под угрозой ареста находились все представители академического сообщества, даже самые именитые и, казалось бы, наиболее обласканные властью: в 1932 году М.В.Нечкина пережила предательство своего учителя М.Н.Покровского, поддержавшего ее проработку²⁹⁹, а А.М.Панкратова сама потребовала исключения своего мужа, историка Г.Я.Яковина из ВКП(б) в 1927 году из-за его связей с троцкистами³⁰⁰. Эго-документальные свидетельства этих историков передают их страх перед возможной опасностью - 6 сентября 1931 года в дневнике М.В.Нечкиной есть запись: «убийцы с ножами из-за каждого угла. Что бы ни написала, но раз беспартийная, значит, плохо. Уже следят за мною, чтобы проработать»³⁰¹.

материалам дневников митрополита Григория (Чукова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (28). С. 324–396.

²⁹⁷ Из переписки О.А.Добиаш-Рождественской 1920-х – 1930-х годов // Отечественная история. 1992, № 3. С. 101-117. С.107.

²⁹⁸ Из переписки О.А.Добиаш-Рождественской 1920-х – 1930-х годов. С.106.

²⁹⁹ Подробнее: Курапова Е.Р. Милица Васильевна Нечкина: образ в истории // "...И мучилась и работала невероятно": дневники М. В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013. С. 15.

³⁰⁰ Сидорова Л.А. Анна Михайловна Панкратова (1897-1957) // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 685-690.

³⁰¹ «...И мучилась и работала невероятно": дневники М. В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013. С. 308.

Проработки в 1930 годы серьезно впечатлили египтолога Н.Д.Флиттнер (она подвергалась гонениям за брошюру «Искусство древнейших культур в серии «История искусства всех времен и народов»)³⁰². Тем не менее, нападки на ее научный труд в мемуарах представлялись не проявлением государственной репрессивной системы, а личным выбором, плохим характером и предательствами некоторых людей (например, именитых ученых и ее коллег по Эрмитажу К.В.Тревер, С.Ф.Ольденбурга, и главного обвинителя – искусствоведа Э.Н.Ацаркиной, которая, по мнению Н.Д.Флиттнер, не удосужилась даже серьезно ознакомиться с текстом работы). В ее воспоминаниях звучит мысль, что «обидно и горько было особенно нетоварищеское отношение товарищей»³⁰³ - так, например, А.В.Шмидт, связанный с Н.Д.Флиттнер взаимной неприязнью, встал на ее защиту, тогда как ее приятельница К.В.Тревер знала о готовящейся проработке и «так тихо, чуть дыша заманила»³⁰⁴ на проработку саму Флиттнер. Такую разобщенность коллег отмечала и О.А.Добиаш-Рождественская: «Вот уже 3 или 4 месяца, как меня с разных сторон — то легче, то острее — «покусывают». Мне кажется, и даже почти несомненно, что это «покусыванье» (в партийных кругах) вызвано было другим течением, тоже происходящим в партийных кругах (и особенно женских), где как-то «вентилировался» вопрос о кандидатуре «покусываемой» в члены АН»³⁰⁵.

Несмотря на подобные взаимоотношения с коллегами, О.А.Добиаш-Рождественская стала одной из организаторов Творческой конференции женщин-ученых Ленинграда 5–7 марта 1937 г., на которой в одном из докладов очень тепло отзывалась о женщинах-историках. Сохранился неопубликованный машинописный текст ее доклада «За двадцать лет: обзор исторической работы ученых женщин»³⁰⁶ (текст другого выступления «От конференции женщин-

³⁰² Флиттнер Н.Д. Искусство древнейших культур: Новейшие археологические открытия. Ленинград: Сойкин, 1929.

³⁰³ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

³⁰⁴ Там же. Л. 30.

³⁰⁵ Из переписки О.А.Добиаш-Рождественской 1920-х – 1930-х годов. С.110.

³⁰⁶ Добиаш-Рождественская О.А. За 20 лет // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 236. Л.1-24.

ученых» был опубликован и подробно проанализирован О.А.Вальковой)³⁰⁷. Характерная для выступления такого рода риторика не отменяет значения доклада: фактически, в нем О.А.Добиаш-Рождественская публично настаивает на значимости для советской исторической науки всех активно работающих ленинградских женщин-историков, вне зависимости от их происхождения и убеждений. В качестве первых дореволюционных женщин-историков называются А.Я.Ефименко, Е.Н.Щепкина. Отдельно упоминаются женщины, которые были «не аналитиками истории, но ее творцами»³⁰⁸ (имелись в виду те активистки революционного движения, что оставили воспоминания о своей деятельности, например, Вера Фигнер). О.А.Добиаш-Рождественская не только перечисляла имена и достижения своих предшественниц и коллег, но и анализировала значение Высших женских курсов для развития науки в России, возможности обучения за границей, которые предоставляли дореволюционные профессора первым женщинам-историкам, значение Петербурга как главного научного центра для формирования профессиональных женщин-исследовательниц. О.А.Добиаш-Рождественская полагала, что женщинам в исторической науке чужды «грехи схематизма» и что именно они «повернули руль к исторической конкретности»³⁰⁹. Также исследовательница считала, что только благодаря Октябрьской революции женщины в значительной массе пополнили ряды сотрудников и руководителей научно-исследовательских, архивных и музейных учреждений (среди прочих она называла Эрмитаж, ГАИМК, институты Академии Наук: Востоковедения, Антропологии и этнографии, Книги, документа и письма)³¹⁰. Одной из важных качеств женщин-исследовательниц исторических наук О.А.Добиаш-Рождественская считала преемственность между ними: по ее мнению, именно система ученичества и научного руководства привела к тому, что

---

³⁰⁷ Валькова О.А. О.А.Добиаш-Рождественская о женщинах-ученых СССР: неопубликованные материалы // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. Т. 40. № 4. С. 782-789.

³⁰⁸ Добиаш-Рождественская О.А. За 20 лет // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 236. Л.3.

³⁰⁹ Там же. Л.23.

³¹⁰ Там же. Л.6.

женщины были настолько широко представлены в отечественной исторической науке.

Таким образом, каждая из профессиональных стратегий, выбранных российскими женщинами-историками второго поколения в советский период (1917-1941 гг.), была по-своему опасна: эмигрантки бросали занятия историей из-за невозможности найти оплачиваемую работу в академической среде (даже несмотря на то, что все они знали европейские языки и имели опубликованные работы), оставшиеся в Советской России специалистки «из бывших» постепенно почувствовали на себе тяжесть репрессивной машины. Былые традиции взаимопомощи под влиянием времени уступили место полной разобщенности исторического сообщества. Разрушение старых связей научных руководителей и их учениц привело к созданию новых способов формирования научной элиты: сначала через Институт красной профессуры, затем через возврат к традиционной системе аспирантуры. Несмотря на декларируемое государством равенство трудовых прав, все еще невозможно было говорить о равном распределении рабочих мест в академической сфере между мужчинами и женщинами: так, согласно справочнику «Научные работники Москвы» в 1930 году в Москве женщины составляли всего 16% от всех историков³¹¹, в Ленинградском же государственном университете на 1 января 1941 года из аспирантов-историков было 45 мужчин и 29 женщин (из общего количества аспирантов 271 мужчины и 154 женщины)³¹².

Таким образом, изучение первых российских женщин-историков через призму генерационного подхода дает возможность увидеть те изменения в их правовом положении, которые произошли за вторую половину XIX – первую половину XX вв. Представительницы первого поколения женщин-историков до 1880-х гг., фактически, были исключены из академической корпорации и только

---

³¹¹ Посчитано по: Наука и научные работники СССР: справочник Акад. наук СССР. Л.: [б.и.], 1925-1934. Ч. 4: Научные работники Москвы: с приложением перечня научных учреждений Москвы. 1930. С. 459-463.

³¹² Количество аспирантов ЛГУ на 1 января 1941 года // ЦГА СПб (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 675. Л.3.

за счет личных знакомств с историками имели возможность научиться методике исследовательской работы и опубликовать свои исследования, впрочем, к домашнему исследовательскому труду никаких препятствий они не имели. Благодаря созданию Высших женских курсов в Москве и Санкт-Петербурге, женщины второго поколения не только получили возможность получать профессиональное образование, но и начали интегрироваться в мужскую научную среду на равноправных основаниях. Начиная с 1890-х гг. массовая практика оставления женщин-историков «при курсах», с одной стороны уравнивала их с историками-мужчинами, которые могли быть оставлены «при университете для приготовления к профессорскому званию», с другой стороны вовсе не гарантировала трудоустройство женщин в качестве преподавателей высшей школы. Принятие женщин на работу в обход существовавшего законодательства несло на себе серьезные риски, а невозможность научной аттестации женщин для получения степени магистра или приват-доцента лишь закрепляла их маргинальное положение в российской науке. Одним из способов обхождения нормативных запретов было получение научной степени за рубежом, чем пользовались многие известные женщины-историки (у мужчин такой необходимости не было, поэтому в истории дореволюционной исторической науки было гораздо меньше мужчин, получивших степень доктора наук в зарубежных университетах). Ситуация изменилась в 1911 году: вышел закон, по которому женщины могли приобретать ученые степени магистра и доктора, чем полностью уравнивались в правах с мужчинами в академической среде. Несмотря на подкрепленное нормативно-правовыми актами Советской России преодоление гендерных асимметрий в законодательстве, реальное положение вещей оставалось прежним. Уничтожение женских высших учебных заведений лишило женщин возможностей «позитивной дискриминации», а приоритет «пролетарского происхождения» и возросшая конкуренция со стороны мужчин за сократившиеся рабочие места привели к тому, что даже в условиях нового законодательства, декларировавшего полностью равные права женщин и мужчин, количество женщин-историков третьего поколения в научной среде выросло незначительно.

Многие женщины-историки второго поколения в 1920-е гг. были вынуждены менять сферу деятельности и уходить в смежные с историей области археографии, библиотековедения или педагогики, некоторые предпочли эмиграцию или переезд внутри Советского Союза для поиска вакантных мест. Женщины-историки третьего поколения могли воспользоваться возможностями карьерного роста, представляемыми Институтом красной профессуры, а после 1934 года и восстановленной системой аспирантуры, и зачастую их научные заслуги отходили на второй план: для карьерного роста гораздо важнее была лояльность партии и новой марксистской парадигме в исторических исследованиях.

ГЛАВА 2. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИЙСКИХ И СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Профессиональная повседневность историков - тема, не слишком часто встречающаяся на страницах публикаций, анализирующих жизнь академического и преподавательского сообщества. Конечно, к ней обращались и в биографических исследованиях³¹³, и в общих работах по академической повседневности³¹⁴, но в гендерном аспекте тема эта все еще остается слабоосвещенной в отечественной исторической науке. Ее значимость для истории науки неоспорима, поскольку помогает лучше понять пути складывания личных пристрастий ученых к той или иной проблематике, но главное ее значение - это, конечно, значение для гендерной антропологии, постоянно ставящей во главу угла изучение практик неполноправия, деприваций женщин в научной среде. Упоминание имен первых русских женщин-историков обычно ограничивается сообщением о том, что в конце XIX в. их научные труды уже были известны научному сообществу³¹⁵. Тем не менее, многие проблемы, связанные с их научной повседневностью (организация творческого исследовательского процесса, взаимодействие с научными руководителями и издателями, практики сочетания научной работы и частной жизни) до сих пор остаются неисследованными. Вхождение женщин в мужскую академическую корпорацию историков в Российской империи не было простым – и именно те

³¹³ Ростовцев Е.А. Н.И.Кареев и А.С.Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX-XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т.III. №4. С.105-121; Долгова Е.А. Методология исторической науки в работах Н.И. Кареева 1917 - 1931 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2013.

Хаховская Л.Н. Этнокультурные различия сквозь призму опыта полевого исследователя (на материале дневника Д. Л. Иохельсон-Бродской) // Россия и АТР. 2017. №2 (96). С.201 - 204.

³¹⁴ Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М.: Ин-т российской истории РАН, 2008; Павловская С.В. Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX - начала XX веков: дисс. ... канд. Ист. наук: 07.00.09. Н. Новгород, 2006.

³¹⁵ Пушкарева Н.Л. Женщины-историки в России 1810-1917 гг // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №1 (18). С. 228-245. С.230-231.

частные подробности, которые встречаются в эго-документах (воспоминаниях, дневниках, личной переписке) помогают реконструировать те трудности, которые приходилось преодолевать первым женщинам в исторической науке.

§ 1. «Эффект Матфея» и «эффект Матильды»: особенности научного статуса первых женщин в отечественной исторической науке

В изучении научной и творческой повседневности отечественных ученых-историков последних лет особенно примечательна дискуссия Е.А.Долговой и Л.А.Сидоровой о применимости «эффекта Матфея» к судьбе отечественных историков. Первым эту концепцию сформулировал американский социолог Р.К.Мертон³¹⁶. «Эффект Матфея» («ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет»³¹⁷) применительно к академическому сообществу призван объяснить неравномерный статус различных акторов в научном сообществе. По мнению Е.А.Долговой, именно эффектом Матфея объяснялась преэминентность дореволюционной иерархии в исторической науке и иерархии научных работников раннесоветского периода (от символических преимуществ ученых «старой школы» зависело отношение к ним со стороны советской власти, успешные ученые сохраняли свой высокий статус)³¹⁸. Л.А.Сидорова полемизирует с ней, говоря о том, что в 1920-е гг. положение старой дореволюционной профессуры в целом сложно называть привилегированным (они испытывали чрезвычайные трудности со снабжением продуктами питания, распределением жилого фонда и иными факторами, существенно влиявшими на эффективность научной работы), а молодая «красная» профессура уже относилась к «старой» профессуре с пренебрежением к их дореволюционному статусу³¹⁹. На мой взгляд, правы обе исследовательницы: в

³¹⁶ Merton R. The Matthew Effect in Science // Science. 1968. №159 (3810). P. 56-63.

³¹⁷ Мф. 25:29.

³¹⁸ Долгова Е.А. Советское научное сообщество в 1918-1934 гг.: социальный, институциональный, публичный аспекты : дис. ... доктора ист. наук : 07.00.02. Москва, 2020; Учёный в эпоху перемен: Н.И.Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы. М.: РОССПЭН, 2015.

³¹⁹ Сидорова Л.А. "Эффект Матфея" в советской исторической науке 1920-1930-х гг. // Российская история. 2017. № 4. С. 84-102.

переходный период с 1917 по 1924 гг., несмотря на законодательные нововведения советской власти, статус внутри исторического научного сообщества определялся в соответствии с дореволюционным положением и заслугами исследователя (это не отменяет тот факт, что интеллигенция в целом почти перестала получать государственную поддержку, в отличие от рабочего класса). С 1924 по 1929 гг. государственная политика в области науки была прямо направлена на уничтожение тесных взаимных связей дореволюционной профессуры и формирование новой академической элиты (с этим также можно связать и начало репрессий в академической среде). В контексте же исследования академических успехов и неудач встает вопрос, насколько применима концепция «эффекта Матфея» к женщинам в отечественной исторической науке? Для того, чтобы ответить на него, необходимо рассмотреть идеи, бытующие в современных зарубежных исторических исследованиях.

В западной историографии участия женщин в науке американский социолог Джонатан Коул впервые сделал попытку доказать, что вклад женщин в науку традиционно несправедливо занижается в конце 1970-х гг.³²⁰, а американский историк науки Маргарет Росситер в начале 1990-х гг. впервые сформулировала понятие «Эффект Матильды»³²¹ (по аналогии с «эффектом Матфея»). «Эффект Матильды» подразумевает, что женщинам сложнее добиться высот в науке, т.к. изначально они обладают меньшим «запасом» доверия в академической среде. Примечательно, что М.Росситер рассматривала вариант назвать этот эффект «эффектом Гарриет» - в честь Гарриет Цукерман, сотрудницы автора «эффекта Матфея» Роберта Мертона, которая проделала значительную часть работы в их общем социологическом исследовании, но даже не была упомянута как соавтор Мертона³²². Позднее М.Росситер передумала и назвала упомянутый эффект в социологии науки в честь Матильды Джослин Гейдж, суфражистки. В своем эссе

---

³²⁰ Cole J.R. Fair Science: Women in the Scientific Community, New York: The Free Press. 1979.

³²¹ Rossiter M. W. The Matthew Matilda Effect in Science // Social Studies of Science. 1993. № 23(2). P. 325–341.

³²² Rossiter, M. W. The Matthew Matilda Effect in Science. Social Studies of Science. P.334.

об участии женщин в истории технологий «Женщина как изобретатель» М.Д.Гейдж доказывала, что первую эффективную хлопкоочистительную машину «коттон-джин», удешевившую получение хлопка и повлиявшую на ускорение промышленной революции в США, изобрел не американский изобретатель Эли Уитни, а его знакомая Кэтрин Грин³²³. Сам по себе, «эффект Матильды» стал традиционной моделью, объясняющей специфику формирования научной репутации женщин и стал широко обсуждаться сразу после выхода работы М.Росситер. Сегодня, анализируя академическую повседневность, наиболее часто авторы говорят о сложностях и дискриминационных практиках, с которыми столкнулись женщины в изначально маскулинной научной системе: трудоустройство на младшие должности / неполный рабочий день, выполнение работы и исследований за неадекватно низкую плату, отсутствие признания коллег, необходимость совмещать работу и семейные заботы³²⁴. Многие женщины в XIX – начале XX вв. были вынуждены выбирать «облегченный формат» научно-исследовательской деятельности – писатель, переводчик, работник образования, популяризатор науки. Для обозначения женского участия в сфере науки в модерную эпоху появился также термин «женская обслуживающая наука» («women serving science»)³²⁵ – указание на то, что в профессиональной деятельности многие женщины были вынуждены работать на вторых ролях, а результаты их научного труда присваивались более успешными коллегами. Не обладая субъектностью в профессиональной жизни (женщины не создавали науку, а как бы «вовлекались» в нее), исследовательницы были вынуждены преодолевать многочисленные препятствия с помощью адаптации к формальным и неформальным нормам научного сообщества³²⁶. Фактором, усиливающим «эффект Матильды» М.Росситер называла научное сотрудничество мужчин и

³²³ Gage M. Woman as Inventor // The North American Review. Volume 136. Issue 318. May 1883. P.478 – 489.

³²⁴ Henley M. Women's success in academic science: Challenges to breaking through the ivory ceiling // Sociology Compass. 2015. 9.8. Pp. 668-680.

³²⁵ Watts R. Women in Science. A Social and Cultural History. London and New York: Routledge, 2007.

³²⁶ Harley S. Research Selectivity and Female Academics in UK Universities: from gentleman's club and barrack yard to smart macho? // Gender and Education. 2003. 15:4. P. 377-392.

женщин, не являющихся супружеской парой: в этом случае риск неравномерного и несправедливого распределения научной репутации по результатам исследования казался ей значительно выше³²⁷.

Именно через призму социологических «эффектов» Матильды и Матфея в последние годы создается большинство исследований, касающихся участия женщин в науке в разных странах мира. «Эффект Матильды» практически не рассматривался применительно к российской академической истории³²⁸, тем не менее анализ источников предполагает широкие возможности использования подобного подхода.

Необходимо отметить, что сами по себе элементы дискриминации женщин в науке и присваивание их исследовательских результатов практически невозможно выявить, используя статистические или делопроизводственные источники. При этом, косвенным источником, значимым для характеристики трансформации профессиональных амбиций женщин-историков становится даже то, как они подписывали свои наиболее важные публикации. Хотя в Российской империи среди дворянства практика существования двойных фамилий была широко распространена (это объяснялось, в первую очередь, необходимостью размежевания отдельных ветвей дворянских родов)³²⁹, в случае с женщинами-учеными второй половины XIX века, появление у них двойных фамилий после замужества указывает на сознательную необходимость сохранять свои появившиеся еще до брака научные достижения. Представительницы первого поколения (например, П.Я.Литвинова-Бартош, А.Я.Ефименко-Ставровская, Н.А.Белозерская-Ген), как правило, подписывали публикации фамилиями, приобретенными в замужестве (исключением можно считать П.Я.Литвинову-

³²⁷ Rossiter, M. W. The Matthew Matilda Effect in Science. *Social Studies of Science*. P.328.

³²⁸ Можно выделить лишь две статьи, в которых упоминается «эффект Матильды»: Коннова Л.А. Женщины в мировой науке и их вклад в научно-технический прогресс // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2019. № 3(44). С. 32-38; Гриненко С.В. Гендерная асимметрия в академической среде // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-1. С. 147-152.

³²⁹ Суперанская А.В., Сулова А.В. О русских фамилиях. М.: Азбука, 2008. С.190.

Бартош³³⁰ - некролог, посвященный ей, историк М.С.Грушевский озаглавил именно двойной фамилией (вероятно, для акцентирования ее малоросского происхождения). В первую очередь, это объясняется тем, что их значимые научные результаты появились после замужества, а иногда и после развода. Многие представительницы второго поколения женщин-историков, уже гораздо шире представленных в академической среде, и особенно те, кто опубликовал значимые научные исследования до замужества, предпочитали использовать двойную фамилию: О.А.Добиаш-Рождественская, Т.Н.Козьмина-Бороздина, Н.В.Брюллова-Шаскольская, М.И.Лот-Бородина. Наиболее успешные представительницы же третьего поколения женщин-историков нередко предпочитали не менять фамилию после замужества (так поступали, например, М.В.Нечкина, бывшая замужем за Д.А.Эпштейном и А.М.Панкратова, недолго состоявшая в браке с Г.Я.Яковиным).

Наибольшую помощь исследователю в поисках влияния «эффекта Матфея» и «эффекта Матильды» на карьерный рост и исследовательскую результативность женщин-историков могут оказать именно автодокументальные источники: в мемуарах, письмах, дневниках некоторые исследовательницы откровенно писали своих проблемах, не всегда даже рефлексировав моменты дискриминации, очевидные читателю. Во второй половине XIX века первые русские женщины-историки соглашались публиковаться в научно-популярных журналах под своими инициалами, а в некоторых случаях даже под именами знакомых мужчин: так, например, Н.А.Белозерская сомневалась в том, что статьи, написанные женщиной, напечатают в журнале «Древняя и Новая Россия», поэтому свои работы подписывала именем друга, историка Д.Л.Мордовцева («потому что не примут иначе – я женщина, и это первый случай»³³¹). Вскоре Мордовцев открыл истину редактору «Древней и Новой России» историку С.Н.Шубинскому и Н.А.Белозерская получила возможность подписываться своим именем. Параллельно с этой работой, она была «литературным негром» для историка

³³⁰ Грушевський М. П[елагія] Литвинова-Бартош. Некролог // ЗНТШ. Львів, 1904. Т. LXII. Кн. VI. Miscellanea. С. 3.

³³¹ Белозерская Н.А. Автобиография. С.933.

М.И.Семевского – работала над вторым изданием его исследования «Царица Прасковья по новым материалам»³³² - по словам самой Н.А.Белозерской, значительно ей дополненным (сам М.И.Семевский хотя и оплатил ее исследование, забрал у нее обратно все книги, предоставленные для работы над текстом). В результате, со временем Н.А.Белозерская стала гораздо выше оценивать свой исследовательский труд, поэтому, когда в 1883 году «Русская старина» предложила ей напечатать ее труд «Царское венчание в России» без подписи, потому что «неудобно ставить женское имя»³³³, Н.А. сначала хотела разорвать статью, но передумала и отдала текст в конкурирующий журнал «Русская мысль»³³⁴. В дальнейшем все тексты печатались только под ее подписью. История Н.А.Белозерской подтверждается тем фактом, что популярные исторические журналы второй половины XIX века (такие, как «Историческое обозрение», «Русская старина», «Русская мысль») зачастую использовали исследования, принадлежащие женщинам, но своим именем тексты подписывать не разрешали, позволяя ограничиваться лишь инициалами. Благодаря настойчивости женщин-историков и их появлению в более серьезных научных журналах (таких, как «Журнал министерства народного просвещения»), постепенно, уже к началу XX века подпись собственным полным именем становится обычной практикой. Также именно из-за подписи научного труда у Н.А.Белозерской возник конфликт с Н.И.Костомаровым, у которого она работала секретарем: первое издание знаменитой работы историка «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» вышло при участии средств Н.А.Белозерской и ее старшей сестры З.А.Кульжинской, и в разговоре с Костомаровым издатель М.О.Вольф назвал его работу «изданием госпожи

³³² Семевский М.И. Царица Прасковья. 1664-1723: Очерк из рус. истории Михаила Семевского. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ред. журн. "Рус. старина", 1883.

³³³ Белозерская Н.А. Автобиография. С.933.

³³⁴ Белозерская Н.А. Царское венчание в России // Русская мысль, 1883. Кн. 4. С.1-40; Кн. 5. С. 1-48.

Белозерской», а Н.И.Костомаров подумал, что Белозерская присвоила себе его труд, помирились они лишь через несколько лет³³⁵.

Кроме подписей инициалами, псевдонимы в научных трудах женщин (в отличие от их литературных опытов) практически не использовались – лишь в качестве исключения, можно вспомнить, как историк религии, статс-фрейлина императрицы Александры Федоровны, доброволец на фронтах Первой мировой войны Ю.Н.Данзас³³⁶ сознательно опубликовала в 1906-1913 годах исследования под именем Юрий Николаев³³⁷. Объяснение, почему в 1900-е гг., уже достаточно лояльные для женщин в академической среде, автор приняла решение скрываться под мужским псевдонимом, содержится в дневниках 1921 года: «Я всегда мучилась тем, что я — женщина. И в том, минувшем мире, о котором ты говоришь, это было для меня острым страданием — еще худшим, чем теперь»³³⁸. Следовательно, в данном случае можно говорить о внутренних психологических причинах, вынуждавших Ю.Н.Данзас использовать псевдоним – а также и о ее подозрении, что к тексту по истории философии, написанному женщиной коллеги отнесутся предвзято и несерьезно, вне зависимости от качества исследования.

В целом, проблем с публикациями женщин-историков было много - неоднократно женщины-историки жаловались на то, как их работы долго лежат в редакциях научных журналов³³⁹. После единственного коммерчески успешного опыта А.О.Ишимовой, поддержанной императорской семьей в издании «Истории России в рассказах для детей», мужчины-издатели не рисковали издавать полноценные женские научные работы. Показателен пример этнографа П.Я.Литвиновой, которая с 1870-х гг. до самой смерти собирала образцы украинского народного искусства, зарисовывала многочисленные виды

³³⁵ Белозерская Н.А. Воспоминания о Н.И.Костомарове. С. 653-654.

³³⁶ Орлова Н.Х. Данзас Юлия Николаевна: Я чувствую силу своей мысли // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2020. № 32. С. 125-139.

³³⁷ Николаев Ю. В поисках за божеством: Очерки из истории гностицизма. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1913; Николаев Ю. Запросы мысли. СПб.: Тип.А.С.Суворина, 1906.

³³⁸ Данзас Ю.Н. Наедине с собой / Юрий Николаев [псевд.] // Звезда. 2017. №11. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/11/naedine-s-soboj.html> (дата обращения: 15.07.2021).

³³⁹ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 32 (об.).

орнаментов. Собрав значительную коллекцию, П.Я.Литвинова задумалась об ее публикации³⁴⁰. Впрочем, друзья, поддержавшие ее на словах, не спешили помочь в издании финансово, и в итоге деньги на издание работы она заняла у некоего Шугурова³⁴¹ (вероятно, речь шла о черниговском историке Михаиле Федоровиче Шугурове³⁴²). В 1877 году, когда работа была издана, Пелагея Яковлевна переживала тяжелый период: смерть дочери, сложности с публикацией работы («никто из Ваших не хотел брать моей работы никуда»³⁴³ - писала она своему близкому другу, украинскому историку и этнографу Ф.К.Волкову, упрекая того в отсутствии помощи). Редактор «Киевского народного календаря» А.Ф.Андрияшев не заплатил полностью обговоренную сумму за «Русские народные узоры», а также был обвинен П.Я.Литвиновой в плагиате (вероятно, речь шла не о коллекции орнаментов, а о методических пособиях для обучения детей грамоте: составленные по одной и той же методике обучения чтению «звуковым способом», тексты навели П.Я. на мысль о заимствовании у нее³⁴⁴). Издательские проблемы преследовали П.Я.Литвинову: решив переиздать дополненную книгу в типографии Беца³⁴⁵, она не получила денег, но забрала тираж, а знакомый студент, взявшийся распространить книги в Санкт-Петербурге сначала присылал деньги, потом исчез, оставшись должным 200 рублей³⁴⁶. Этот пример во многом объясняет, почему, несмотря на активную научную работу женщин-историков, во второй половине XIX – начале XX вв. практически нет их значимых публикаций –

³⁴⁰ Литвинова П.Я. Русские народные узоры / собр. П. Я. Литвиновой. Киев: Ред. Киев. нар. календаря, 1877.

³⁴¹ Спаська Ї. Пелагея Яковівна Литвинова: Нарис її життя та праці за її рукописами та родинними документами // Етнографічний вісник. 1928. Кн.7. С.168 - 199. С.180.

³⁴² Гельвих А. Шугуров, Михаил Федорович // Русский биографический словарь: в 25 томах. СПб. - М., 1896—1918. Т. 23 (1911): Шебанов — Шютц. С. 503—504.

³⁴³ Спаська Ї. Пелагея Яковівна Литвинова: Нарис її життя та праці за її рукописами та родинними документами. С.188.

³⁴⁴ Андрияшев А.Ф. Начальное обучение грамоте по звуковому способу. Киев: ред. Киев. нар. календаря, 1875.; Литвинова П.Я. Азбука для народных школ: Сост. по звуковому способу для нагляд. обучения П. Литвиновою. Киев: тип. С.Т. Еремеева, 1877.

³⁴⁵ Литвинова П.Я. Южно-русский народный орнамент, вып. 1. Черниговская губерния, Глуховский уезд, Киев: Изд. Бец в литогр. Фрица, Предисловие и 12 цветных таблиц. 1878.

³⁴⁶ Спаська Ї. Пелагея Яковівна Литвинова: Нарис її життя та праці за її рукописами та родинними документами. С.188.

слишком редко женщины решались самостоятельно публиковать свои работы (это было сопряжено со значительными расходами), тогда как профессиональные издатели боялись отсутствия коммерческого успеха работ женщин-историков.

Хотя в начале XX века внешне подобная дискриминация по отношению к женщинам-ученым проявлялась все реже, после 1917 года она не исчезла, в том числе и среди ученых-эмигрантов. Примером тому могут быть цитаты из писем медиевиста К.В.Флоровской ее брату Г.В.Флоровскому: «Скажи своим старым гримзам - Новгород[одцеву], Ястр[ебову] и tutti quanti [и всем прочим], что это срам, что все-таки приват-доцент университета д[олжен] снискивать пропитание клейкой папиросных коробочек и мечтать о конторской работе. Т[ак] ч[то] и меня надо присоединить к новой партии русских ученых, нуждающихся в устройстве»³⁴⁷ (вероятно, речь идет о программе помощи русским ученым, оказавшимся за рубежом, со стороны чешского правительства, Земгора и Русской академической группы в Праге – подобные организации и объединения предполагали, среди прочих задач, и взаимопомощь в поиске рабочих мест³⁴⁸). В другом письме К.В.Флоровская выражала свое отношение к тому, что немногие рабочие места для эмигрантов-ученых были ей недоступны: «Я вовсе не думаю, что я меньше приспособлена к научной работе, чем многие другие; я не могу делать переворотов в науке, но читать хорошие лекции, издавать тексты, писать полезные статьи, переводить я вполне в состоянии. Но не забывай, что я женщина, и что акад[емическая] жизнь, разумеется, останется в руках тех же или таких же старых и молодых гримз мужского пола, как было и раньше; следовательно, с меня будет требоваться гораздо больше, чем с мужчины. Ну, а если возвращение в Россию затянется еще на годы, то тогда, конечно, не только над академической работой надо поставить крест, но я и представить себе не

³⁴⁷ Письмо К.В.Флоровской к Г.В.Флоровскому от 13 сентября 1922 г. // Галчева Т.Н., Голубович И.В. "Понемногу приспосаблиюсь к «независящим обстоятельствам». П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. С.38.

³⁴⁸ Киейзик Л.-Б. К вопросу истории взаимоотношений Льва Карсавина и Георгия Флоровского // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 950–961. С.954-955.

могу, что будет»³⁴⁹. В эмиграции историк на время оставила самостоятельные исследования – черновики ее диссертации пропали при отъезде из Советской России, зато, разлученная с братьями, русскими религиозными философами Г.В. и А.В.Флоровскими она помогала им в научной работе – закупала и пересылала необходимые книги, подбирала материалы, конспектировала доступные ей источники³⁵⁰. В текстах исследований братьев отдельных благодарностей ей нет (хотя Г.В.Флоровский в предисловии писал: «я с благодарностью вспоминаю всех тех, кто помогал или помог мне в моей работе, примером или советом, книгами и справками, возражениями, сочувствием или упреком»³⁵¹).

Хотя «эффект Матильды» характернее для естественных наук, чем для исторических (работа историка зачастую носит индивидуальный характер и не зависит от коллективных лабораторных исследований), в документах архива М.В.Нечкиной, касающихся конфликта ее со своим учителем М.Н.Покровским, также проявились некоторые способы присваивания научных результатов. Суть конфликта такова: в газете «Правда» 16.11.1931 года был опубликован фельетон Г.Е.Рыклина «История с примечаниями», посвященный изданным М.В.Нечкиной запискам Н.И.Лорера «Записки декабриста Лорера под редакцией М.Н.Покровского»³⁵². Опубликованный текст содержал кроме записок Лорера еще и комментарии председателя киевской археографической комиссии во второй половине XIX века М.В.Юзефовича, которыми тот сопровождал мемуары по просьбе автора. Г.В.Рыклин в фельетоне решил, что эти комментарии принадлежат самой М.В.Нечкиной и обвинил ее в симпатии к крепостникам. Представители Соцэкза потребовали от М.В.Нечкиной объяснений³⁵³, также

³⁴⁹ Письмо К.В.Флоровской к Г.В.Флоровскому от 15 июля 1923 г. С.38.

³⁵⁰ Киейзик Л.-Б. К вопросу истории взаимоотношений Льва Карсавина и Георгия Флоровского. С.957-958.

³⁵¹ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: Институт Русской цивилизации, 2009. С.11.

³⁵² Лорер Н.И. Записки декабриста Н. П. Лорера / Под ред. М. Н. Покровского ; Подготов. к печати и коммент. М. В. Нечкина; Ком. акад. М.: Гос. соц. экон. изд-во, 1931.

³⁵³ Нечкина М.В. Переписка с редакцией газ. «Правда», ак. Покровским М.Н. и др. в связи со ст. Рыклина Г.Е. «История с примечаниями» (о комментариях Нечкиной М.В. к книге «Записки декабриста Н.И.Лорера. М. 1931) // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 342. Л. 6.

она, опасаясь за свою научную репутацию, направила опровержения фельетона в редакцию «Правды», Институт истории Комкадемии и Общество историков-марксистов³⁵⁴. Глава Госиздата А.Б.Халатов (с ним М.В.Нечкина была лично знакома) пригласил ее и дал прочесть секретное письмо М.Н.Покровского, в котором тот обвинял свою ученицу в том, что она «получила мандат на издание записок декабриста Лорера на мое имя как редактора»³⁵⁵ и «независимо выпустила книжку под моим именем»³⁵⁶. Возмущенная М.В.Нечкина описала А.Б.Халатову свою версию событий, которая демонстрирует особенности стиля научного руководства М.Н.Покровского. По версии М.В.Нечкиной, она обнаружила в архиве Комкадемии рукопись записок, дала ее почитать М.Н.Покровскому, тот одобрил издание текста, для чего было необходимо решение Президиума Комкадемии. Решение было «проведено», но М.В.Нечкина с удивлением увидела в протоколе, что редактором текста был назначен М.Н.Покровский, а М.В.Нечкина должна была «только готовить текст к печати». Важно, что в письме А.Б.Халатову М.В.Нечкина пишет следующее: «Как-то подразумевалось, что я буду и редактором книги. У меня была уже не одна работа о декабристах. Но я приняла это легко. Что уж – пусть так и будет. В протоколе ясно стояло – печатать Записки Лорера в подготовке Нечкиной, под редакцией Покровского. Подпись под протоколом - МНП. Мне, скорее всего, было не по себе. Что сам МНП сам не сказал мне этого, а поставил перед фактом»³⁵⁷. Перед публикацией текст был послан М.Н.Покровскому на проверку: «Уговор с ним всегда был один, порядок действий всегда один и тот же: ему посылались гранки, он их смотрел и возвращал, своей экземпляром с поправками (очень редко если они были). Если не было – гранки всегда подписывала я. Ведь текст гранок был документальным, копией документа. При занятости МН порядок этот, который практиковался со всеми одинаково, был привычен и вполне понятен»³⁵⁸. Судя по всему,

---

³⁵⁴ Там же. Л. 3.

³⁵⁵ Там же. Л. 11.

³⁵⁶ Там же. Л. 11.

³⁵⁷ Там же. Л. 7-8.

³⁵⁸ Там же. Л. 8-9.

М.Н.Покровский с текстом, который должен был выйти под его редакцией, незнакомился, зато обрадовался, увидев вышедший под его именем экземпляр. М.В.Нечкина была поражена письмом М.Н.Покровского к А.Б.Халатову, в котором учитель называл ее работу «халтурой», «кунштюком», «идти 12 лет к марксизму и потом благополучно сесть в кресло редактора б[ывшего] «Русского архива»³⁵⁹. Конфликт закончился смертью тяжело больного М.Н.Покровского в апреле 1932 года, политических последствий для М.В.Нечкиной не было. В целом, ситуация демонстрирует сразу несколько особенностей «эффекта Матильды» в советской исторической науке 1920-х – 1930-х гг.: во-первых, использование М.Н.Покровским как научным руководителем результатов учеников было если не социально одобряемой, то вполне обычной практикой. М.В.Нечкина акцентирует внимание на том, что ей было неприятно не само использование, а то, что научный руководитель не посоветовался с ней, а также на том, что подобная форма заимствования была возможна только при издании первоисточников (т.е. для монографий и статей это было бы более незтично). Во-вторых, в данном случае «эффект Матильды» давал обратную силу: как только М.Н.Покровский почувствовал угрозу своему положению, он постарался объявить именно М.В.Нечкину виновной в публикации записок Н.И.Лорера.

Имел ли в данной ситуации присваивания научных результатов значение гендер исследовательницы или подобные отношения научного руководителя и ученика могли бы сложиться вне зависимости от гендерных установок? Не только в объяснительной М.В.Нечкиной содержится намек на то, что М.Н.Покровский обычно не читал работы, которые позднее выходили под его редакцией. Например, в мемуарах Н.И.Павленко есть свидетельство о том, что М.Н.Покровский так же номинально руководил работой Центрархива (хотя на самом деле работал в нем за него В.В.Максаков)³⁶⁰. С другой стороны, свидетельств историков-мужчин о том, что М.Н.Покровский присваивал их научные результаты не было обнаружено, а М.В.Нечкина была ближайшей

---

³⁵⁹ Там же. Л. 11.

³⁶⁰ Павленко Н.И. Воспоминания историка. М.: Памятники исторической мысли, 2016. С.98.

ученицей М.Н.Покровского, с которой его изначально связывало взаимное доверие³⁶¹.

С точки зрения «эффекта Матфея» (соответствия формального академического статуса и возможностей карьерного роста), ситуация для женщин-историков второго поколения, оставшихся в Советской России была не менее сложной: постепенная замена специалистов с дореволюционным образованием «красной профессурой» приводила к безработице. Хотя сложившиеся в кругу историков отношения взаимной поддержки помогали найти другую работу (в библиотеках или архивах), коллеги помогали, в первую очередь, мужчинам, т.к. мужчина воспринимался как главный кормилец семьи, а замужняя женщина могла продолжать заниматься домом и детьми, оставаясь безработной. Неформальные связи, сформировавшиеся еще до революции 1917 года, определяли степень взаимопомощи. Об этом пишет историк Н.С.Штакельберг, близко дружившая с дочерьми С.Ф.Платонова: в 1927 году, услышав, что С.Ф.Платонов имел возможность устроить нескольких историков в рукописный отдел Библиотеки АН СССР, она отправилась к нему на прием. Представив аннотации своих опубликованных работ, она тем не менее места не получила: по мнению Н.С.Штакельберг «если бы за меня просил кто-то, для него авторитетный, я была бы принята»³⁶². Вероятно и то, что в данном случае Н.С.Штакельберг ошибалась: С.Ф.Платонов либо не имел возможности взять человека на рабочее место, либо все же предпочел дать работу людям, которых знал лучше. Следовательно, здесь тоже проявляется «эффект Матфея» - «у неимеющего отнимется и то, что имеет»: женщины, находившиеся в меньшинстве среди ученых-историков до революции, с приходом советской власти испытывали «двойную дискриминацию» - по гендерному признаку и признаку непролетарского происхождения. Выпускники ИКП и факультетов общественных

³⁶¹ Курапова Е.Р. Милица Васильевна Нечкина: образ в истории // "...И мучилась и работала невероятно": дневники М. В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013. С.14.

³⁶² Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In *memoriam*: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. С.19-85. С.57.

наук, вошедшие в академическую среду в середине 1920-х гг. – начале 1930-х гг., зачастую воспринимались старшими современниками, сохранявшими свои позиции в академической науке, как люди с недостаточным уровнем общего образования и кругозора (особенно в сравнении с людьми с профильным историческим образованием)³⁶³. Фактически, под влиянием репрессий и государственного давления, созданные до революции неформальные связи между профессурой и их учениками, помогавшие воспроизводству исторического сообщества, были разрушены. Лишь изменение государственной политики в области истории в 1934 году, возвращение аспирантуры на исторических факультетах и окончательное формирование системы Академии наук СССР создали новую структуру академической корпорации историков, в которой женщины имели больше возможностей проявить себя в исследовательской работе.

Таким образом, с точки зрения применения «эффекта Матфея» к судьбам российских женщин-историков, необходимо отметить, что в условиях, тяжелых для всей академической корпорации историков (1917-1934 гг.) женщины нередко испытывали «двойную дискриминацию» - не имея до революции всей полноты возможностей заниматься исследовательской работой, после революции 1917 года в условиях безработицы историков они были вынуждены искать другие занятия, например, работу в «женской обслуживающей науке». Важно отметить, что советская система научной работы при этом позволяла им заниматься исследовательской работой, хотя адаптация женщин к формальным и неформальным нормам научного сообщества проходила сложнее, чем у мужчин. Что касается проявлений «эффекта Матильды» - из-за меньшей правовой защищенности исследовательницы чаще становились жертвами плагиата или присвоения научных результатов, имел место и «обратный эффект Матильды» - когда научная работа в соавторстве угрожала репутации исследователя, виновной старались сделать именно женщину-соавтора.

---

³⁶³ Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма : историограф. очерки. М.: Знак, 2004. С.44-45.

§ 2. Практики научной повседневности в эго-документах российских и советских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.

Как изменилась повседневная жизнь первых женщин, выбравших профессию историка? Какие трудности они испытывали при вхождении в профессиональную корпорацию научных работников? Хотя некоторые аспекты женской академической повседневности уже являлись предметом исследования Н.Л.Пушкаревой³⁶⁴, многие стороны ежедневной рутинной работы первых женщин-историков до сих пор не были изучены. Анализируя эго-документы первых русских женщин-историков и иные источники, связанные с их профессиональной деятельностью, становится возможным проследить трансформацию некоторых повседневных практик женщин, впервые вошедших в академическую среду. В данном разделе предполагается рассмотреть, как изменялась повседневная работа женщин-историков в архивах и библиотеках, с какими проблемами они сталкивались, будучи в статусе преподавателей, как трансформировался внешний облик ученых дам в профессиональной среде. Все эти подробности профессиональной повседневности женщин-историков помогают реконструировать процесс их адаптации в академическом сообществе.

*Адаптация в пространстве: женщины-историки в архивах, библиотеках и учебных заведениях*³⁶⁵. Исследовательский процесс историка типичен для разных стран и эпох: за поиском первичного материала (в экспедиции или архиве) следуют анализ исторических источников и создание текста научного исследования, а затем презентация результата (либо через публикацию в научном журнале, либо через преподавание или выступление на конференции).

³⁶⁴ Пушкарева Н.Л. *Libido academica* (гендерный аспект просопографии академической жизни) // Антропологический форум. Вып. 14. 2011. С. 168-192; *Воспроизводство кадров для российской науки в советский и постсоветский период: гендерный и институциональный аспекты* // Вестник Тверского ГУ. 2011. № 3. С. 58-77; *Наука – не женское дело? К истории феминизации российской науки в начале XXI века* // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 14. Вып. 2. С. 105-121.

³⁶⁵ Семенова О.И. *Практики научной повседневности в эго-документах первых русских женщин-историков второй половины XIX - начала XX вв.* // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 1. С. 39-44.

Примечательно, что в эго-документах русских женщин-историков описанию самого творческого процесса отводилось не так много внимания – вероятно, их не слишком привлекала рутинность этого процесса: гораздо больше удовлетворения, которым им хотелось поделиться с читателями мемуаров или дневников, они получали от научного поиска в библиотеках и архивах.

Основное содержание работы первого поколения российских женщин-историков составляло именно написание исторических сочинений – к преподаванию они пришли позже. Первой необходимостью для создания качественного исторического труда была работа с архивными документами. В дореволюционную эпоху наиболее популярным местом, в котором женщины-историки читали книги и знакомились с архивными делами, была Императорская Публичная библиотека в Санкт-Петербурге (сейчас – Российская национальная библиотека). Первых женщин-историков, выделявшихся своими серьезными занятиями из множества других завсегдатаев библиотеки, там хорошо знали (в качестве доказательства благосклонности служителей библиотеки Н.А.Ген-Белозерская, секретарь Н.И.Костомарова и самостоятельный историк, отмечала, что ей ежедневно отыскивали и приносили книги, даже самые редкие издания, а еще она всегда работала за столом³⁶⁶ – в переполненной Публичной библиотеке 1850-х – 1860-х гг. это было большой привилегией (только в 1857 г. началось строительство нового здания, в котором было предусмотрено дополнительное помещение «для занятий художников и женщин-читательниц»³⁶⁷, но из-за открытия Высших женских курсов дополнительного помещения все равно не хватало). Радость научного поиска в библиотеке прослеживается почти во всех эго-документах женщин-историков. Так попыталась передать свои ощущения от посещения Публичной библиотеки египтолог Н.Д.Флиттнер: «настроение, которое я больше всего люблю. В душе точно распахиваются створки двери навстречу каким-то неуловимым флюидам: смотрю на огромные фолианты в свиной коже, на неуклюже торжественный четкий шрифт первопечатных изданий

³⁶⁶ Белозерская Н.А. Автобиография. С.935.

³⁶⁷ История Российской национальной библиотеки. URL: http://nlr.ru/nlr_history/rooms/ostr/sob/ (дата обращения: 12.12.2020).

– Библии, Тита Ливия, железными цепями прикованные к пультам из темного дерева, удивительные миниатюры, рукописи с выпуклыми заглавными золотыми буквами... и охватывает меня чувство внутренней духовной связи с этим прошлым... Я чувствую так же, как и они, мои далекие предки»³⁶⁸ (в тексте воспоминаний Н.Д.Флиттнер особенно символичным кажется, что она посетила библиотеку под Рождество – поход в библиотеку и возможность остаться наедине с историческими источниками были для Н.Д., весьма религиозной протестантки, мистическим духовным опытом).

Первая преподавательница истории на Высших Бестужевских женских Е.Н.Щепкина также обучалась истории в Сорбонне, и надеялась найти для себя что-то новое во французских архивах. Библиотека в Париже поразила ее, во-первых, необычной обстановкой, а во-вторых, скоростью обслуживания, нетипичной для Публичной библиотеки: «новые удовольствия, великолепная обстановка, все кругом огромного зала обставлено пособиями классиков словарями и т.д. потонуть можно. От 10 до 4 времени довольно при скорой выдаче книг. Около 1 ч завтрак. Книги передаются на время на огромный стол выдач и берутся по возвращении обратно (...). Хорошо оказалось и в рукописном отделении, все выдавали чрезвычайно просто скоро с прекрасными приспособлениями, с пюпитром, с папочкой, нажимающей листы. Я брала переписку эмигрантов. Подавали огромные пухлые фолианты, с наклеенными по складке рядами писем и конвертов при них. Залы залиты светом, а солнце никому не мешает. Чудная обстановка. (...) Положишь - уйдешь, вернешься - возьмешь. На другое утро опять берешь свое»³⁶⁹. При этом младшая современница Е.Н.Щепкиной, замечательный Санкт-Петербургский медиевист О.А.Добиаш-Рожественская, напротив, в 1909 году отмечала плохую организацию парижских библиотек, которая «искупается их огромными особенно с точки зрения

³⁶⁸ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 106-107.

³⁶⁹ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 31-32 (об.).

медиевиста ценными богатствами»³⁷⁰. В целом, именно работа со старинными документами в эго-документах женщин-историков была для них отдушиной, главной ценностью исследовательской деятельности и способом психологической разгрузки: можно было уйти от неприглядной реальности. Архивы и библиотеки с начала XX века в представлении современников постепенно превращались в «женское» пространство: именно там развивалась «женская обслуживающая наука» и работали будущие специалисты в археографии, библиотековедении. Именитые историки, стараясь экономить время для исследований, нанимали женщин с гуманитарным образованием для копирования необходимых документов (так, например, появился знаменитый домашний архив древних документов медиевиста С.Б.Веселовского)³⁷¹.

Если работа в библиотеках и архивах была, как правило, индивидуальной и весьма приятной, то становясь преподавателями в высших учебных заведениях, женщины-историки испытывали весь спектр проблем, связанных с вхождением в научные коллективы и взаимодействием с коллегами. Первой проблемой для новых преподавательниц стали даже не сложности в преподавании, а дополнительные обязанности. Сами мужчины, как правило, ограничивались преподаванием и выполнением административной работы в должности декана или заведующего кафедрой. При этом женщины, преподававшие на курсах, до 1911 постоянно находились под угрозой запрета их профессиональной деятельности Министерством народного просвещения³⁷². Для того чтобы обезопасить их от вероятного увольнения, мужчины-руководители нагружали их дополнительными обязанностями: заведованием семинарскими библиотеками,

³⁷⁰ Добиаш-Рождественская О.А. Отчет о командировке в Париж в 1908-1909 // ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 254. Д. 18. Л. 1.

³⁷¹ Павленко Н.И. Воспоминания историка. С.118-119.

³⁷² Закон 19 декабря 1911 года и правила об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 31. 1911. №36226. Санкт-Петербург, 1914. С.1296-1300.

музеями, ассистированием преподавателям-мужчинам³⁷³. Женщины-историки принимали эти обязанности без восторга. Е.Н.Щепкина писала о своих первых днях в роли преподавательницы курсов: «Я для порядка перед министерской администрацией тоже должна играть роль ассистентки по всем отделам истории: помогать составлять лекции, как просил профессор древней истории, а ведь для этого нужно посещать сами лекции и целые дни сидеть на курсах»³⁷⁴. «Один раз профессор древней истории просил меня помочь его слушательницам составить его лекции. Я кое-как выверчивалась, незнакомя с самим курсом. Слушательницы довольно бойкие стремились только сокращать. Больше таких совещаний не возобновлялось»³⁷⁵.

Женщинам-исследовательницам тяжело давалось вхождение в неформальные корпоративные круги историков: с одной стороны, им претило отношение коллег, как к женщинам (например, Е.Н.Щепкина обвиняла К.Н.Бестужева-Рюмина в том, что у него «всегда излишняя любезность к курсисткам, как к дамам»³⁷⁶, а В.И.Герье, напротив хвалила за то, что с ним «было так приятно чувствовать себя не дамой, а деловым человеком»³⁷⁷), с другой стороны, наладить простые дружеские отношения с коллегами-мужчинами удавалось лишь немногим (например, египтолог Н.Д.Флиттнер, которая так передавала слова знакомой о себе самой: «Странный вы человек, в вас совсем нет женской слабости... вы как-то чересчур много знаете. Вот вы сами говорили, что в мужском обществе вы обычно забываете, что вы женщина, вы им равны по образованию вы их понимаете, и знаете, как мужчина, как товарищ, честолюбивы вы или нет?»³⁷⁸ Сестра Натальи Давыдовны, Кика выражала ту же мысль проще: «Наташа, собственно говоря, тоже мужчина»³⁷⁹). Гораздо более близкой и понятной для

³⁷³ Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // Центральный государственный исторический архив. Ф.113. Оп.5. Д.16.

³⁷⁴ Щепкина Е.Н. Бестужевские курсы // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 58.

³⁷⁵ Там же. Л. 59.

³⁷⁶ Там же. Л. 59.

³⁷⁷ Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 114.

³⁷⁸ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

³⁷⁹ Там же. Л. 3.

женщин в академической среде была модель отношений с коллегами «учитель-ученица», а горизонтальные дружеские связи практически не развивались. Зато благодаря этому женщины-историки зачастую оставались в стороне от личных конфликтов, разделявших преподавательскую среду на отдельные группы³⁸⁰ (в случае конфликта, исследовательницы, как правило, сохраняли верность своим учителям, давшим им путь в профессию, но в открытую конфронтацию с коллегами практически не вступали)³⁸¹.

Единственный в истории дореволюционной России случай, когда женщина заняла почетный высокий пост в исторической науке (Прасковья Сергеевна Уварова после смерти мужа заняла его пост председателя Московского археологического общества) воспринимался ее коллегами-мужчинами критически (возможно, это было связано и с особенностями характера знатной дамы). Примечательно, что в 1885 году сами археологи выбрали П.С.Уварову председателем Московского Археологического общества, чтобы возложить на нее «всю обузу его деятельности, его дальнейшего преуспеяния»³⁸². Историк археологии А.А.Формозов, в целом положительно оценивая деятельность П.С.Уваровой на посту председателя МАО, отмечал, что этот выбор не был связан с ее профессиональными качествами как археолога: «дилетантизм ее особенно бросается в глаза»³⁸³. По его мнению, Уварову выбрали, т.к. необходимо было избрать богатого и влиятельного человека со связями при дворе и весом в Москве³⁸⁴. Сама П.С.Уварова в мемуарах объясняла свое избрание иначе: она считала, что члены общества поступили так, в первую очередь, боясь

³⁸⁰ Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А. С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX-XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. №4. С.105-121.

³⁸¹ Семенова О.И. Научная повседневность первых русских женщин-историков в пореформенный период // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 02–04 апреля 2020 года. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 137-142.

³⁸² Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания Прасковьи Сергеевны Уваровой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С.132.

³⁸³ Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // Российская археология. 1993. № 3. С. 228-245. С.242.

³⁸⁴ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. С.242.

ответственности за возможные неудачи в деятельности организации и надеясь возложить вину за неудачи на «слабую, неспособную женщину»³⁸⁵. При этом П.С.Уварова была знакома с техникой подготовки съездов и выставок, имела налаженные связи с провинциальными исследователями, и, главное, мечтала продолжить дело мужа, поэтому не отказалась. Уже при самостоятельной подготовке первого съезда, проходившего в Ярославле, П.С.Уварова встретила с молчаливым сопротивлением ученых – местное духовенство и интеллигенция не перечили ей, но и никаких просьб не выполняли³⁸⁶. Профессиональное сообщество с трудом воспринимало графиню как руководителя (причиной тому, впрочем, были не только гендерные предубеждения, но и особенности характера дамы). Историк А.Е.Пресняков писал о ее стиле руководства съездом 1896 года: «Ведь, право, в этих съездах мало дельного, а поведение графини Уваровой создает ряд неуместных и пренеприятных инцидентов. Удивительно бестактная дама»³⁸⁷. А.Е.Пресняков объяснял эти многочисленные конфликты личной неприязнью графини Уваровой, в частности, к С.Ф.Платонову (главе Петербургского археографического общества) и к талантливому археологу А.А.Спицыну³⁸⁸, который сначала при поддержке МАО вел раскопки на территории Вятского края, а позднее активно работал в Отделении русской и славянской археологии Русского археологического общества³⁸⁹. Это подтверждают и мемуары самой графини Уваровой: она обвиняла археографов в том, что для них характерна «малая истинная любовь к России и ее истории и неумение работать в архивах с целью истинно поработать на пользу родине»³⁹⁰. Эта неприязнь графини к петербургским коллегам была вполне открытой: за обедом археологов и на публичном заседании во время съезда МАО в 1896 году она крайне резко отзывалась об археологе Спицыне (по мнению возмущенного

³⁸⁵ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. С.132.

³⁸⁶ Там же. С.133.

³⁸⁷ Александр Евгеньевич Пресняков: письма и дневники, 1889—1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С.222.

³⁸⁸ Там же. С.367-368.

³⁸⁹ Жебелёв С.А. Археолог-энтузиаст. (Памяти Спицына) // Советская археология. М.: Издательство Академии наук СССР, 1948. № 10. С. 9—11. С.9.

³⁹⁰ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. С.145.

А.Е.Преснякова «казалось бы, ей по ее положению следовало бы быть воспитанной, а она умеет держать себя не лучше любого семинариста»³⁹¹). Сама П.С.Уварова в свою очередь утверждала, что петербургские историки позавидовали успехам Московского археологического общества в организации съездов и избранию Уваровой почетным членом Кенигсбергского университета, но «попортить дело явно было невозможно, и потому взялись за сплетни и доносы, и до его величества стали доходить сведения, что съезды потому только удаются, что я мироволлю полякам и немцам, и что продолжать подобную игру не следует разрешать как опасную для блага и чести России»³⁹². Еще об одном конфликте между археологическими сообществами Москвы и Петрограда свидетельствовала Н.Н.Шамонина (Платонова): в 1916 году новгородская общественность была испугана тем, что строительство железной дороги Петроград – Орел может навредить расположенной рядом Церкви Спаса на Нередице, обратились за помощью к Археологической комиссии, но ответа от нее не получили и тогда уже написали графине Уваровой. Н.Н.Шамонина передала, как П.С.Уварова отчитывала новгородского археолога И.В.Аничкова: «Вы виноваты: зачем Вы обратились к Арх[еологической] ком[иссии]? Разве Вы не знаете, что это за люди? Сказали бы мне, я бы вступилась»³⁹³. Примечательно, что П.С.Уваровой и правда удалось помочь новгородцам: она написала Министру путей сообщения А.Ф.Трепову, добилась посещения Великого Новгорода товарищем министра И.Н.Борисовым. В результате, строительство железнодорожной магистрали прошло в отдалении от старинного собора³⁹⁴. Данный исторический казус демонстрирует, что снисходительное и, в целом, доброжелательное отношение к женщинам-младшим коллегам, исчезало во время деловых контактов с дамой, облеченной более высокими полномочиями, и приводило к коммуникативным трудностям.

---

³⁹¹ Александр Евгеньевич Пресняков: письма и дневники, 1889—1927. С. 368.

³⁹² Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. С.174.

³⁹³ Платонова Н.Н. Дневник (1889-1921). Рязань, 2020. С.265.

³⁹⁴ Там же. С.693.

Даже после революции 1917 года женщины-преподавательницы привлекали внимание учащихся из-за необычности своего положения, при этом, даже в глазах других женщин, требования были к ним крайне высоки. В своих воспоминаниях об учебе на истфаке МГУ в 1930-е медиевист Е.В.Гутнова упрекает М.В.Нечкину в том, что та читала лекции «несколько по-дамски»³⁹⁵, а Ф.А.Коган-Бернштейн в том, что «в ее же занятиях историей присутствовало что-то дилетантское, от дамского развлечения»³⁹⁶. В целом, Е.В.Гутнова указывает на то, насколько необычным виделось студентам 1930-х гг. положение дам-преподавательниц: так, по ее словам, над медиевисткой В.В.Стоклицкой-Терешкович иронизировали и студенты, и коллеги за то, «что в отличие от остальных членов кафедры, она вела себя несколько амбициозно и претенциозно, как будто все время стремилась доказать, что не хуже других (может быть, оттого, что оставалась единственной женщиной-преподавателем на кафедре), всегда на всех обижалась, выясняла отношения»³⁹⁷.

Трансформация внешнего облика ученых дам: вестиментарные стратегии. Одним из способов репрезентации себя, как серьезной ученой дамы, был выбор одежды для лекций и научных занятий. А.П.Вознесенская, впервые поставившая проблему вестиментарных характеристик российских женщин-ученых, на основе коллективных фотографий курсисток разных лет делала вывод, что все они были одеты примерно одинаково – в «строгие платья темного цвета с отложными или стоячими воротничками»³⁹⁸, имели строгие прически. Историк повседневности Н.Б.Лебина даже делает смелое заключение, что «в российском обществе начала формироваться настоящая популяция общностей одного вида», а дамы, занимающиеся науками, обладали «едиными отличительными особенностями внешнего облика – одежда и прическа а-ля курсистка с картины

³⁹⁵ Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. С.129.

³⁹⁶ Там же. С.149.

³⁹⁷ Там же. С.147-148.

³⁹⁸ Вознесенская А.П. Образ женщины-нигилистки как отражение смены ценностной парадигмы в культуре России XIX в. // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 2. С.153-156. С.156.

Н.А.Ярошенко»³⁹⁹. Автодокументальные свидетельства первого поколения женщин-историков показывают, скорее, обратное: многие исследовательницы дореволюционной эпохи, более успешные в науке, чем в политической активности, вовсе не стремились к «нигилистическому стилю» в одежде, а напротив, старались одеваться в соответствии с дворянской повседневной модой, при этом пытаясь не выделяться из общей массы. Сразу несколько мемуаристок писали о разнообразии вестиментарных стратегий молодых ученых дам: «Среди курсисток много подстриженных, мелькали блузки-косоворотки, упрощенные небрежные костюмы, и наряду с ними грубоватые упрощенные манеры обращения, подчеркивавшие пренебрежительное отношение к чистеньким барышням, одетым по моде»⁴⁰⁰ - отмечала Е.Н.Щепкина, сама одевавшаяся строго, но любившая украшать свой костюм бантом («изящным изделием моей матери»⁴⁰¹). Посмеивалась и над модницами, и над нигилистками Н.Д.Флиттнер: «На первой скамейке прямо против кафедры расположилась необычайно изящная девица. Светлые волосы завиты, взбиты и торчат моднейшим грэком, шелковое платье изящнейшего фасона отлично сидит на затянутой стройной фигуре ее, на тонкой длинной цепочке висит черепаховый лорнет. Девица иногда со скучающим видом заносит то или другое в свою тетрадку, чаще же всего внимание ее бывает сосредоточено целиком на лощенных ногтях ее холеных рук и бесчисленных кольцах, унизывающих ее пальцы. Девица то полирует свои ногти, то протирает кольца, то небрежно откидывается на спинку своей скамьи, чтобы полюбоваться издали достигнутым эффектом.

А у стены... маячит др[угая] фигура: волосы коротко обрезаны, темная косоворотка подпоясана ремешком, из-под короткой юбки торчат порыжелые высокие сапоги. Девица тоже? Судя по юбке... особа женского пола, судя по всему ост[альному] обличью имеет больше отношения к полу мужскому. Стоит

³⁹⁹ Лебина Н. Униформа для морской свинки. Вестиментарные характеристики советской женщины-ученого: документальное и личное // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. № 57. С. 175-201. С.180.

⁴⁰⁰ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 9.

⁴⁰¹ Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 116.

это странное мужеподобное существо, прислонившись к стенке, скрестив на груди руки. Выходим из аудитории. Могучка запускает руку в карман своих штанов – не юбкой же назвать эту часть одежды - и, вытащив объемистый портсигар, втыкает себе в зубы толстую папиросу и нарочито большими шагами направляется в широкий светлый коридор рядом с залой»⁴⁰². Сама Н.Д.Флиттнер во время учебы на курсах выбирала иную вестиментарную стратегию: создание образа ученой-историка через обращение к старинной моде. Своеобразие костюма самой Н.Д. заключалась в особом «средневековом покрое» – черном бархатном лифе платья, зашнурованном спереди поверх огненно-красной рубашки с красными буфами на локтях и плечах (некоторые курсистки над таким нарядом посмеивались, называя Н.Д. «не то Гретхен, не то Мефистофель»⁴⁰³). Впрочем, эксперименты с одеждой для историка закончились с поступлением на работу в женское коммерческое училище, где для преподавателей существовал определенный дресс-код. Со временем Н.Д.Флиттнер предпочитала не тратить на одежду, откладывая деньги на научные занятия (это заметно по тому, какую одежду она брала с собой на учебу в Берлин – «Возиться с костюмами мне не придется, для ежедневной работы у меня есть черный костюм, пара светлых кофточек к нему, светлое платье многократно уже стираное, на случай большой жары летом, а для парада (...) На этот случай мне послужит зеленое муслиновое платье, которое мастерится мне к Кикиной свадьбе»⁴⁰⁴). Мать Н.Д.Флиттнер помогала взрослой дочери, равнодушной к внешнему виду, в сборах в поездку: «Наташа, ты чулки себе отобрала: белье сложила? Что, ты в Берлине собираешься сморкаться в руку-то? Носовых платков себе не положила: Где ты будешь свои капиталы держать?»⁴⁰⁵. Постепенно выработались несколько вестиментарных стратегий женщин-историков: одни продолжали следовать моде, активно пользоваться косметикой, вторые демонстративно мало следили за собственным внешним видом, третьи стремились подчеркнуть в одежде именно свои занятия

⁴⁰² Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 170-170(об.).

⁴⁰³ Там же. Л. 187-188.

⁴⁰⁴ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 283-284.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 315.

историей – использовали старинные фасоны, необычные ткани, давно вышедшие из моды, но красивые прически. Н.С.Штакельберг вспоминала о внешнем виде женщин из кружка молодых историков в начале 1920-х гг.: «Дамы приходили в нарядных платьях и прическах. У всех, за исключением М.А.Островской, которая в силу особенностей, ей присущих, ходила в костюме времен военного коммунизма и «мальчиковых» нечищенных ботинках, появились туфли, хоть и не бальные, но такие, в которых можно было танцевать: пришел нэп, и купить можно было все, что угодно; появилось снабжение костюмами и другими вещами через Дом Ученых»⁴⁰⁶. Хотя с начала 1930-х гг. формируется единый дресс-код для женщин, принадлежавших к академической среде⁴⁰⁷, женщины-историки одевались достаточно разнообразно, стремясь через внешний облик выразить и свое отношение к профессии. Так вспоминала о нарядах своих преподавательниц-медиевисток Е.В.Гутнова: В.С.Сарокеева «выглядела очень импозантно и красиво, хотя и несовременно. Всегда в длинном черном платье с белой вставочкой и черным бантиком у ворота, с седыми, красиво уложенными волосами и прической»⁴⁰⁸, В.В.Стоклицкая-Терешкович – «она, еще не старая женщина, лет сорока-пятидесяти, выглядела старше и всегда была как-то нелепо одета»⁴⁰⁹, Ф.А.Коган-Бернштейн «очень хорошо одевалась, не избегала косметики, была открыто кокетлива, хотя и на свой, несколько затаенный лад»⁴¹⁰. Таким образом, в зависимости от материальных возможностей и собственных вкусов, женщины-историки стремились выразить через одежду свои представления о том, как должна выглядеть женщина, занимающаяся наукой, но далеко не все они были абсолютно индифферентны к своему внешнему виду. Представления же о том, что все исследовательницы до Великой российской

⁴⁰⁶ Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In *memoiam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка*. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. 450 с. С.19-85. С.37-38.

⁴⁰⁷ Лебина Н. Униформа для морской свинки. Вестиментарные характеристики советской женщины-ученого: документальное и личное // *Теория моды: одежда, тело, культура*. 2020. № 57. С. 175-201. С.186.

⁴⁰⁸ Гутнова Е.В. *Пережитое*. М.: РОССПЭН, 2001. С.150.

⁴⁰⁹ Там же. С.147.

⁴¹⁰ Там же. С.149.

революции 1917 года выглядели, как курсистка на портрете Н.А.Ярошенко, являются, скорее, стереотипом, возникшим еще среди современников первых женщин-историков, представлявших всех без исключения ученых дам «синими чулками».

Таким образом, анализ многообразия повседневных профессиональных практик представительниц первых трех поколений женщин-историков дает возможность сделать следующие выводы. Во-первых, главным местом, в котором проходила адаптация первых российских женщин-историков к нормам академического сообщества, были архивы и библиотеки: их привлекала комфортная обстановка для занятий, радость от познания исторических процессов в литературе и документах, возможность найти коллег по интересам. В 1920-е гг. архивы и библиотеки стали убежищем для изгнанных из высших учебных заведений исследовательниц. Высшие учебные заведения были гораздо менее комфортны – необходимость принимать на себя дополнительные обязанности и административную нагрузку, с одной стороны, могли обезопасить женщин-историков от увольнения, с другой стороны, отнимали у них много времени, которое они могли бы потратить на исследования. Сложность маргинального положения женщин-историков в преподавательском составе состояла еще и в том, что горизонтальные дружеские и рабочие связи практически не развивались, женщины, в основном, общались со своими наставниками, а редкие случаи карьерного роста женщин зачастую вызывали негативную реакцию их коллег. Важным аспектом адаптации к нормам академического сообщества также была репрезентация себя как ученой женщины через выбор одежды. И если часть женщин-историков боялась превращения в «синий чулок», то некоторые из них сознательно отказывались следовать моде, демонстрируя отказом от нарядов преданное служение науке. Лишь начиная с 1930-х гг. формируется единый дресс-код научных работниц, в который изобретательные исследовательницы вносили изменения, стремясь через внешний облик выразить свое отношение к статусу женщины в науке.

§ 3. Академическое наставничество в профессиональной повседневности женщин-историков

Даже получив домашнее образование или пройдя обучение на Высших женских курсах, первые российские женщины-историки столкнулись с серьезным недостатком фундаментальных знаний предмета и методик научных исследований. Взаимоотношения с научными руководителями первых русских женщин-историков не были ранее предметом специального исследования, хотя их эго-документы (дневники, воспоминания, письма) передают массу подробностей того, как явление наставничества, традиционного для профессорской культуры Российской империи, трансформировалось с приходом женщин в академическую среду.

Особенности личных взаимоотношений представителей различных научных школ в Санкт-Петербурге были подробно исследованы Е.А.Ростовцевым⁴¹¹ и А.В.Свешниковым⁴¹², тем не менее, вопросы статуса женщин в рамках этих академического сообщества ими не поднимались. Впервые проблема сложностей, с которыми сталкивались женщины-историки в Российской империи, была поставлена Н.Л.Пушкаревой⁴¹³. О.Б.Вахромеева⁴¹⁴ анализировала взаимоотношения учениц и их преподавателей, но лишь в рамках обучения на Санкт-Петербургских Высших женских курсах. В этом параграфе предполагается рассмотреть феномен наставничества в академической повседневности первых русских женщин-историков: способы, с помощью которых они учились методологии исследовательской работы, как происходил выбор научного

⁴¹¹ Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. №3 (68). С. 29-43; Дворниченко А. Ю., Ростовцев Е. А., Баринков Д. А. Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т.64. Вып.1. С.24-52.

⁴¹² Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. №96. 2009. С. 42 – 72; Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010.

⁴¹³ Пушкарева Н.Л. Женщины-историки в России 1810-1917 гг // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №1 (18). С. 228-245.

⁴¹⁴ Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878-1918). М.: Политическая энциклопедия, 2018.

руководителя, чем научное руководство первыми женщинами в академической среде отличалось от руководства в университетском сообществе, куда долгое время был закрыт доступ женщинам.

По свидетельствам очевидиц, изначально обучение на Высших женских курсах не предполагало обучения девушек исследовательской работе (это соответствовало основным целям курсов — повышению квалификации женщин, работавших в сфере среднего образования). Подразумевалось, что в отличие от университетских программ обучения истории, женщины не нуждаются в практических занятиях (просеминариях), им достаточно прослушать лекционный курс. Тем не менее, впервые на Московских высших женских курсах их создатель, историк В.И.Герье провел эксперимент, в ходе которого курсистки самостоятельно искали информацию и готовили выступление на просеминарии — при этом лишь немногие курсистки добровольно соглашались выступать перед однокурсницами с докладом или задавать вопросы выступающим. В.И.Герье настаивал, чтобы курсистки устно излагали свою работу, а не читали по записям⁴¹⁵. Подобные просеминарии устраивались 2 раза в месяц на курсах или вечером на дому у самого Герье. Тем не менее, долгое время другие профессора на Московских и Петербургских Высших женских курсах ограничивались только чтением лекций, не считая исследовательскую работу необходимой для женщин (хотя предполагалось, что выпускницы Бестужевских курсов должны были сдать итоговое сочинение, К.Н.Бестужев-Рюмин ограничивался лишь предложением разнообразных тем для работы)⁴¹⁶.

В итоге, женщины были вынуждены осваивать приемы исследовательской работы самостоятельно. Многие ученые дамы начинали научную деятельность с переводов — так они могли не только познакомиться с новинками современной зарубежной научной литературы, но и получить оплачиваемую литературную работу⁴¹⁷. Первая преподавательница истории на Высших женских курсах

⁴¹⁵ Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 123.

⁴¹⁶ Щепкина Е.Н. Бестужевские курсы // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

⁴¹⁷ Белозерская Н.А. Автобиография // Исторический вестник. Июнь 1913 г. Т.132. С.925-937. С.933.

Е.Н.Щепкина писала, что для того, чтобы «изучить механизм исторической работы»⁴¹⁸, она брала в библиотеке диссертационное исследование В.И.Семевского о крестьянах в эпоху Екатерины II⁴¹⁹, источники, по которым оно было написано, и работы, на которые он ссылался, и сравнивала, учась у автора анализировать первичный материал и на его основании делать выводы по изучаемой теме. Е.Н.Щепкина в воспоминаниях жаловалась о нехватке научного руководства: находясь в маргинальном положении одной из первых женщин-профессиональных историков в России, она чувствовала, что ей не к кому обратиться за консультацией (К.Н.Бестужев-Рюмин, по ее мнению, «до смешного не умел учить»), общение с непосредственным начальником С.Ф.Платоновым не сложилось, а В.И.Герье, единственный, дававший ей советы (Е.Н.Щепкина называла их «тычки»), находился в это время в Москве). Фактически, из первого поколения русских женщин-историков, только Н.А.Белозерская могла гордиться долгой и плодотворной работой с научным руководителем: будучи секретарем Н.И.Костомарова, она, по собственному признанию, научилась «пользоваться материалом» и иным основам исторического исследования⁴²⁰. Остальные женщины-историки 1860-1880-х гг., остались талантливыми самоучками: их научные труды публиковались эпизодически, с большими трудностями, а профессиональное сообщество не замечало.

Институционализация права женщин на высшее образование в формате Высших женских курсов в разных городах привело к увеличению количества курсисток, заинтересованных в продолжении научной карьеры и после обучения. Впервые массово заниматься научно-исследовательской работой с курсистками и девушками, «оставленными при курсах для усовершенствования в изучении истории»⁴²¹ начал на Санкт-Петербургских Высших женских курсах замечательный медиевист И.М.Гревс: благодаря ему в начале XX века в Санкт-

⁴¹⁸ Щепкина Е.Н. Бестужевские курсы // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

⁴¹⁹ Семевский В.И. Крепостные крестьяне при Екатерине II, 1762-1796 // Русская старина. Том XVII. 1876. Выпуски 9-12. С.652-690.

⁴²⁰ Белозерская Н.А. Автобиография. С.933.

⁴²¹ Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 2.

Петербурге появилась целая плеяда ученых-медиевисток (О.А.Добиаш-Рожественская, И.И.Любименко, Е.Ч.Скржинская были ученицами Гревса). Еще одним историком, с удовольствием помогавшим молодым женщинам-ученым, был египтолог Б.А.Тураев (учитель Н.Д.Флиттнер и Т.Н.Бороздиной-Козьминой). С.Ф.Платонов помог М.А.Островской подготовиться к защите магистерской диссертации в 1916 году (и, хотя М.А.Островская стала первой женщиной, получившей ученую степень по истории в России, а не за границей, ее научный руководитель некоторое время протестовал против ее трудоустройства на Высшие женские курсы, хотя сама Островская была готова преподавать бесплатно)⁴²². В целом, можно отметить, что все историки, основавшие значимые научные школы, работавшие одновременно и в университете, и на курсах, не делали различий между курсистками и студентами университетов – и те, и другие могли в одинаковой мере рассчитывать на внимание научного руководителя. Небольшое количество женщин, профессионально занимавшихся историей, в конце XIX – начале XX века было связано, скорее, с внутренними причинами, побуждавшими даже самых успешных из них отказаться от научной карьеры (например, невозможность совмещать брак и воспитание детей с наукой или необходимость зарабатывать на жизнь – после окончания курсов проще было получать достойную зарплату в качестве гимназической учительницы, чем продолжать научные занятия, не гарантировавшие доход). Наиболее распространенным форматом для академического наставничества и углубленного занятия предметом были научные кружки: несколько наиболее заинтересованных курсисток приглашались к профессорам домой (достаточно тесные помещения и плотное расписание Высших женских курсов не позволяли собираться в стенах учебного заведения). Для профессоров подобная работа была не оплачиваемой, но, тем не менее, являлась важной составляющей их статуса в исторической науке. В ходе занятий вместе ученики обоих полов (как правило, не делалось различий между студентами, курсистками и «оставленными для приготовления к профессорскому

---

⁴²² Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 91.

званию») разбирали и переводили исторические источники, дискутировали, обсуждали методологические проблемы. И.М.Дьяконов вспоминал рассказ Н.Д.Флиттнер о том, как она вместе с коллегами носила на эти занятия к Б.А.Тураеву из университетской библиотеки огромные фолианты с изданными иероглифическими текстами⁴²³. Сама Н.Д.Флиттнер в своих воспоминаниях сожалела о недостаточно товарищеской атмосфере среди участников египтологического кружка, в котором она состояла⁴²⁴: ученики Б.А.Тураева видели друг в друге конкурентов за внимание профессора, тем не менее, в этом кружке сформировалась целая плеяда замечательных российских египтологов.

Иногда отношения учителей и учениц выходили за грань профессиональных. Местом, где, в первую очередь, формировался эмоциональный круг привязанностей русских женщин-историков второго поколения, безусловно, были Высшие женские курсы. Соединение в одной структуре типичных практик мужских университетов и привычек и ценностей курсисток, вынесенных ими из женских средних учебных заведений, приводили к формированию необычной атмосферы. Так, из женских институтов и гимназий на Высшие женские курсы проникло «обожание» - феномен влечения девочек в закрытых/ полузакрытых учебных заведениях к своим ровесницам и преподавателям⁴²⁵. Сразу несколько женщин-историков в своих эго-документах негативно комментировали практики «обожания», бытовавшие на ВЖК как наследие институтской и гимназической культуры (в данном случае можно возразить Н.А.Мицюк, считавшей отношение общества к проявлениям «обожания» вполне спокойным)⁴²⁶. С «поклонницами» в среде курсисток и собственных учениц сталкивались Е.Н.Щепкина и Н.Д.Флиттнер. Еще во время обучения Е.Н.Щепкина обратила внимание на несколько особенно ярких групп, обожавших того или иного преподавателя:

⁴²³ Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1995. С. 417.

⁴²⁴ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 84 (об.).

⁴²⁵ Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С.225.

⁴²⁶ Там же. С.236.

«Выделялись главным образом две группы: большая числом поклонниц Бестужева и меньшая Веселовского... поклонницы были глупо-комичны и только вредили авторитету преподавателя»⁴²⁷. Не менее жестко о поклонницах преподавателей отзывалась Н.Д.Флиттнер: «Вот зачем эти умные женщины так подчеркнуто выделяют себя и среды остальных, зачем они держатся такой... почетной гвардией, что ли, при Введенском?»⁴²⁸ (речь шла о преподавателе курсов философии А.И.Введенском), «наши умницы ...готовы были бы усесться такой же почетной гвардией у ног Ростовцева, если бы не высокая очень нарядная девица, про которую говорят, что она его невеста или собирается стать таковой»⁴²⁹ (в перерывах между занятиями М.И.Ростовцев и его будущая супруга, бывшая ученица С.М.Кульчицкая демонстративно проходились по коридору на глазах остальных курсисток). Е.Н.Щепкина, став первой женщиной-преподавателем на курсах, сразу же сама обзавелась поклонницами. Мотивы у последних были разные: кто-то подходил с серьезными вопросами и беседами о русской истории, одна из курсисток «в сущности, не интересовалась историей и просто стремилась побеседовать с интересными людьми, включая и меня в их число»⁴³⁰, еще две курсистки «изъявляли мне свои чувства немного на манер институток, ничем серьезно не интересуясь»⁴³¹. В целом, сама Екатерина Николаевна держала себя с ученицами весьма отстраненно, на их приглашения отвечала отказом, к себе домой не звала. Подобную же стратегию использовала Н.Д.Флиттнер, она из ее знакомых говорила: «Вы со всеми одинаковы, вы умеете дать каждому не мало и не много... вы умеете удовлетворить каждого, а вам самой все равно с кем быть... вы ровно относитесь ко всем»⁴³². И даже несмотря на такое сдержанное поведение, Н.Д.Флиттнер не посчастливилось испытать на себе «обожание» одной из учениц коммерческого училища, где она работала: «далеко не всегда нравились мне эти попытки интимных разговоров,

⁴²⁷ Щепкина Е.Н. Бестужевские курсы // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 10 (об.).

⁴²⁸ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 170 (об.)

⁴²⁹ Там же. Л. 213.

⁴³⁰ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и граница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 59.

⁴³¹ Там же. Л. 59.

⁴³² Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

секретничанье и т.под. Чем-то нездоровым, разыгрыванием в лицах вульгарных копеечных романов отдавало часто вошедшее в моду «обожание», одной из жертв которого сделалась в этом году и я.

-Ах, я обожаю вас! Я влюблена в вас, как в мужчину!» повторяет мне неглупая и способная девочка-подросток, многократно попадавшаяся на школьных грехах»⁴³³. Особенно раздражали Н.Д.Флиттнер взрослые, поощрявшие нездоровое, на ее взгляд, поведение: директор, просивший отдельно уделять внимание проблемной девочке, и мать ребенка, с которой преподавательница познакомилась на одной из вечеринок в коммерческом училище. Репрезентация себя в эго-документах как неэмоциональных, суровых женщин, увлеченных только наукой, отражалась и на негативном отношении успешных женщин-историков к подобным проявлениям близости между учениками и преподавателями.

Дружелюбная атмосфера взаимодействия преподавателей и их учениц, царившая на Высших женских курсах, нередко выходила за рамки профессиональных отношений: так, на ученице женился историк античности М.И.Ростовцев⁴³⁴, близкие отношения связывали медиевиста и философа Л.П.Карсавина и Е.Ч.Скржинскую⁴³⁵, также познакомившихся в ходе научного руководства. Но наиболее скандальным по отношению к женщинам-историкам было поведение преподавателя и научного руководителя многих из них, знаменитого антиковеда Ф.Ф.Зелинского. На Высших женских курсах он был окружен поклонницами, некоторые из них состояли в созданной при его участии любительской студии античного танца «Гептахор»⁴³⁶ (так, участницы группы, сестры Ильза и Камилла Тревер долгие годы успешно совмещали творческую и научную деятельность, археологией и древней историей увлекались и другие

⁴³³ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 48.

⁴³⁴ Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. М.: Худож. лит., 1960. С. 119.

⁴³⁵ Скржинская М. «И тогда я прочла Карсавину стихи». URL: <http://russophile.ru/2016/10/08/марина-скржинская-и-тогда-я-прочла-ка/> (дата обращения: 19.01.2021).

⁴³⁶ Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. Стефанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения «Гептахор» в документах Центрального московского архива-музея личных собраний. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2007.

участницы студии). Многие ученицы Ф.Ф.Зелинского предостерегали своих более молодых коллег о том, чтобы те отказывались от посещения домашних семинаров этого профессора⁴³⁷, что для других профессоров было обычной практикой, вполне безопасной, по мнению молодых ученых дам. Историк Н.П.Анциферов, близко знакомый и с самим Ф.Ф.Зелинским, и с многими его ученицами, в своих воспоминаниях приводит цитату из неопубликованного дневника историка литературы Е.П.Казанович за 1912-1913 г.: «От времени до времени наиболее усердные из семинаристок Зелинского получают как бы «частную командировку за границу» (<...), попросту говоря—скрываются на известное время под героическое небо Греции или Италии для того, чтобы там произвести на свет плод усиленных занятий в семинариях профессора-антика»⁴³⁸. Подтверждалось современниками, что Ф.Ф.Зелинский имел внебрачных детей, как минимум, от троих своих учениц: В.В.Петуховой (преподавательница латыни на Бестужевских курсах), С.П.Червинской⁴³⁹ (вместе с Ф.Ф.Зелинским занималась переводами древних авторов), Л.Ф.Завалишиной⁴⁴⁰. Последний случай вызвал серьезные волнения среди его «поклонниц» на Высших женских курсах: некоторые из них попытались потребовать у профессора объяснений, после чего объявили ему бойкот (среди них была и египтолог К.В.Тревер). Сам Ф.Ф.Зелинский вынужден был публично оправдываться перед курсистками и ученицами, тем не менее, раскаяния не показал: во время публичной «оправдательной» лекции он заявил, что, по его мнению, «Женская верность — отрицательная. Ибо женщина, для того чтобы быть верной, должна отречься от всех соблазнов иной любви. Верность мужская — положительная, ибо мужчина способен быть верным одновременно многим женщинам, не отказываясь от многочисленных воплощений своего

⁴³⁷ Левис М.М. "Мы жили в эпоху необычайную...". М.: [б. и.]; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 113-114.

⁴³⁸ Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992. С.158-159.

⁴³⁹ Лукьянченко О.А. Вертикаль жизни (наброски к биографии Ф. Ф. Зелинского) // Римская Республика. СПб., 2002. С. 5—22. С.15.

⁴⁴⁰ Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. С.158-159.

Эроса»⁴⁴¹. Необходимо отметить, что подобное блестящее объяснение в ходе лекции с характерным для профессора ораторским даром вполне удовлетворило общественность. Ни одна из учениц Ф.Ф.Зелинского не стремилась публично обвинить его в неподобающем поведении, также он не встречал препятствий со стороны академического сообщества (жена С.Ф.Платонова Н.Н.Шамонина знала, что Зелинский «имеет детей от многих своих учениц, подкупленных его высокими словами о науке, античности, эллинизме» и с горечью писала в дневниках о том, что другие профессора «не гнушаются общения и даже дружбы» с «такими мерзавцами»⁴⁴²). История домогательств к ученицам научного руководителя особенно примечательна в сравнении: в 1916 году в США 22 студентки, преподавательницы и работницы Колледжа Колорадо дали письменные показания, обвиняющие президента колледжа Уильяма Слокама в понуждении к действиям сексуального характера, в результате разбирательств Слокам был вынужден покинуть пост президента колледжа (несмотря на то, что он проделал огромную работу для развития инфраструктуры учебного заведения и реформирования образования)⁴⁴³. В описанном выше случае на Бестужевских курсах женщины-историки, стремившиеся в науку, либо были очарованы обаянием учителя, либо предпочитали не замечать и не реагировать публично на нарушение этических норм со стороны уважаемого человека в академическом сообществе. При этом необходимо отметить, что курсистки были готовы устроить преподавателям бойкот за публичную демонстрацию «реакционных» политических взглядов (бывали даже случаи так называемой «химической обструкции» - когда у естественниц ученицы историко-филологического отделения брали реактивы, и распыляли их перед лекциями нелюбимых преподавателей, чтобы сорвать занятие⁴⁴⁴).

Бывали ли сами женщины-историки сами наставниками молодых коллег?

⁴⁴¹ Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. С.159.

⁴⁴² Платонова Н.Н. Дневник (1889-1921). Рязань: [б.и.], 2020. С.158.

⁴⁴³ Dunn J.P. Scandal on the Plains: William F. Slocum, Edward S. Parsons, and the Colorado College Controversies // Great Plains Quarterly. 2010. №30. P. 117–134.

⁴⁴⁴ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 176.

Е.Н.Щепкина, ставшая первым преподавателем на Высших женских курсах, писала о большом интересе к ней со стороны молодых курсисток как к первой «женщине на кафедре»: после лекций некоторые девушки подходили к ней побеседовать о русской истории, хотя некоторые из них гораздо больше интересовались личной жизнью преподавательницы (спрашивали, почему та не вышла замуж⁴⁴⁵). Курсистки часто бывали дома у этнографа А.Я.Ефименко⁴⁴⁶, но она была не научным руководителем, а, скорее, центром украинского землячества на курсах. Судя по эго-документам, к женщинам не обращались с просьбой о помощи в научной работе не столько из-за сомнений в их компетентности, сколько из-за понимания их маргинального положения в российской академической среде: даже самые успешные из них не могли бы помочь защитить диссертацию или опубликоваться в серьезном научном журнале. В итоге, первой женщиной-историком в России, которая, фактически, создала собственную научную школу - палеографии⁴⁴⁷, стала О.А.Добиаш-Рождественская. Самыми известными ее ученицами были А.Д.Люблинская и Е.Ч.Скржинская, впрочем, реализовать себя как научного руководителя она смогла уже в 1920-е гг. В тяжелые для историков 1930-е гг. О.А.Добиаш-Рождественская проявляла себя как достойный наставник: сохранились ее письма в поддержку самого талантливого, по ее мнению, ученика В.В.Бахтина⁴⁴⁸. Отношения между учителем и учеником сложились очень близкие: не имевшая детей О.А.Добиаш-Рождественская в одном из писем говорит о своем завещании, согласно которому все ее деньги должны были быть переданы В.В.Бахтину для командировки за границу, а все книги из библиотеки предполагалось распределить между ее учениками⁴⁴⁹. Поддержка именитой исследовательницы, к сожалению, В.В.Бахтину не помогла: талантливый

⁴⁴⁵ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 59.

⁴⁴⁶ Ясь О. Вступна стаття до розвідки О. Єфименко «Письма из хутора. Об украинской истории» (До 170-річчя О. Єфименко та 100-ліття першої публікації її допису) // Український історичний журнал. 2018. № 1. С. 174–179. С. 176.

⁴⁴⁷ Косминский Е.А. Изучение истории западного средневековья // Вестник АН СССР. 1945. № 10. С. 58.

⁴⁴⁸ Из переписки О.А.Добиаш-Рождественской 1920-х – 1930-х годов // Отечественная история. 1992, № 3. С. 101-117. С.110.

⁴⁴⁹ Там же. С.106.

представитель ленинградской школы палеографии был репрессирован и до конца жизни был лишен возможности заниматься наукой. В целом, репрессии в академической среде трансформировали устоявшиеся отношения учителей и учеников: после академического дела прекратили свое существование домашние научные кружки – стала преобладать индивидуальная работа с аспирантами. Постепенно увеличивалось количество научных школ под руководством женщин, впрочем, стиль их научного руководства не был однообразным, зависел от характера исследовательницы, а также и от психологической совместимости с учеником. Так, например, об академическом наставничестве египтолога М.Э.Матъе ее коллега по Эрмитажу И.М.Дьяконов говорил так: «Для того, кто ей нравился и представлялся достойным, она не жалела усилий, стараясь всячески помочь; но к тому, кого невзлюбит, была жестка и непреклонна»⁴⁵⁰. М.В.Нечкина же, по словам ее ученика, историка М.Г.Рабиновича «требовала от нас полной самостоятельности. Выражаясь фигурально, она сразу бросала нас в воду, чтобы мы сами выплывали»⁴⁵¹ - это ему, в отличие от «мелочной опеки»⁴⁵² медиевиста В.В.Стоклицкой-Терешкович нравилось гораздо больше. Женщины – научные руководители – с большим пониманием относились к семейным сложностям своих учениц (С.В.Житомирская вспоминала, как брала на встречи со своей наставницей Ф.А.Коган-Бернштейн пятилетнего сына, который играл с мужем Фаины Абрамовны, пока они занимались)⁴⁵³.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. женщины-историки, ранее вынужденные самостоятельно учиться основам исследовательской деятельности, получили серьезную поддержку от лидеров академического сообщества. Ключевым институтом, помогавшим женщинам познакомиться с научным руководителем, были Высшие женские курсы, программа которых со временем включила обучение методам исторического исследования. Помощь и

⁴⁵⁰ Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1995. С. 420.

⁴⁵¹ Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С.136.

⁴⁵² Там же. С.140.

⁴⁵³ Житомирская С.В. Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2006. С.137.

поддержка таких ученых, как И.М.Гревс, С.Ф.Платонов, Б.А.Тураев, помогала первым женщинам в академической среде преодолеть многочисленные карьерные трудности, получать оплачиваемые стажировки за границей, и значительно улучшить качество исследовательских работ. Во многом, именно традиционные в университетской культуре России практики наставничества, в которые профессора, будучи людьми либеральных взглядов в женском вопросе, легко приняли курсисток, позволили сформировать многочисленное поколение успешных женщин-историков в начале XX века. Полная отмена различий в получении ученых степеней между мужчинами и женщинами в 1918 году⁴⁵⁴ и революционные события изменили практики наставничества: с одной стороны, теперь женщины с полным правом могли передавать свои знания студентам, с другой стороны, постепенно разрушались традиции дореволюционных исторических научных школ: в частности, домашние семинарии и тесное неформальное общение наставников и учеников ушли в прошлое.

Таким образом, научная повседневность первых поколений российских женщин-историков была историей адаптации женщин в мужском академическом сообществе, и отличалась сопряженными с ней удачами и сложностями. Во второй половине XIX века именно профессиональные историки, уверенные в способностях женщин к научной деятельности, ввели их в круг исследователей и преподавателей, поддержали в трудоустройстве и помогли овладеть профессиональным мастерством. Посещая архивы, библиотеки, научные кружки своих руководителей, женщины-историки знакомились со спецификой научной работы, завязывали необходимые знакомства с коллегами.

Поиск и систематизация проявлений дискриминации женщин в академическом сообществе историков второй половины XIX – XX вв. демонстрирует следующие негативные стороны их адаптации к формальным и неформальным нормам научного сообщества. В истории вхождения женщин в

---

⁴⁵⁴ Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века – 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С.840.

научный мир отчетливо видится «эффект Матфея» - чем меньшим был статус женщины в науке, тем выше был риск их увольнения, тем большую дополнительную неоплачиваемую нагрузку они получали на местах работы, следовательно, уменьшая время для исследовательских трудов. Автодокументальные источники подтверждают и проявления «эффекта Матильды» в отечественной академической истории: женщины сталкивались с заимствованием коллегами-мужчинами их научных результатов, необходимостью работать «литературными неграми» и откровенным плагиатом их работ. Зависимость женщин-историков от научного руководителя также имела и обратную негативную сторону: далеко не все из наставников соблюдали необходимые этические нормы в личных отношениях с ученицами.

В целом, постепенное увеличение числа женщин-историков и признание их научных успехов известными учеными облегчало их вхождение в академическую корпорацию в начале XX века, хотя и оставляло место для дискриминации. 1920-е гг., сложные для всего исторического академического сообщества, продемонстрировали, что особое отношение к женщинам-исследовательницам, возможное в дореволюционную эпоху, когда женщины были ограничены в правах государством, в эпоху декларируемого гендерного равенства исчезло. Теперь женщины испытывали «двойную дискриминацию»: те из них, кто происходил из дворянского сословия и получил дореволюционное образование, были вынуждены бросать занятия историей, менять сферу деятельности. Только система высшего образования и аспирантуры, возникшая после 1934 года предоставляла женщинам равные с мужчинами возможности для занятия исследовательской деятельностью.

ГЛАВА III. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И ДОМАШНЯЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИЙСКИХ И СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Первые русские женщины-историки, создававшие свои труды во второй половине XIX-го – начале XX-го в., чаще всего принадлежали к образованному разночинному или, чаще, дворянскому сословию⁴⁵⁵. Ставшие исследовательницами и, крайне редко, преподавательницами, проводившие время не в решении дел хозяйственных «экономий», но в архивах и экспедициях, так ли были они непохожи на своих сверстниц, выбравших жизненной стезей не борьбу за статус в академическом сообществе, а спокойную семейную жизнь? С какими личными причинами они сами связывали свой выбор профессии историка? Как строили личные и семейные взаимоотношения? Как распоряжались заработком? Каков был бюджет времени первых женщин-ученых, насколько особенными были структуры повседневной жизни интеллектуалок второй половины XIX – начала XX века?

Если о профессиональных успехах отдельных выдающихся женщин-историков можно почерпнуть информацию в справочниках и отдельных изданиях, то об их образе семейного существования, особенностях мироощущения, внутренней самооценке, частной и эмоциональной жизни известно совсем немного. Возможна ли при чтении источников личного происхождения аналитическая работа по выявлению некой поведенческой типики, общих особенностей структурирования рабочего и вне рабочего времени⁴⁵⁶, особенно в отношении представительниц исторической науки столетней или даже полуторастолетней давности, - вопрос открытый. Скрупулезно собирая разрозненные факты, касающиеся паттернов экономического поведения, структуры отдыха и досуга первых русских женщин-

---

⁴⁵⁵ Пушкарева Н.Л. Женщины-историки в России 1810-1917 гг // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №1 (18). С. 228-245.

⁴⁵⁶ Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований. URL:<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>. (дата обращения: 15.07.2021).

историков, становится возможным попытаться выявить и проинтерпретировать изменения в этой сфере обыденности, которые следовали за трансформацией профессиональных сторон жизни этих женщин.

§1. Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.

В контексте изучения биографий первых русских женщин-историков, важной историографической проблемой являются истоки их научного творчества, те причины, по которым они выбрали историческую науку из всего разнообразия сфер самореализации. Проговаривание в автодокументальных текстах впечатлений детства для первых российских женщин-историков было одним из способов конструирования своей профессиональной идентичности. Антропологическая картина детства представительниц различных социальных групп второй половины XIX – начала XX века предстает перед нами во всех подробностях благодаря многочисленным исследованиям⁴⁵⁷, многие историки отдельно останавливались на проблеме «проговаривания» детских впечатлений в мемуарных текстах⁴⁵⁸. Нестандартные профессиональные интересы, стремление переломить гендерные стереотипы и несоответствие общественным ожиданиям – безусловно, все эти характеристики женщин, впервые пожелавших войти в академическое сообщество, проявились в их воспоминаниях о детстве. Задача этого параграфа – на примере встречающихся в воспоминаниях женщин-историков нарративах о детстве, проанализировать варианты их саморепрезентации через первые детские воспоминания и через осознание

⁴⁵⁷ Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995; Веремченко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX - начало XX в.). СПб., 2015; Мартианова И.Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII - начала XX в. Краснодар, 2010; Курнант Н.Б. Воспоминание детства в русской дворянской мемуарной культуре конца XIX - начала XX века. СПб., 2004; Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII - середины XIX в. СПб., 2010.

⁴⁵⁸ Зарецкий Ю.П., Безрогов В.Г., Кошелева О.Е. Детство в европейских автобиографиях: от Античности до Нового времени. Антология. СПб., 2019; Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» / Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 413-430; Пушкарева Н.Л. «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С.241-274.

первого гендерного конфликта между нестандартным выбором профессии и семейными ожиданиями. Два этих сюжета, весьма часто встречающиеся в мемуарах, интерпретировались женщинами-историками как ключевые для выбора будущей профессии, поэтому интересны и важны для изучения судеб первых российских женщин-ученых.

Нарративы о детстве как объяснение выбора профессии. Разбирая отдельные сюжеты нарративов о детстве русских женщин-историков, можно выделить несколько тем детских и юношеских впечатлений, которые казались мемуаристкам наиболее важными. Так, проблема детской памяти и первого воспоминания увлекала многих женщин-историков. Как правило, первые воспоминания были отрывочными, связанными с визуальными образами или эмоциональными переживаниями, запечатленными в памяти между двумя и тремя годами, редко раньше⁴⁵⁹. Примерами «плотного» описания мира детства могут служить нарративы этнолога В.Н.Харузиной и египтолога Н.Д.Флиттнер: они максимально подробно перечисляли визуальные, тактильные, слуховые образы своих детских воспоминаний. Н.Д.Флиттнер в качестве особенно важного впечатления для своего будущего профессионального становления вспоминала, как она «впервые осознала, что такое время, и как со временем меняется человек, и момент этот запомнился именно как новое для меня переживание осознания»⁴⁶⁰ (приехав с семьей спустя год на дачу, маленькая Наташа обнаружила там засушенный клевер, который сама же спрятала – «Я помню отчетливо и чувство восторга от находки, и такое же чувство восторга от нового открытия: я была маленькая, я теперь стала большая (...) Я открыла время»)⁴⁶¹.

Часто в числе первых впечатлений русских женщин-историков описывались тактильные и визуальные ощущения, связанные с нарядами – «кашемировое платье, ярко-голубое и вдоль него спереди шла широкая-широкая шелковая

⁴⁵⁹ Секенова О.И. Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX - первой половины XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 286-294.

⁴⁶⁰ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

⁴⁶¹ Там же. Л. 23.

полоса (...) Себя в платьице я совершенно не помню, а само платьице и его чудесный цвет помню отлично, как помню и свои бронзовые детские туфельки»⁴⁶², «страдала я от всякого нового платья (...) довольно длинные рукава рубашки свертывали жгутом так, чтобы они не вылезали из-под короткого рукава буфой платья. При движении руки вверх этот жгутик резал руку – и об этом «мучительстве» не полагалось говорить»⁴⁶³, «платье из легкой летней ткани сурового цвета с превосходно вышитыми гладью букетами фиалок на фоне зеленых листьев по подолу»⁴⁶⁴. Индолог Кока Антонова, по собственному признанию, не обращавшая внимание на то, во что ее одевают, любовно описывала сшитую матерью черкеску (тем более любимую, т.к. другие девочки в черкесках никогда не ходили, она была традиционным мужским нарядом): «папаха была из настоящего светлого каракуля, сама черкеска из тонкого сукна, бешмет и верх черкески были обшиты галуном, крышечки газырей были с точеным узором, тонкий кожаный пояс заканчивался, как и полагается серебряным наконечником с кавказским чернением»⁴⁶⁵. Подобные подробности практически не встречаются в мемуарных или дневниковых текстах, написанных детьми (вероятно, им они кажутся не такими важными), но для женщин-историков это очередные явления хрупкой, ушедшей навсегда реальности, элементы которой они стремились сохранить для истории. Описания повседневной одежды практически не встречаются в текстах (за исключением школьной формы как маркера принадлежности к новой значимой социальной группе), тогда как праздничные наряды оставляли яркое впечатление и отчетливо запоминались. Мемуаристки старались в мельчайших подробностях вспомнить обстановку дома, в котором прошло детство, редкие поездки с родителями, прогулки, посещение и прием гостей, сюжеты игр и праздничные традиции. Многие впечатления детства интерпретировались гораздо позже (так, археограф С.В.Житомирская уже в зрелом возрасте с ужасом поняла, что чудесный

⁴⁶² Там же. Л. 8.

⁴⁶³ Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет. С.140.

⁴⁶⁴ Левис М.М. "Мы жили в эпоху необычайную...": воспоминания. С.37.

⁴⁶⁵ «В России надо жить долго...»: памяти К. А. Антоновой (1910—2007). С.19.

кукольный домик, в который она с удовольствием играла в детстве, был реквизирован другом родителей-чекистом у неизвестной ей семьи)⁴⁶⁶. В текстах мужчин-историков гораздо реже встречается подробное описание бытовых и материальных мелочей⁴⁶⁷, зато большая часть их воспоминаний детства посвящена первым интеллектуальным впечатлениям (прочитанным книгам и увиденным спектаклям) – теме, о которой и многие женщины-историки писали много и с удовольствием.

В эго-документах хорошо заметно сходство женского и мужского мира детства в интеллектуальных кругах дореволюционной России и первых лет советской власти: гуманитарные и естественнонаучные интересы одинаково сильно влияли и на девочек, и на мальчиков. Круг чтения девочек и мальчиков (будущих историков) примерно совпадал: первое знакомство с исторической художественной литературой у всех начиналось с А.С.Пушкина, мифов и народных сказок, затем читали А.Дюма, В.Гюго, В.Скотта, М.Рида, Ф.Купера. К чисто «девичей» литературе, входившей в круг чтения той эпохи, относился приключенческий роман Ф.Э.Бёрнетт «Маленькая принцесса», С.В.Житомирская упоминала также романы Л.Чарской⁴⁶⁸. В семьях будущих историков дети читали Н.М.Карамзина (обычно уже позже, как правило, назывался возраст 10-12 лет), увлекались произведениями Л.Н.Толстого (особенно «Войной и миром»⁴⁶⁹). Кроме того, в числе любимых книг женщины-историки, чье детство пришло на время до революции, называли энциклопедию Петискуса «Олимп»⁴⁷⁰ и детские журналы с историческими рассказами (например, «Всемирный путешественник»).

Во всех мемуарах первых русских женщин-историков отмечалось общение и взаимное влияние молодежи разных полов друг на друга (явление, типичное для дворянской интеллигенции той эпохи). Воспитанные на одних и тех же книгах,

⁴⁶⁶ Житомирская С.В. Просто жизнь. С. 51-52.

⁴⁶⁷ Jelinek E.C. The Tradition of Women's Autobiography: From Antiquity to the Present. Boston: Twayne Publishers, 1986. P. XIII.

⁴⁶⁸ Житомирская С.В. Просто жизнь. С.76.

⁴⁶⁹ Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 98 (об.).

⁴⁷⁰ Петискус А.Г. Олимп. Мифология греков и римлян. С рисунками в тексте и на отдельных листах. М.; СПб.: Изд. М.О. Вольф, 1913.

подростающие девушки, вслед за своими братьями и кузенами стремились узнать как можно больше о новейшей научной и художественной литературе. Подростки читали и обсуждали теологические сочинения В.С.Соловьева, идеи свободы Джона Стюарта Милля, социологию искусства Гюйо. Тесное общение с молодыми людьми противоположного пола вызывало у юных девушек дореволюционной эпохи, в первую очередь, ревность к тем возможностям и тому доступу к образованию, которые были у молодых людей, и которых сами девушки были лишены.

Первый гендерный конфликт в нарративах русских женщин-историков.

Пристальное внимание к эмоциональному миру личности в детские годы отличает мемуары женщин-историков. Исследовательницы искренне и с юмором писали в эго-документах о детских влюбленностях, страхах и переживаниях, какими бы глупыми и смешными они не казались им в более взрослом возрасте. Иррациональные страхи, первое чувство стыда, обида на несправедливое наказание – все это ярко запоминалось и казалось необходимым для описания становления собственной личности.

Примечательно, что даже в самых сдержанных по тону эго-документах, исследовательницы стремились отмечать события и впечатления, связанные с формированием собственной гендерной идентичности («в раннем детстве я была страшная кокетка»⁴⁷¹, «женские свойства что-то рано просыпались в лошадице, бегунье, изрядной растрепке»⁴⁷²). Вероятно, во многих случаях это было связано с осознаваемым ими гендерным конфликтом: выбрав во взрослом возрасте путь исследователя, ученой, и отказавшись при этом от создания собственной семьи, женщины-историки пытались проанализировать, как повлияли на них детские впечатления. Например, В.Н.Харузина отчетливо помнила, как воспитывавшая ее немецкая гувернантка сочла своим долгом убедить девочку, что та некрасива, чем заложила в ней навсегда неуверенность в себе⁴⁷³. Подобные эмоциональные потрясения и детские травмы казались мемуаристкам особенно важным, потому

⁴⁷¹ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

⁴⁷² Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 56.

⁴⁷³ Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет. С.151.

что они могли объяснить им те причины, по которым они в итоге приняли решение самореализоваться в науке. В целом, межличностные отношения занимали важное место в нарративах о детстве русских женщин-историков. Так, во многих эго-документах есть место идеализации личности отца, влияние которого на выбор жизненного пути, профессии было доминирующим (в целом, это достаточно типичная ситуация для женщин, выбравших путь исследователя, в том числе и в постсоветской России)⁴⁷⁴. Отцы занимались вопросами образования (за ними оставалось ключевое решение в поисках учебных заведений для детей, они же участвовали в подборе гувернанток), выбирали книги для детского чтения, обсуждали с дочерьми исторические события⁴⁷⁵. На матерях русских женщин-историков лежало религиозное воспитание и решение всех бытовых вопросов. В результате, традиционным сюжетом в нарративах русских женщин-историков дореволюционной эпохи становился конфликт с матерями и другими старшими родственницами женского пола, когда речь заходила о пренебрежении семьей в угоду научной карьере⁴⁷⁶. Желая дочерям добра, они настаивали на выборе традиционной модели поведения – тогда как девушки, с детского возраста поощряемые отцами, стремились сделать выбор в пользу образования и научной карьеры⁴⁷⁷. Показателен пример конфликта С.В.Житомирской с матерью из-за подаренной на день рождения шкатулки для рукоделия – С.В. в детстве считала традиционные женские занятия абсолютно ненужными, неинтересными и обиделась на нежеланный подарок⁴⁷⁸.

Подростковый протест против predetermined гендером судьбы принимал разные формы: так, будущий этнолог Н.И.Гаген-Торн вспоминала о своем

⁴⁷⁴ Пушкарева Н.Л. *Libido academica* (гендерный аспект просопографии академической жизни) // Антропологический форум. Вып. 14. 2011. С.168-191. С.172-173.

⁴⁷⁵ Секенова О.И. У истоков научного творчества первых русских женщин-историков: выбор профессионального пути // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН: выпуск I. М.: ИЭА РАН, 2020. С.138-146.

⁴⁷⁶ Пушкарева Н.Л. Смешны ученые девицы? (Проблема стигматизации женщин-ученых и влияние социальных ожиданий на женские жизненные стратегии и стиль жизни) // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38. № 4. С. 756–770. С. 756–770.

⁴⁷⁷ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 117-118; Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 69.

⁴⁷⁸ Житомирская С.В. Просто жизнь. С.75.

стремлении носить «привычные ей штаны и матроски»⁴⁷⁹ под халатом (униформой учениц гимназии М.Н.Стоюниной). Египтолог Н.Д.Флиттнер выбрала другую форму такого протеста: в Николаевском институте благородных девиц Наталья Давыдовна вступила в конфликт с преподавателем французского языка Колером и, не стерпев «насмешливого философствования» о том, что барышням нет необходимости изучать науки, т.к. они выйдут замуж и «прощай тогда всякое знание», заявила, что замуж вовсе не собирается⁴⁸⁰. Преподаватель долго и со смехом допрашивал ее, а потом на уроках стал обзывать «notre vieux celibetaire» (фр. «наша старая дева»). Н.Д.Флиттнер не растерялась и в качестве домашнего задания для декламации нарочно выучила отрывок на французском языке, посвященный преимуществам безбрачия. Отказ от «женских» социальных ролей повлиял и на выбор будущей профессии. Впоследствии, обсуждая с тетей свое будущее, Н.Д. говорила: «Ну уж нет, я кончу курсы, а потом непременно уеду куда-нибудь путешествовать... и знаешь, я думаю все-таки добиться своего, я думаю все-таки стать как Шлиман, как Гумбольдт... Я, тетичка, буду когда-нибудь старой ученой, у меня будет камердинер Johan и ручной попугай...»⁴⁸¹. Но выбор традиционно «мужской» профессии требовал от первых русских женщин-историков известной смелости. Первое и главное сопротивление этой идее своих дочерей оказывали матери и другие старшие родственники женского пола. Естественно, желая дочерям добра, матери не могли вообразить, что поведение, не соответствующее стандартам добропорядочной девушки из образованного семейства, принесет счастье. Н.Д.Флиттнер описывала скандал, который ей устроили тетушки, узнав о ее желании поступить на Высшие женские курсы⁴⁸², Е.Н.Щепкина также упоминала о регулярных ссорах с матерью, вызванных, в первую очередь, неудовлетворенностью тем, что дочь не желает выходить замуж⁴⁸³. Отцы же, напротив, поддерживали женщин-историков в стремлении

⁴⁷⁹ Гаген-Торн Н.И. Мемория. М.: Моск. ист.-лит. о-во "Возвращение", 1994. С.6.

⁴⁸⁰ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л.117-118.

⁴⁸¹ Там же. Л.151 (об.).

⁴⁸² Там же. Л.164.

⁴⁸³ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л.69.

получить образование: от чтения перед сном и выбора книг для маленьких девочек до полной поддержки и помощи в устройстве на Высшие женские курсы. Судя по воспоминаниям женщин-историков, в их семьях забота об образовании детей была именно отцовской обязанностью. Лишь в редких случаях, основным фактором выбора профессии историка выступало не образование и детское воспитание, а замужество: так, к исследовательской работе П.С.Уварову⁴⁸⁴ и А.Я.Ефименко⁴⁸⁵ привлекли мужа.

Описание первых случаев гендерного конфликта между желаемыми и навязываемыми социальными ролями в женских нарративах относится, как правило, к раннему подростковому возрасту (от 9 до 12 лет). Сам анализ первого осознанного ребенком гендерного конфликта почти всегда предваряется рассказом о том, как девочка любила в раннем детстве наряжаться/ смотреть на себя в зеркало/ причесываться, как взрослая, и лишь потом сознательно отказалась от этого, приняв решение строить карьеру по мужским стандартам. Влияние мужского образа жизни, как более полноценного, интересного прослеживалось даже в детских играх: будущие женщины-историки с удовольствием играли с гимназическими подругами «в солдаты»⁴⁸⁶, в рыцарей (принимая роли рыцарей, глашатаев и боевых коней)⁴⁸⁷, в «краснокожих и бледнолицых»⁴⁸⁸. В целом, для саморепрезентации женщин-историков в этом возрасте был характерен образ «сорванца» - посещение заброшенных зданий, драки с другими гимназистками – а выбор профессии историка, археолога или этнолога, овеянной романтическим ореолом, представлялся в мемуарах логичным итогом их юношеских игр и мечтаний. Психологи отводят сюжетно-ролевой игре важное место в процессе формирования социальной идентичности и ценностей

⁴⁸⁴ Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. С.53-70.

⁴⁸⁵ Ясь О. Вступна стаття до розвідки О. Єфименко «Письма из хутора. Об украинской истории» (До 170-річчя О. Єфименко та 100-ліття першої публікації її допису) // Український історичний журнал. 2018. № 1. С. 174–179.

⁴⁸⁶ Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 64.

⁴⁸⁷ Гаген-Торн Н.И. Memoria. С.6.

⁴⁸⁸ Житомирская С.В. Просто жизнь. С. 72.

личности подростка⁴⁸⁹. Склонность же девочек к такого рода сюжетно-ролевым играм демонстрировала не только их живой интерес к историческим эпохам, но и стремление занимать активную жизненную позицию, что у них напрямую ассоциировалось с мужскими занятиями, и что впоследствии проявилось в достижении высоких успехов в профессии. Примечательно, что будущие историки даже в 1920-е гг. находили сюжеты для игр именно в художественной литературе, описывающей прошлые эпохи, хотя именно в это время в среде советских детей распространение получают сюжетно-ролевые игры в футурологические утопические общества («страна-мечта» по определению С.М.Лойтера)⁴⁹⁰. Вероятно, что уже в зрелом возрасте детские игры, связанные с прошлым, а не с будущим, воспринимались как «предопределение» выбора профессии историка.

Любовь к ролевым играм на исторические сюжеты в среде подростков, характерная и для будущих мальчиков-историков⁴⁹¹, возникала также под влиянием всеобщего интереса к литературе и театру (в 1920-е гг. в мир детства будущих историков также входят кинематографические произведения на исторические темы). Увлечение театральными постановками и художественной литературой вкупе с особым аналитическим складом ума, создавали у девочек еще в раннем возрасте одну необычную привычку, заметную во многих мемуарах женщин-историков. Е.Н.Щепкина писала о «праздной работе фантазии» и способности создавать в голове неправдоподобные миры (приводя при этом пример Ж.Санд, по мнению Щепкиной обладавшей аналогичной привычкой)⁴⁹². М.В.Нечкина в четырнадцатилетнем возрасте писала об этой особенности в своих дневниках следующее: «по своей органической потребности, ставшей для меня такой же необходимой, как биение сердца, я всякую мысль свою переношу в свой

⁴⁸⁹ Рубцова О.В. Ролевая идентичность как интегральная характеристика социальной ситуации развития подростка // Психологическая наука и образование. 2011. № 5. С. 5-13.

⁴⁹⁰ Подробнее о детских играх 1920-х см. Димке Д. Советские детские игры: между утопией и реальностью // Антропологический форум. 2012. № 16. С.309-332.

⁴⁹¹ Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М.: Аквариус, 2015. С.56-57.

⁴⁹² Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л.52.

мир образов, в свою живую жизнь»⁴⁹³. Историк Е.В.Гутнова описывает эту привычку «прокручивать» в голове события дня и постоянно фантазировать, как «странное поведение», по мнению всех домашних⁴⁹⁴. Общей для большинства женщин-историков конца XIX – начала XX века была любовь к литературному труду, сочинительству, воспитанная как в семье (через традицию писать дневники), так и в учебных заведениях (через большое количество сочинений в программе изучения словесности и истории). Начав первые литературные опыты еще в детстве, на протяжении всей жизни стихи писали этнограф Н.И.Гаген-Торн⁴⁹⁵, историки Р.И.Блох, М.В.Нечкина, Е.В.Гутнова, И.М.Белявская⁴⁹⁶, М.М.Денисова⁴⁹⁷. О детских сочинениях «драматургических произведений» вспоминала С.В.Житомирская⁴⁹⁸. Особенностью воспитания девочек той эпохи было отсутствие четкого разделения гуманитарных наук: девушки со склонностью к истории, воспринимали литературный труд, как неотъемлемую составляющую исследовательской работы, а упражнения в словесности считали приятным увлечением, необходимостью удовлетворить творческие позывы души, недостаточно реализованные в научной работе.

Таким образом, нарративы о детстве в воспоминаниях русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX вв. являются не только богатым историческим источником о деталях детской повседневности дореволюционной эпохи, но и важным элементом рефлексии первых исследовательниц о своей научной судьбе – в частности, о предпосылках, побудивших их стать историками. В целом, по сравнению с нарративами мужчин-историков, женщины с гораздо большим удовольствием писали о своих детских годах, насыщая их описание многочисленными деталями, столь важными для историка повседневности, подробнее описывали внутренние эмоциональные переживания. Среди типичных

⁴⁹³ «...И мучилась и работала невероятно»: дневники М. В. Нечкиной. С.70.

⁴⁹⁴ Гутнова Е.В. Пережитое. С.23.

⁴⁹⁵ Гаген-Торн Н.И. Memoria. С.15.

⁴⁹⁶ Вторая муза историка: Незученные страницы русской культуры XX столетия. М.: Наука, 2003.

⁴⁹⁷ Денисова М.М. Стихотворения // ОР ГИМ (Отдел рукописей Государственного исторического музея). Ф.491. Д.46.

⁴⁹⁸ Житомирская С.В. Просто жизнь. С.49.

сюжетов о детских годах в текстах женщин-историков наиболее интересно описание их ощущений переживания первого гендерного конфликта – осознания в зрелом возрасте того, что желание стать исследователем прямо противоречит гендерным установкам, усвоенным в раннем детстве. Не подозревая об антропологическом повороте в исторической науке середины XX века, многие женщины-историки в своих эго-документах создали источник по истории повседневности второй половины XIX – начала XX века: яркий, искренний, полный мелких деталей и бытовых подробностей.

§2. Эмоциональная сфера жизни: дружба, семья, личные интимные привязанности

Выбранный для исследования первых российских женщин-историков период ускоренной модернизации (1860-1941 гг.) совпадает с эпохой становления малой демократической семьи в России. Гуманизация внутрисемейных отношений, изменение роли женщины – эти процессы, начавшиеся в образованной дворянской среде, постепенно распространялись и на другие группы населения. Хотя в отличие от крестьян и горожан, в дворянской среде малая семья преобладала уже с XVIII века, патриархальные отношения внутри нее стали меняться именно во второй половине XIX века⁴⁹⁹. Добровольно-принудительный характер заключения брака постепенно уступал место свободному волеизъявлению супругов, женская эмансипация изменяла внутрисемейные принципы власти и подчинения. Образованные дворянки, увлеченные науками, одними из первых отозвались на формирование нового типа брачности в модерных государствах, для которого были характерны позднее вступление в брак, высокая доля безбрачия, малодетность или бездетность⁵⁰⁰. Новые возможности для самореализации в области науки и образования делали замужество и материнство менее желанными, а постепенное разорение

⁴⁹⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. С.257.

⁵⁰⁰ Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX - начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2016. №3 (80). С.73 – 89. С.73-74.

помещиков после отмены крепостного права приводило к кризису патриархального гендерного контракта: теперь многие женщины искали не замужества, а возможности самостоятельно себя обеспечивать. Стремительная (в пределах одного поколения) модернизация семейных отношений⁵⁰¹ стала серьезным препятствием для первых женщин-ученых Российской империи. Суровым испытанием для всех первых русских женщин-историков стал конфликт между социальными ролями, навязанными семейным окружением (успешное замужество, материнство) и профессиональной карьерой. Почти все представительницы первого поколения женщин-историков, с детства воспитанные в традиционной дворянской культуре, изначально готовились к выполнению нормативного жизненного сценария⁵⁰². Но превращение увлечения наукой в основную профессию бросало вызов стереотипной общественной морали: нередко общество обвиняло «ученых дам» в том, что их интерес к науке объясняется, скорее, интересом к мужчинам и общению, а также серьезно вредит их нравственности и представлениям о семье. Так, А.И.Герцен вспоминал о знаменитых публичных лекциях Т.Н.Грановского по истории западноевропейского средневековья, первом научном мероприятии по истории, доступном для женщин: «Множество дам; разумеется, они не слушать ездят, а казать себя - но все это хорошо и, впрочем, в самом деле, есть желание интересов всеобщих»⁵⁰³. Создатель Высших женских курсов в Москве историк В.И.Герье свидетельствовал, что в эпоху контрреформ в 1888 году Высшие женские курсы в Москве, Казани и Киеве были закрыты из-за плохого надзора за курсистками (якобы, среди «ученых девиц» на курсах завелась «нарядная распущенность»⁵⁰⁴). Даже когда в начале XX века женщины-историки стали регулярно добиваться профессиональных успехов, многие представители интеллигенции продолжали

---

⁵⁰¹ Там же. С.79.

⁵⁰² Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII - середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. С. 293.

⁵⁰³ Герцен А.И. Дневник 1842-1845 // Герцен А.И. Сочинения в 9 т. Том 9. Дневник 1842-1845. М.: Гослитиздат, 1958. С.134.

⁵⁰⁴ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л.64 (об.)

считать науку для них неподходящим занятием. Вопрос влияния самореализации женщин в образовании и науке на их семейную жизнь беспокоил умы ученых и философов в контексте обсуждений метафизики пола. Замечательный русский религиозный философ Н.А.Бердяев видел в женских занятиях наукой стремление уподобиться мужчине, обвинял ученых дам в обезьянничании и желании превратиться в «плохую копию мужчины, бесполое существо»⁵⁰⁵, был уверен, что ничего великого в науке, политике или литературе ни одна женщина создать не может (его знаменитая современница Софья Ковалевская, по его мнению, была лишь «недурным математиком, как средне-хороший математик мужчина»⁵⁰⁶). Главным его оппонентом в этом вопросе стал русский религиозный философ В.В.Розанов. Хотя в молодые годы он был также уверен во вредности высшего образования для женщин, взгляды его изменились под влиянием активисток женского движения А.П.Философовой и Н.В.Стасовой⁵⁰⁷. Открыто враждебный по отношению к «женскому освободительному движению» 1860-х гг., философ впоследствии неоднократно посещал Высшие женские курсы и убедился, что образование и наука не изменяют «духовного лика» женщины, особенно хваля, что почти около 75% бывших слушательниц «стали теперь семьянинками», следовательно, утверждая, что курсы усиливают «в стране развитие семейного начала»⁵⁰⁸. Необходимо отметить, что все философы, преподававшие на Высших женских курсах, а, следовательно, близко знакомые с женщинами-учеными (В.С.Сольвьев, А.И.Введенский, Н.О.Лосский), не позволяли себе публично сомневаться в необходимости высшего образования для женщин и их способности самореализоваться в науке.

---

⁵⁰⁵ Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Перевал. 1907. № 5. С. 7-16; № 6. С. 24-36. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1907_metafizika.shtml (дата обращения: 1.10.2021).

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ Розанов В.В. Памяти Анны Павловны Философовой // Новое Время. 1912. 24 марта. № 12943. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1912_pamyati_filosofovoy.shtml (дата обращения: 1.10.2021).

⁵⁰⁸ Розанов В.В. Женский образованный труд в России // Новое Время. 1903. 21 нояб. № 9956. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_jenskiy_obrazovatelnyy.html (дата обращения: 1.10.2021).

Анализ эгодокументов, принадлежавших женщинам-историкам второй половины XIX – начала XX вв., демонстрирует, что даже одобрение либеральной общественностью занятий наукой сталкивалось с непониманием ближайшего окружения, и, главное, внутренним гендерным конфликтом между доступными социальными ролями. Если следовать типологии гендерных сценариев российских дворянок начала XX века, предложенной Н.А.Мицюк⁵⁰⁹, то можно заключить, что первые российские женщины-историки были вынуждены делать выбор между стратегиями «новой женщины» (т.е. той, чьим приоритетом является профессиональная и общественно значимая самореализация, а не семья и дети) и «универсальным материнством» (т.е. соблюдением баланса между научными занятиями и семейными делами). Каждый из этих вариантов гендерного сценария был сопряжен со значительными трудностями в его реализации.

«Неужели нельзя быть умной, высоконравственной и счастливой?»
Замужество и развод в семейных стратегиях первых российских женщин-историков. Примечательно, сколь различным было отношение к замужеству даже среди первого поколения русских женщин-историков. Так, для многих из них (А.Я.Ефименко, П.С.Уваровой, Е.Ф.Тураевой-Церетели) замужество открыло путь в профессию – именно при помощи супругов они осваивали исследовательскую деятельность, сначала выступая помощницами в работе, а после как самостоятельные историки. Но даже браки с учеными снижали публикационную активность женщин-историков: им приходилось отказываться от своих научных амбиций ради помощи мужьям в их работе – секретарской или переводческой: например, медиевист И.И.Любименко писала, что всю жизнь участвовала в работе мужа, ботаника В.Н.Любименко: переводила его статьи на иностранные языки, вела его обширную иностранную корреспонденцию, вычитывала корректуры для публикаций в зарубежных изданиях⁵¹⁰,

⁵⁰⁹ Мицюк Н.А. Типы российских дворянок начала XX в. по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщина в российском обществе. 2014. №2 (71). С.17-28.

⁵¹⁰ Любименко И.И. Автобиография // СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л. 24-28. Л. 24.

С.М.Ростовцева организовывала интеллектуальный салон для коллег и учеников мужа, а также взяла на себя деловую и личную переписку М.И.Ростовцева⁵¹¹, П.С.Уварова руководила организацией съездов Московского археологического общества в различных городах⁵¹², Е.Ф.Тураева вместе с супругом активно участвовала в деятельности Петроградского братства Святой Софии⁵¹³. Безусловно, каждая из них помогала супругу, теряя время для собственных научных занятий. Примечательна история этнографа А.Я.Ефименко: если в молодости она была незаменимой помощницей мужа, историка П.С.Ефименко, то с начала 1890-х гг. он тяжело заболел, и А.Я.Ефименко была вынуждена самостоятельно обеспечивать семью⁵¹⁴. Гендерные роли поменялись: если раньше А.Я.Ефименко исполняла функции секретаря супруга, то теперь она в шутку называла мужа «мой архивариус»⁵¹⁵, т.к. он, бывший не в состоянии самостоятельно писать исследования, подбирал ей материал для работ. Невозможность сохранения патриархального гендерного контракта в условиях активной профессиональной работы женщины требовало создания баланса в семейных отношениях мужчины и женщины; далеко не всем семейным парам это удавалось.

Семейная жизнь женщин-историков не всегда была проста: эго-документы содержат описание многочисленных эмоциональных потрясений, связанных с личными и семейными проблемами. Так, еще в юности историк-медиевист И.И.Любименко отмечала в дневниках: «Неужели нельзя быть умной, высоконравственной и счастливой?»⁵¹⁶. Прожившая долгую жизнь вместе с мужем - ботаником В.И.Любименко, Инна Ивановна в своих дневниках откровенно

⁵¹¹ Скифский роман: Scythial novel : [Сборник : О жизни и творчестве М. И. Ростовцева]. М.: РОССПЭН, 1997. С. 446-448.

⁵¹² Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. С. 174-179.

⁵¹³ Чуков Г., Александрова-Чукова Л.К. «Единение цвета науки и Церкви...», или до Петроградского процесса 1922 г. и после «Академического дела» 1929–1931 гг. (по материалам дневников митрополита Григория (Чукова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (28). С. 324–396. С.344.

⁵¹⁴ Хоткевич Г. Ефименкова // Збірник наук.-дослід. каф. іст. укр. культури. Харків, 1930. Т. 10. С. 37-43. С.38, 41.

⁵¹⁵ Хоткевич Г. Ефименкова. С.38.

⁵¹⁶ Любименко И.И. Личные дневники // СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214. Л. 24.

писала о кризисе в семейных отношениях, случившемся в 1917-1918 гг. («Жить с Димой по-прежнему ни сил, ни умения. Его отношение то трогает меня до слез, то ранит до глубины измученного сердца. Во мне к нему огромная человеческая привязанность как к брату, ребенку, дорогому другу ... Близость с ним часто будит жестокую физическую тоску, от которой я готова бежать, куда глаза глядят»⁵¹⁷). Несчастливая влюбленность в коллегу, ухудшение бытовых условий в революционные годы усугубили кризис, самой страшной чертой которого И.И.Любименко считала то, что она «охладела к науке». Примечательно, что после преодоления депрессии, Инна Ивановна наблюдала у себя эволюцию «от черного пессимизма к этому оптимизму»⁵¹⁸ (тогда как ее младшая сестра Мирра Лот-Бородина, эмигрировавшая во Францию, напротив, со временем стала убежденной пессимисткой). Автодокументальные свидетельства говорят о том, что в семьях женщин-историков были нередки конфликты, связанные с невозможностью качественно выполнять профессиональные задачи и домашние дела. В ряде случаев семейные прения заканчивались разводом, а научные изыскания становились способом начать самостоятельную жизнь после конфликта с супругом. Так, историки второй половины XIX века Н.А.Белозерская и П.Я.Литвинова занялись наукой только после расставания с мужьями (в случае П.Я.Литвиновой, неофициального). Брак с русским дворянином Петром Алексеевичем Литвиновым украинки Прасковьи Яковлевны Бартош был неудачен (против него выступала также и тетка П.Я.Бартош, говоря, что «малороссиянкам не следует никогда вступать в брак с великороссиянами, потому что такие браки не бывают счастливыми». На возражения племянницы, что «выходят же и за немцев, французов, даже за жидов – она решительно отвечала, что это лучше, чем выйти замуж за россиянина, так как все эти народы стоят на высшей ступени развития, чем «малороссияне», а россияне – напротив, на нижнем»⁵¹⁹). Подробная история самого конфликта в дневниках П.Я.Литвиновой не сохранилась, остались

---

⁵¹⁷ Там же.

⁵¹⁸ Там же. Л. 342 (об.).

⁵¹⁹ Спаська Ї. Пелагея Яковівна Литвинова: Нарис її життя та праці за її рукописами та родинними документами. С.178.

лишь обрывочные воспоминания, озаглавленные «За что возненавидел меня муж мой»⁵²⁰. В результате, даже несмотря на наличие 10 детей, брак был несчастлив и фактически прекратился после конфликта по вопросам воспитания наследников: супруги жили в разных поместьях, но научным работам супруги П.А.Литвинов не мешал. Н.А.Белозерская разошлась с супругом, Василием Белозерским, основателем Кирилло-Мефодиевского братства⁵²¹, уже имея троих детей, уехала от него в Санкт-Петербург и начала полностью самостоятельную жизнь (сам В.М.Белозерский уехал служить в Варшаву)⁵²². В целом, и Н.А.Белозерская, и П.Я.Литвинова воспринимали расставание с мужем не как личную трагедию, а как освобождение от неприятных отношений и импульс к творческой деятельности. Активные деятельницы украинских «громад», они пользовались поддержкой видных общественных деятелей (Н.И.Костомарова, Ф.К.Волкова, М.Вовчок) и после развода не были исключены из социальных связей, а напротив, принимали помощь и поддержку множества друзей. Гендерная ресоциализация, случившаяся с ними после развода, фактически, открыла им доступ к научной работе и успешной самореализации.

«Отчего вы не выходите замуж? ... Ведь это же ваше назначение».

Практики стародевичества среди первых российских женщин-историков.

Особняком среди первых русских женщин-историков стоят те, кто по тем или иным причинам отказался от замужества. Необходимо отметить, что стародевичество, являвшееся, в целом, нормативной практикой в дворянской среде XIX века, в случае с первыми женщинами-историками приобретало характер общественно-политический: публично декларируемый отказ от замужества и деторождения как результат личного выбора женщины стал

⁵²⁰ Спаська Ї. Пелагея Яковівна Литвинова... С.180.

⁵²¹ Грушевський М.С. З ідеології кирило-мефодіївців // Україна: Науковий трьохмісячник українознавства. 1914. Кн. 1. С. 78-83.

⁵²² Левенець Ю. Василь Білозерський // Український історичний журнал. 1994. Вип. 2,3, (№395–396). С. 84-93. С. 93.

неотъемлемой чертой русского женского движения 1860-х гг.⁵²³ Не менее пяти из первых русских женщин-историков выбрали стратегию безбрачия в личной жизни (Ишимова А.О., Балобанова Е.В., Петерсон О.А., Харузина В.Н., Щепкина Е.Н.), при этом осуждения современников они не испытывали.

В целом, эго-документы представительниц первого поколения незамужних женщин-историков поразительно единодушны: женщины как будто пытались объяснить свой свободный статус обстоятельствами, а не личным выбором, но как трагедию его не воспринимали. Возникновение гендерного конфликта между ожидаемым от семьи и общества стереотипным поведением успешной в социальных коммуникациях дворянки (брак, рождение детей) и реальным положением вещей (нахождением своего призвания в науке, отсутствие тесных эмоциональных связей с людьми) анализировалось в контексте общественной мысли той эпохи. Так, Е.Н.Щепкина вспоминала о своих спорах с гимназическими подругами о предназначении женщины: так, прочитав «Войну и мир», девушки горячо обсуждали именно судьбу Наташи Ростовской («Наташа с пеленками вызвала негодование многих»⁵²⁴). «О замужестве, о любви у нас в классе совсем было не принято говорить, об этом в классе даже и не шептались»⁵²⁵ - гораздо чаще обсуждали возможность продолжения учебы для женщин, необходимость бесплатного труда на благо народа. «Каждой хотелось «что-нибудь делать», мало кто мечтал о праздной жизни»⁵²⁶ - писала историк Е.В.Балобанова о своих беседах с подругами юности (в данном контексте под «праздной жизнью» историк понимала также счастливое замужество и материнство без общественных обязанностей).

Примечательно, что оставшаяся незамужней Е.Н.Щепкина с удовольствием писала обо всех своих коротких романтических увлечениях (особенно за

⁵²³ Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С.343.

⁵²⁴ Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 98 (об.).

⁵²⁵ Там же. Л. 99 (об.).

⁵²⁶ Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: Труды, документы, воспоминания. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. С.138.

границей) и успехах (скорее, впрочем, иллюзорных, чем реальных): мимолетном интересе со стороны швейцарского инженера и новобрачного итальянца: «Странное явление. Мне 31 год, спереди в кудряшках весьма заметные седины, загар, остатки паров Везувия на лице, все время молчу, ем и проявляю примечательную силу для только что женившегося иностранца!»⁵²⁷. Е.Н.Щепкина отмечала, что подобный легкий флирт с мужчинами повышал ее настроение: «Уж не влияние ли этих пассажей с мужчинами подогрело мой холодный темперамент? Пожалуй, что и так. Все-таки ношу свой пол»⁵²⁸. Тем не менее, ухаживания знакомых не заходили далеко, серьезные отношения с врачом-бальнеологом В.Ф.Сигристом закончились неудачно. Е.Н.Щепкина считала, что виной не сложившейся личной жизни были плохие отношения ее, единственной дочери, с чересчур властной матерью («отсюда моя биография одиночества, «холостячества»⁵²⁹). Вместе со своими подругами-«медичками» историк зачастую обсуждала именно минусы брака и деторождения (кроме отвращения к физиологическим процессам, живописуемым подругами-врачами, Е.Н.Щепкина прекрасно понимала, что замужем не сможет продолжать вести прежний образ жизни, проводя время в архивах и библиотеках за научными занятиями). В целом, даже воспитанная отцом-либералом Е.Н.Щепкина осуждала отношения вне брака – это заметно по ее рассказу о знакомой матери-одиночке из «шестидесятниц»: «Она даже не увлекалась отцом ребенка, а сошлась с ним по убеждениям – врач обязан испытать всю полноту жизни. Так мы втихомолку и звали бедного птенца – «сын убеждения»⁵³⁰.

Женщины, в силу обстоятельств, выбравшие научную карьеру без реализации в семейных отношениях, безусловно, подвергались давлению со стороны общества. Зачастую успешная профессиональная карьера женщины-историка воспринималась родственниками исключительно в негативном ключе (исключение составляют дочери профессоров, как, например, И.И.Любименко

⁵²⁷ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 49.

⁵²⁸ Там же. Л. 49.

⁵²⁹ Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л.61-62.

⁵³⁰ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л.37.

или О.А.Добиаш-Рождественская). Например, египтолог Н.Д.Флиттнер, дочь врача немецкого происхождения, с ранней юности отрицала для себя возможность замужества. Хотя семья знала об ее профессиональных устремлениях, когда Н.Д.Флиттнер с отцом записалась на Высшие женские курсы, ее любимые тетушки-немки встретили это в штыки: «Тетя Миля, оказывается, даже сама приезжала к нам, чтобы всемерно доказать папе вред высшего образования для женщины вообще и для меня в частности. Двоюродные сестры вежливо шипели, доказывая то же самое. Тетя Маня, ничего не доказывая, устроила мне просто дикий скандал, так же, вероятно, как за 10 лет до того устроила маме, когда меня отдавали в Институт (не могла понять устремлений моих на курсы, не могла и о курсах-то самих иметь ясного представления, т.к. последнее связывалось у нее всегда с представлением о нигилистках и т.п.) То же касается и двоюродных сестер, воспитанных в замкнутой пасторской среде. Но я ровно ничего не могла понять в бурном протесте тети Мани, в ее резких нападках на моего отца и на меня саму, не поняла и смысла ее бурных уверений, что вот она, мол, тоже была на курсах на педагогических и не кончила же их, а они не хуже моего института и т.д.»⁵³¹. Примечательно, что вопрос о замужестве преследовал Н.Д.Флиттнер довольно долгое время, а его обсуждение не казалось многим ее собеседникам нетактичным. Так, она вспоминала свой ответ на внезапный вопрос коллеги в учительской коммерческого училища: «Слушайте, Нат.[ ] Дав., отчего вы не выходите замуж? Ведь если бы вы хотели, вы бы могли. Ведь это же ваше назначение...

- Ой, Ив. Павл., можно ли так пугать человека?! Какая муха укусила вас? - Засмеялась я. - Мне назначение? А кто назначал-то? Ваше Министерство торговли и промышленности? Я ему не подсудна, я в Министерстве Народ. Просвещения... если б я хотела? А если я не хочу?»⁵³².

В целом, несмотря на негативную реакцию родственников и друзей, безбрачие вполне вписывалось в стереотипные представления общества об

⁵³¹ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л.164-164 (об.).

⁵³² Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 204.

«ученых дамах» и «синих чулках», проводящих свое время в архивах и библиотеках, тогда как решение оставить науку ради счастливой семейной жизни, в целом, воспринималось обществом благосклонно, как возврат женщины к истинному предназначению. Лишь в редких случаях отказ от замужества имел под собой иные основания. Так, примечательно, что революционные события повлияли на выбор нескольких женщин-историков стать монахинями: Е.Ф.Тураева (Церетели) приняла постриг после смерти мужа, египтолога Б.А.Тураева⁵³³, антиковед М.Е.Сергеенко тайно приняла постриг, о чем все ее близкие узнали только после ее смерти⁵³⁴. Обе исследовательницы до самой смерти продолжали жить вне стен монастыря.

Материнство и бездетность в жизни первых российских женщин-историков. Для представительниц первого поколения женщин-историков многодетность не была чем-то необычным (пятеро детей у было у А.Я.Ефименко, трое (и один приемный) - у Н.А.Белозерской, 7 детей у П.С.Уваровой, 10 детей у П.Я.Литвиновой). О материнстве в эго-документах женщины-историки первого поколения писали крайне скупо. Одним из факторов этого была специфика отношений матери и ребенка, бытовавшая в знатных дворянских семьях: та же П.С.Уварова писала, что случившее в Италии рождение первенца практически не помешало ей продолжить поддерживать мужа в научной работе – в соответствии со статусом семьи, основные заботы о младенце легли на плечи кормилицы и няни, а сама П.С.Уварова продолжила сопровождать мужа в посещении исторических достопримечательностей и археологических раскопок. П.С.Уварова отмечала при этом, что супруг стал больше времени проводить за работой дома, а не в библиотеке⁵³⁵. После рождения второго ребенка (дочери Прасковьи) П.С.Уварова приняла решение кормить ее самостоятельно и писала о том, что

⁵³³ Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову): В 2 кн. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. Кн. 1: А-Н. 800 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Saharov/pisma-raznyh-lits-k-svjatitelyu-afanasiyu-saharovu-kniga-1/80.

⁵³⁴ Сергеенко М.Е. Воспоминания // Составитель Трофимов А.А. Три судьбы. М.: Издательство «Апостол веры», 2021. С. 106.

⁵³⁵ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания Прасковьи Сергеевны Уваровой. С.55.

двое детей занимали гораздо больше времени родителей, отнимая у них время от научных и общественных занятий. Подобная стратегия была типична для дворянок XIX века: в зависимости от необходимости или личных предпочтений они обладали свободой в выборе способа вскармливания младенцев, считая естественное вскармливание значимой сферой самореализации⁵³⁶. Тем не менее, личные и домашние проблемы, неизбежно связанные с многодетностью, ложились на плечи женщин и влияли и на их исследовательскую продуктивность. Так, известно, что А.Я.Ефименко вынуждена была кроме заботы о тяжелобольном муже еще и ухаживать за старшей дочерью, страдавшей психическим заболеванием, сопровождавшимся буйными припадками агрессии⁵³⁷. Известно, что А.Я.Ефименко перед смертью все имущество завещала младшей дочери Татьяне (по ее мнению, старшие сыновья – юрист и археолог, сами могли заработать себе на жизнь, а младшая дочь, поэтесса, к самостоятельности была не приспособлена, ей требовалось больше поддержки родителей)⁵³⁸. Завещание осталось неисполненным - Александра Яковлевна и Татьяна были убиты в 1918 году на хуторе Любочка Харьковской губернии нападшими на них петлюровцами⁵³⁹.

В некоторых случаях необходимость работать вынуждала исследовательниц разлучаться с детьми. Известно, что, например, Н.А.Белозерская после развода приняла решение отправить детей в деревню к своей матери. Весь год она жила в Петербурге, в трудных условиях, постоянно работая, но каждое лето проводила с детьми. Вскоре, по мере роста доходов, улучшения жилищных условий, Н.А.Белозерская забирала к себе подросших детей, чтобы обеспечить им лучшее столичное образование, а позднее даже усыновила и вырастила мальчика-

⁵³⁶ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII - середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. С. 421.

⁵³⁷ Хоткевич Г. Ефименкова // Збірник наук.-дослід. каф. іст. укр. культури. Харків, 1930. Т. 10. С. 37-43. С. 41.

⁵³⁸ Там же. С. 42.

⁵³⁹ Платонов С.Ф. Александра Яковлевна Ефименко: Некролог // Дела и дни. 1920. Кн.1. С.617–620.

сироту⁵⁴⁰. Примечательно, что в своей «Автобиографии» Н.А.Белозерская наибольшее внимание уделяет именно своему приемному сыну Александру Соколовскому – если родные дети ее были, фактически, воспитаны бабушкой, в то время как сама Н.А.Белозерская, из гордости не просившая у мужа денег на детей после развода, («с самонадеянностью молодости решила, что сама буду содержать их»⁵⁴¹) взяла на себя традиционно мужские семейные обязанности. Хотя она гордилась тем, что дочь ее удачно вышла замуж, а сыновья получили отличное образование (в Лесном институте и Медико-хирургической академии), больше всего она переживала за приемного сына, которого воспитывала и баловала с младенчества: исключенный из университета за участие в Первой всероссийской студенческой забастовке 1899 года («историю с нагайками»⁵⁴²), он стал артиллеристом и погиб в Порт-Артуре в 1904 году.

Частная жизнь женщин-историков второго поколения значительно изменилась по сравнению с их предшественницами: для этого поколения было характерно значительное снижение количества многодетных матерей (можно упомянуть лишь Т.А.Богданович (четверо детей), Н.В.Брюллову-Шаскольскую (трое), Т.Н.Козьмину-Бороздину (трое детей), более позднее время вступления в брак и, соответственно, отложенное во времени рождение детей. Необходимо заметить, что в некоторых случаях речь шла также и об ограничении количества детей (например, историк и активист женского движения Е.О.Лихачева, в отличие от своей подруги, многодетной матери Анны Сувориной, ограничилась рождением единственного сына). Откладывание беременности на более поздний срок становилось все более типичной практикой в советское время: так, например, историк Е.Н.Ошанина в своих дневниках неоднократно писала о проблеме выбора, который встал перед ней в конце 1930-х – 1940-х гг.: или рождение ребенка, или защита кандидатской диссертации⁵⁴³. По мнению

⁵⁴⁰ Белозерская Н.А. Автобиография. С.932.

⁵⁴¹ Там же. С.930.

⁵⁴² Там же. С.932.

⁵⁴³ Секенова О.И. Дневники историка Е.Н. Ошаниной как исторический источник по повседневности советских дипломатов в Китае в 1930-е годы // Женское и мужское в

Е.Н.Ошаниной, «совместить это невозможно, а Ж.⁵⁴⁴ говорит, что ребенка уже поздно. Просто ему не хочется нести ответственность и тяготы с этим связанные»⁵⁴⁵. Оставшись без поддержки мужа, Е.Н.Ошанина посчитала, что защита кандидатской диссертации после рождения ребенка будет слишком сложной задачей, тогда как степень кандидата наук в Советском Союзе могла обеспечить ей финансовое благополучие до конца жизни. История частной жизни Е.Н.Ошаниной показательна тем выбором, который стоял перед женщиной, стремившейся в науку: совмещение профессионального развития и материнства (гендерный контракт «работающая мать»), хотя и было общепризнано в советском обществе, для научных работников все равно было сопряжено со значительными сложностями. Необходимость работать над научным трудом в свободное от основной работы время и в отсутствие помощников по хозяйству превращалась для многих исследовательниц в непреодолимое препятствие для материнства. Во многих случаях душевные кризисы женщин, выбравших научную стезю, были связаны именно с нереализованной семейной жизнью или материнством. Единственный ребенок И.И.Любименко умер в младенчестве⁵⁴⁶, о своих страданиях также писала и успешный советский историк, в будущем академик, М.В.Нечкина (март 1940): «Я не хочу жить. Я хочу умереть. У меня ничего нет. Основное мое чувство, проникающее все – отчаяние. Я 15 лет думала, что если бы у меня все было нормально и был бы ребенок, я жила бы. Но сейчас уже поздно и ничего нет. Только отчаяние»⁵⁴⁷.

Таким образом, для представительниц первых поколений женщин-историков сам выбор профессии создавал пространство для возможного гендерного

традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание: Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Казань, 01 января – 31 2020 года. Казань: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2020. С. 294-298.

⁵⁴⁴ Супруг историка, Г.А.Новицкий.

⁵⁴⁵ Ошанина Е.Н. Личные дневники // ЦГА Москвы (Центральный государственный архив г. Москвы). Ф.Л-125.Оп.1. Д. 24. Л. 46.

⁵⁴⁶ Любименко И.И. Автобиография // СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л. 24.

⁵⁴⁷ «...И мучилась и работала невероятно»: дневники М. В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013. С.344.

конфликта: во второй половине XIX века занятия наукой мешали успешному выполнению традиционного гендерного сценария и встречали негативное отношение со стороны близких родственников (особенно матерей). Хотя многим исследовательницам замужество помогло с выбором и освоением профессии, браки с учеными также приводили к сокращению времени на собственные исследования (в приоритете была помощь супругу). Часть женщин-историков выбирали безбрачие как стратегию более удобную для их научных занятий и соответствующую их жизненным приоритетам, что в ракурсе российского женского движения второй половины XIX – начала XX вв. воспринималось современниками как общественно-политический проект.

По мере вхождения женщин в российскую академическую корпорацию историков изменялись и их жизненные приоритеты: уже в начале XX века многодетных матерей среди них было меньше, «ученые дамы» стали позже вступать в брак и откладывать рождение детей на более поздний срок. Хотя после Великой российской революции 1917 года государство декларировало равные возможности для мужчин и женщин, гендерный контракт «работающая мать» не решал проблемы самореализации женщин в профессии: сочетание научной работы и материнства в представлении многих исследовательниц было возможно только при условии наличия помощников или дополнительных средств к существованию.

§3. Профессиональный доход и паттерны экономического поведения русских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX вв.⁵⁴⁸

Великие реформы Александра II и возникновение в 1872 году первых Высших женских курсов открыли дорогу к образованию для многих девушек, мечтавших о научной карьере. Молодые исследовательницы сразу же столкнулись с серьезными финансовыми трудностями, войдя в ряды тех, кого Ф.М.Достоевский называл «тою многочисленною, вечно нуждающеюся и

⁵⁴⁸ Секенова О.И. Доход от профессиональной деятельности и паттерны экономического поведения русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX в. // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 201–214.

несчастною частью нашей учащейся молодежи обоего пола, которая, в столицах, по обыкновению, с утра до ночи обивает пороги разных газет и журналов, не умея ничего лучше выдумать, кроме вечного повторения одной и той же просьбы о переводах с французского или о переписке»⁵⁴⁹. Первые русские женщины-историки выделялись из этой группы: так же, как и их ровесники, многие из них были вынуждены параллельно с учебой или научными исследованиями зарабатывать на жизнь, но настойчивость, трудолюбие и стремление превзойти коллег в своей области позволили им добиться успеха и зарабатывать уже своими профессиональными умениями. Интерес к процессу вхождения женщин в русские академические корпорации касается не только их профессионального становления, но и различных сторон повседневной жизни, в полной мере отражающих те сложности, с которыми они сталкивались на своем пути.

В данном параграфе рассматриваются паттерны экономического поведения русских женщин историков XIX – первой половины XX вв., включающие практики заработка средств для удовлетворения материальных потребностей, распоряжение личными доходами и управление семейным бюджетом. Практики хозяйственного поведения и распределения бюджета академической интеллигенции на материале истории России XIX – начала XX вв. исследованы слабо (среди редких удачных примеров особенно хочется выделить работу А.Л.Зорина и Е.С.Корчминой⁵⁵⁰, анализирующих структуру доходов и трат историка Н.М.Карамзина во время его заграничного путешествия – пристальное внимание к этим деталям создает глубокий анализ не только повседневности, но и мировоззрения путешествующего историка). Нечасто изучается и повседневное экономическое поведение в истории академического сообщества советского периода: исследования, анализирующие материальное положение, льготы и привилегии ученых советской эпохи, принадлежат Н.Л.Пушкаревой⁵⁵¹,

---

⁵⁴⁹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: АСТ, 2008. С.18.

⁵⁵⁰ Zorin A., Korchmina E. S. Karamzin and Money// Cahiers du Monde Russe. 2018. Vol. 59. No. 1. P. 117-140.

⁵⁵¹ Пушкарева Н.Л. Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских ученых в 1921-1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69-82.

О.А.Вальковой⁵⁵², Е.А.Долговой⁵⁵³, отдельные экономические практики как маркер изменения статуса ученого (например, решение научными работниками жилищного вопроса) рассматривались Л.А.Сидоровой⁵⁵⁴.

В эго-документах русских женщин-историков вопросы семейного бюджета зачастую занимают важное место: мало писали денежных делах только дамы обеспеченные (например, графиня П.С.Уварова, унаследовавшая состояние мужа, или первая преподавательница русской истории на Высших женских курсах, поддерживаемая отцом – успешным чиновником Е.Н.Щепкина). Для остальных первых русских женщин-историков финансовые вопросы были важны: во-первых, они нередко стояли перед выбором: следовать традиционной гендерной модели и быть полностью обеспеченными сначала отцом, потом мужем или выбрать путь свободы, заняв место в мужском академическом мире, но отказавшись при этом от мужской поддержки. Также именно через заработок они ощущали собственную эмансипацию, постепенное признание в научном сообществе и независимость от мужей и отцов.

Примечательно, что в мемуарных текстах, опубликованных в дореволюционную эпоху, исследовательницы не стеснялись делиться подробностями своего материального положения даже с самой широкой аудиторией: подробно описывали не только трудности своего труда, но и материальное вознаграждение за него. В текстах воспоминаний исследовательниц советской эпохи, опубликованных уже в 1990-е – 2000-е гг. гораздо реже встречаются упоминания о финансовой стороне: разговоры о материальном видятся мемуаристкам неприличными, по изменению материального положения семьи исследовательниц получается следить по косвенным признакам –

---

⁵⁵² Валькова, О. А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века - 30-е годы XX века // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи - СССР (конец 1880-х - 1930-е годы). Москва : Редакция журнала "Новое литературное обозрение", 2012. С. 809-848.

⁵⁵³ Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е гг. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), 2020.

⁵⁵⁴ Сидорова Л.А. "Эффект Матфея" в советской исторической науке 1920-1930-х гг. // Российская история. 2017. № 4. С. 84-102.

улучшению жилплощади, возможности поехать в зарубежную командировку или иным нематериальным привилегиям, типичным для советских ученых⁵⁵⁵.

Источники профессионального дохода первых русских женщин-историков: исследовательская работа как бизнес-проект. О том, что профессиональные занятия историей стали выходом из тяжелого финансового положения, писали сразу несколько женщин-историков первого поколения. Так, А.О.Ишимова (1804-1881), создательница знаменитой «Истории России в рассказах для детей», в четырнадцатилетнем возрасте последовала за отцом, чиновником, проигравшим судебную тяжбу родственнику всесильного государственного деятеля А.А.Аракчеева, в ссылку в Усть-Сысольск (сегодня – Сыктывкар), а затем в Никольск (сегодня – город в Вологодской области), где познала настоящие лишения: «Квартира, которая давалась нам от города и отводилась по выбору городничего, состояла из двух комнат в нижнем этаже вровень с землею, городничий уверял, что это только на несколько дней и что дана будет лучшая квартира, но эти несколько дней продолжались с полгода. Наконец дана была другая, но в этой другой, с наступившей зимою было так холодно, что и родители наши, и мы с братом не снимали теплых сапогов, ни даже шуб наших»⁵⁵⁶. Казенного содержания отцу назначено не было, и все семейство осталось без средств к существованию. Кроме того, семья Ишимовых постоянно меняла место ссылки. В этих условиях задачей Александры Осиповны было освоить профессию, которая могла бы приносить более или менее постоянный доход. Сначала она попробовала открыть пансион, в котором было до 20 учеников, каждый из которых платил учительницам 12 рублей в месяц, затем занялась частными уроками и переводами популярной литературы. Необходимо отметить, что работа над каждым из переводов длилась долго (до 1 года), и гонорара за предыдущий перевод при этом хватало на приличную жизнь не только самой А.О.Ишимовой, но и ее родителей. Значительную часть прибыли

⁵⁵⁵ Пушкарева Н.Л. Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских ученых в 1921-1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69-82. С.70-72.

⁵⁵⁶ Быков П.В. Русские женщины-писательницы. А.И.Ишимова // Древняя и новая Россия. 1878. Т.2. №8. С.316-321. С.318.

А.О.Ишимова тратила на свое обучение – наняла лучшего преподавателя английского языка в Санкт-Петербурге, надеясь тем самым стать еще более востребованной на рынке труда: если французский язык знали многие, и недостатка в переводчиках не было, то переводчики с английского встречались гораздо реже. За книгу «История России в рассказах для детей» А.О.Ишимова получила ежегодную пенсию от императрицы (400 рублей) и почетную неправительственную награду – Демидовскую медаль (и половинную премию) в области педагогики в 1840 году⁵⁵⁷ (2500 рублей). Примечательна структура распределения финансовых ресурсов: не получив систематического образования, А.О.Ишимова, тем не менее, постоянно тратила значительные суммы на свое развитие, при этом обеспечивая и себя, и престарелых родителей.

Другим примером того, как первые русские женщины-историки зарабатывали исследовательской работой, была деятельность Н.А. Белозерской. В 1867 году она приняла решение уйти от мужа, и вынуждена была думать о том, как прожить в Петербурге с тремя детьми, кроме того, у нее в планах было обеспечить им образование. Ее решение было таким: детей Н.А.Белозерская отвезла в имение матери, сама поселилась в Петербурге у подруги (вместе снимали меблированную комнату, хозяин которой «пил запоем») и начала зарабатывать частными уроками и переводами, готовилась к сдаче экзамена на звание домашней учительницы. Хотя преподавание приносило ей больше удовольствия, переводческая работа ценилась больше – можно было работать дома, а не тратить время на дорогу к ученикам. Жили подруги голодно и бедно: «обыкновенно на обед выдавался на всех вместе с прислугой один рубль. Обед состоял из небольшого количества супа с крупой, довольно водянистого, и из разваренной в супе говядины с картофелем, или с рисом, или с брюквой. Ели усердно, потому что завтрака и ужина не полагалось; кроме того, уничтожали много хлеба за чаем»⁵⁵⁸. Хотя Н.А.Белозерская могла бы экономить на прислуге,

⁵⁵⁷ Общий обзор Демидовских наград за все время их существования с 1831 по 1864 год // Тридцать четвертое, и последнее, присуждение учреждённых П. Н. Демидовым наград. СПб., 1866. С. 21—56.

⁵⁵⁸ Белозерская Н.А. Автобиография. С.931.

ее пятнадцатилетняя горничная «объявила, что не расстанется со мной, и будет служить без жалованья, да и я (Н.А.Белозерская) не могла себе представить, что можно жить без горничной, но скоро поняла»⁵⁵⁹. Переводов становилось все больше – рабочий день Н.А.Белозерской длился 14 часов, а летом она устраивала себе отпуск на три месяца – уезжала к детям в деревню. Уже через несколько лет Н.А. Белозерская посчитала себя «совсем богатой», получая до 80 рублей в месяц, и перевезла двух старших детей и младшую сестру в город на отдельную квартиру. Хотя жили они в сырых и темных квартирах, без конца меняли их, терпели всякие лишения, уровень жизни постепенно рос⁵⁶⁰. Н.И.Костомаров отдавал ей третью часть своих доходов, что, судя по автобиографии исследовательницы, составляло весьма приличную сумму. Единственным минусом стало то, что когда через пять лет Н.И.Костомаров отказался от ее услуг, «пришлось начинать заново. Уроки, литературные работы ушли от меня – просить работы, хлопотать о себе было тяжело»⁵⁶¹. В 1893 г. Надежда Александровна стала первой женщиной, получившей престижную Уваровскую премию⁵⁶² для историков за свою работу о литераторе В.Т.Нарежном⁵⁶³. По ее признанию, денежной премии (1500 р.) хватило только на выплату многочисленных долгов – после этого она опять осталась без средств. Впрочем, Н.А.Белозерская в конце жизни гордилась тем, что смогла самостоятельно обеспечивать не только троих родных детей, но и усыновленного сироту.

Говоря о женщинах-историках первого поколения, хочется отметить, что если для С.К.Брюлловой, Е.О.Лихачевой, П.С.Уваровой, выросших в состоятельных и знатных семьях, исторические исследования были хобби и способом самореализации, то для А.О.Ишимовой, А.Я.Ефименко, Н.А.Белозерской, П.Я.Литвиновой, О.А.Петерсон занятия историческими

⁵⁵⁹ Там же. С.930.

⁵⁶⁰ Там же. С.932.

⁵⁶¹ Там же. С.933.

⁵⁶² Барыкина И.Е. Академические благотворительные премии и награды XVIII - начала XX века // Благотворительность в истории России: новые документы и исследования. СПб.: Нестор-история. 2008. С.228-244. С. 233.

⁵⁶³ Белозерская Н.А. Василий Трофимович Нарезный: Ист.-лит. очерк Н. Белозерской, удостоен. Увар. премии в 1893 г. 2-е изд., испр. и доп. СПб: Л.Ф. Пантелеев, 1896.

исследованиями, наряду с иной преподавательской или литературной работой (статьи, рецензии, переводы) были одним из основных источников дохода. Выделяется из этой среды Е.Н.Щепкина (1854-1938). Будучи единственной дочерью Уфимского, после Архангельского губернатора⁵⁶⁴, Правительственного комиссара Кавказских минеральных вод Н.П.Щепкина, Е.Н.Щепкина не нуждалась в деньгах. Именно поэтому она не могла позволить себе работать в любом учебном заведении для девочек – ведь тем самым она отобрала бы возможность заработка для любой другой образованной, но небогатой женщины⁵⁶⁵. Поэтому Е.Н.Щепкина постоянно получала историческое образование (на Московских, затем Петербургских Высших женских курсах, затем в Сорбонне), и была первой женщиной, приглашенной преподавать на Высших женских курсах (из-за отсутствия конкуренции на преподавательские места среди первых выпускниц курсов, Е.Н.Щепкина не чувствовала угрызений совести). Историк С.К.Брюллова, дочь К.Д.Кавелина, также была очень обеспеченной, но мечтала о трудовой жизни. Поэтому в 1870 году она устроилась в ту же гимназию, где училась сама, и получала жалованье – 200 рублей за 5 уроков в неделю. Из этой суммы 50 рублей она вносила в ссудную кассу при гимназии, а на 150 рублей содержала в гимназии трех бедных учениц⁵⁶⁶.

Жалование преподавательниц истории на Высших женских курсах в Москве и Петербурге было выше, чем в самых известных петербургских гимназиях. Так, после получения звания профессора, А.Я.Ефименко (1848-1918) получала жалованье 300 рублей в месяц (во время избрания Александры Яковлевны на должность профессора, С.Ф.Платонов особенно настаивал на этом, говоря о необходимости А.Я. содержать всех детей и больного мужа⁵⁶⁷). Другие преподавательницы зарабатывали не меньше, чем коллеги-мужчины (жалованье

⁵⁶⁴ Кантимирова Р.И. Проект уфимского губернатора П. А. Полторацкого (1883-1889) по совершенствованию работы органов местного управления // Научный диалог. 2018. №6. С.143-153. С.145.

⁵⁶⁵ Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 102-107.

⁵⁶⁶ Корсаков Д.А. К. Д. Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1887. №4. С.457-488. С.483.

⁵⁶⁷ Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 58.

за работу на курсах составляло от 200 рублей в месяц, в зависимости от рабочих часов)⁵⁶⁸. Совмещая работу в разных учебных заведениях или увеличивая свою учебную нагрузку, преподаватели могли зарабатывать до 400 рублей в месяц (исследователь профессорской корпорации Петербурга Е.А.Ростовцев приводил следующие цифры: за работу в университете ординарный профессор получал 3000 рублей в год, экстраординарный – 2000 рублей⁵⁶⁹). Средняя заработная плата женщин-преподавателей в средних учебных заведениях была 900 рублей в год⁵⁷⁰ (при неизмеримо более высокой преподавательской нагрузке, не оставлявшей времени для исследовательской работы, которая, в свою очередь приносила прибыль – обилие популярных исторических журналов, их высокая конкуренция за качественные и хорошо написанные тексты на историческую тематику давали женщинам дополнительную возможность зарабатывать). На Московских высших женских курсах система оплаты была аналогичной – этнограф Е.Е.Елеонская получала 400 рублей за 4 часа занятий, а этнограф В.Н.Харузина – 237 рублей за 1 час лекций и один час семинаров⁵⁷¹. Необходимо отметить, что женщины, преподававшие иностранные языки на Московских высших женских курсах, получали за ту же или большую нагрузку меньше (100-150 рублей).

«Не съест ли кусок хлеба меня сама?»: экономические трудности второго поколения русских женщин-историков. Представительницы второго поколения русских женщин-историков, с одной стороны, использовали карьерные пути, уже освоенные своими предшественницами в несравненно более сложных условиях. Тем не менее, для женщин-историков второго поколения конкуренция была гораздо более высокой. Все более серьезные требования к профессионализму женщин, желавших стать исследователями, вынуждали их к большим денежным вложениям на начальном этапе – петербургская профессура,

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX - начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. С.123.

⁵⁷⁰ Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 58.

⁵⁷¹ Требовательные ведомости историко-филологического отделения МВЖК // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 1. Д. 126. Л. 21-26 (об.).

оставлявшая лучших курсисток при курсах «для усовершенствования в изучении»⁵⁷² (по аналогии с «оставлением при университете для приготовления к профессорскому званию» выпускников университетов) при этом настойчиво рекомендовала им ехать учиться за границу хотя бы на 1 год для повышения своей квалификации. Хотя профессора старались помочь девушкам, обеспечивая некоторым из них стипендии для обучения за границей, нередко случались накладки, связанные с противодействием Министерства просвещения, и бывшие курсистки могли остаться одни в чужой стране без средств к существованию⁵⁷³. В итоге, хотя формальных ограничений для присутствия женщин в качестве исследователей и преподавателей на курсах становилось все меньше, добиться успеха в исследовательской деятельности могли в первую очередь те девушки, которые уже были обеспечены и чей профессиональный выбор одобряли родители (много исследовательниц вышло из профессорских семей – О.А.Добиаш-Рождественская, И.И.Любименко, М.И.Лот-Бородина, Е.Ч.Скржинская). Примером того, как строили карьеру те исследовательницы, у которых не было начального капитала и которые были вынуждены зарабатывать на пропитание во время учебы, была Наталья Давыдовна Флиттнер (1879-1957): «Кончая институт, я не строила себе иллюзий на будущее, я знала, что мне придется работать усиленно ради хлеба насущного. Но где-то в отдаленном будущем передо мной вставали миражи дальних стран, мне слышался гул морских валов, великие имена Гумбольдта, Шлимана и их славные судьбы сулили и мне возможности иной работы, чем преподавание немецкого языка в церковной школе, открывали безграничные горизонты впереди»⁵⁷⁴, - с этими мыслями Н.Д.Флиттнер при поддержке отца пошла учиться на Высшие женские курсы. Многие занятия ей приходилось пропускать: после болезни и смерти отца-медика именно ей, как старшей дочери, пришлось содержать семью, бегая по урокам (мать вела общее хозяйство). В 1900-1901 гг. частными уроками ей удавалось

⁵⁷² Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 2

⁵⁷³ Там же. Л. 94

⁵⁷⁴ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 223-224.

заработать около 20 рублей в месяц, 30 рублей считались очень высокой зарплатой. Даже во взрослом возрасте, Н.Д.Флиттнер полностью подчинялась воле матери в вопросах заработка и расходов (ей было уже 32 года, а мать продолжала контролировать ее личные деньги и попрекала раздачей денег в долг). Весь основной заработок от работы в двух учебных заведениях (гимназии и женском коммерческом училище Хворовой) она отдавала в общую семейную кассу (на хозяйство, приданое младшим сестрам), а средства от дополнительной работы (частных уроков) копились на поездку на учебу в Берлин по протекции научного руководителя, египтолога Б.А.Тураева и на иные личные расходы. Мать Н.Д. упрекала ее, что та «набирает работы сверх сил»⁵⁷⁵, при этом Н.Д.Флиттнер с горечью вспоминала, как мать не дала ей (в тот момент тридцатидвухлетней) 60 копеек на развлечение – посещение лекции Андрея Белого, и пришлось их занимать у прислуги⁵⁷⁶. В целом, развлечения (поход в театр, на лекцию или в кондитерскую) исследовательница позволяла себе не чаще 1 раза в месяц, а чтобы купить книгу, бегала между уроками в разных концах Петербурга пешком. Все небольшое свободное время Н.Д.Флиттнер тратила на изучение египтологии в кружке Б.А.Тураева. Понимая, что не сможет отказаться от работы из-за семьи и личных целей, нередко она все же задумывалась: «Обычная вещь для каждого человека есть свой кусок хлеба, вот менее обычно для человека спрашивать себя: а не съест ли кусок хлеба меня саму?»⁵⁷⁷. В результате, план Н.Д.Флиттнер все же оказался успешным: она неоднократно ездила в научные командировки в Германию, смогла защитить магистерскую диссертацию в Санкт-Петербургском университете и, в конце концов, уже в 1917 году исполнилась ее мечта – она получила работу в Эрмитаже.

Оптимистичные воспоминания Н.Д.Флиттнер о революционных годах, наполненные радостью от творческой самореализации, резко контрастируют с мемуарными текстами ее коллег. Почти у всех исследовательниц с приходом советской власти резко ухудшилось финансовое положение. Те из

⁵⁷⁵ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 73.

⁵⁷⁶ Там же. Л. 173.

⁵⁷⁷ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 66.

исследовательниц, кто приняли решение не эмигрировать из России и не менять сферу деятельности, резко ощутили на себе новые жизненные реалии: отсутствие литературной и преподавательской работы, голод, жизнь без прислуги – все это мешало творческому процессу женщин-историков. И.И.Любименко, исследователь англо-русских отношений в раннее новое время, писала в дневнике о тяжелых 1918-1920 годах: «Два с половиной года без прислуги, когда я была физической работницей в доме, утомили меня физически»⁵⁷⁸, а к продуктивной творческой работе вернулась только после устройства бытовых условий. Женщины-интеллектуалки вели режим жесткой экономии, распорядясь семейным хозяйством (например, дочь математика Н.И.Нюберга Ия Николаевна вспоминала о натянутых отношениях своей матери и бабушки по отцу, историка и преподавателя латыни и древнегреческого Софьи Николаевны Нюберг-Кашкиной: жившая у нее в качестве прислуги Мария фон Польман (девушка «из бывших»), которая впоследствии вышла замуж за сына хозяйки) в 1921 году была поражена, что столь образованная и знатная дама заставляла ее штопать чулки – по ее мнению, их следовало не штопать, а выбрасывать⁵⁷⁹.

Семейный бюджет советской женщины-историка по тетрадам доходов и расходов М.В.Нечкиной. Тяжелое финансовое положение научных работников начало изменяться к лучшему в середине 1920-х гг. Историческим источником, раскрывающим для нас методы ведения семейного бюджета русских женщин-историков, являются тетради с записями доходов и расходов. Зачастую подобные тетради не сохранялись в семейных архивах, а уничтожались через несколько лет как не нужные более, поэтому каждая такая архивная находка является важной для историка повседневности. Тетради за 1926 и 1927 гг. сохранились в архиве будущего академика, замечательного историка М.В.Нечкиной. В 1926 году она вышла замуж за химика Д.А.Эпштейна и начала вести семейный бюджет, сталкиваясь с определенными трудностями. Записи доходов и расходов велись нерегулярно (иногда отмечалась каждая мелочь, иногда, наоборот, записи долгое

⁵⁷⁸ Любименко И.И. Личные дневники // СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214. Л. 336.

⁵⁷⁹ Нюберг И.К. Доисторическое // Сайт «Семейная мозаика». URL: <http://rautian.ru/?story&id=830> (дата обращения: 1.12.2020).

время не велись). М.В.Нечкина вела эти тетради очень эмоционально, нередко сухая информация о доходах и расходах иллюстрировалась метким комментарием, многое рассказывающим об отношениях в семье. Очевидно, что главной целью ведения записей о семейном бюджете для М.В.Нечкиной была необходимость экономить. Тетрадь приходов и расходов фиксировала, во-первых, нерегулярность доходов молодой семьи научных работников (и М.В.Нечкина, и Д.А.Эпштейн работали сразу в нескольких местах, иногда получали гонорары за публикации), во-вторых, то, что вклад в семейный бюджет молодых супругов был разным. М.В.Нечкина язвительно отмечала трудности при попытках просить у мужа денег («Додка дал из НКП⁵⁸⁰ (я выплакала, а то не давал) 70 р.», «Додка дал из своей зарплаты в НКП за первую половину октября (сам дал!) 75 р.», «Додка схватил со злобой на книги для доклада 5 р.», «Додка дал червонец “на виноград” (а мне слышалось “в награду”»», «Додка подал 12 коп.», «У Додки “выменяла” на пятирублевку без отдачи последней 3 р.», «Додка дал из обоих жалований (о ужас – 70 р.)»⁵⁸¹. Зарплата молодой семьи научных работников была на уровне и даже немного выше средней зарплаты служащих (и значительно выше зарплаты рабочих в промышленном секторе⁵⁸² - в среднем месячная зарплата обоих ученых была по 90 рублей, но в удачный месяц, при учете всех гонораров семейный доход мог достигать 500 рублей на двоих в месяц. Денег при этом постоянно не хватало. Д.А.Эпштейн и М.В.Нечкина не стеснялись брать в долг у знакомых небольшие суммы, но и охотно, в свою очередь, финансово помогали друзьям. Отдельной и регулярной статьей бюджета семьи была помощь родителям (при этом М.В.Нечкина ежемесячно отсылала в Казань деньги матери и ухаживавшей за ней старенькой няне Фене – не менее 60 рублей (чаще 80 или 100), а родителям мужа – 40 рублей). Также регулярными статьями расходов были походы в театр

⁵⁸⁰ Народный комиссариат просвещения.

⁵⁸¹ Нечкина М.В. Записи доходов и расходов. 2 тетради // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 272. Л. 10-61.

⁵⁸² Головин С.А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20-30-е годы XX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №66. С.177-186. С.179.

или кино, покупка книг по профессии (уходило 4-5 рублей в месяц⁵⁸³) и иных материалов для работы (бумага, каталожный ящик, карточки, химический халат). Принципиальной позицией молодой семьи было использование труда прислуги (девушки, которая стирала, убиралась и готовила, а также полотеру, столяру и иным работникам). «На стряпню» прислуге выдавали от 2 до 5 рублей в день. От прислуги никогда не отказывались (переехав в Москву из Казани, М.В.Нечкина, даже живя одна, пользовалась услугами домашней работницы) – не отвлекаясь на домашние дела, историк могла гораздо больше времени уделять научной работе, и, соответственно, лучше зарабатывать. Хотя далеко не все расходы фиксировались, М.В.Нечкина отдельно обозначала покупку дорогих продуктов питания: шоколада британской фирмы «Наполитен», икры, мандаринов, винограда, лососины. Возможность купить зимнюю одежду или мебель у семьи появлялась только после получения гонорара за статьи.

Изредка молодая семья научных работников могла позволить себе предметы роскоши. Так, в 1927 году, М.В.Нечкина решила купить мужу в подарок фотоаппарат (стоил «почти 100 рублей – 92 р. 50 к.»⁵⁸⁴ - т.е. эквивалентно месячной зарплате Милицы Васильевны). Писала она о своей покупке так: «Вы и Яков лопнете - ты от счастья, Яков от зависти», «в момент решения его купить у меня было 40 рублей, я заняла 50 у мамы и купила, и в тот же день ты, поддерживая свою репутацию идеального мужа, прислал мне 70. Из них я 40 отдала маме...»⁵⁸⁵. В целом, постепенный карьерный рост и государственная политика по поддержке научных работников⁵⁸⁶ серьезно отражались на повседневной жизни ученых: росла их покупательная способность и стремление приобретать красивую мебель, редкие книги (М.В.Нечкина, смеясь, называла это

⁵⁸³ Нечкина М.В. Записи доходов и расходов. 2 тетради // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 272. Л. 61.

⁵⁸⁴ Нечкина М.В. Письма Эпштейну Давиду Аркадьевичу, мужу, д.х.н., академику АПН СССР // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 24.

⁵⁸⁵ Там же. Л. 26.

⁵⁸⁶ Пушкарева Н.Л. Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских ученых в 1921-1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 80-82.

в письмах мужу «моя мелкобуржуазная натура»⁵⁸⁷ и удивлялась тому, «каким количеством барахла могут обладать два человека»⁵⁸⁸. Во многом благодаря высоким доходам семье ученых удавалось избегать конфликтов: при тяжелых финансовых условиях М.В.Нечкина не готова была терпеть неравный вклад в семейный бюджет, типичный для семей советских академиков, в которых жена занималась домашним хозяйством. Пример семьи Д.А.Эпштейна и М.В.Нечкиной нельзя назвать абсолютно типичным для советских научных работников: все же женщины в научной среде крайне редко достигали звания академика. Тем не менее, тетрадь доходов и расходов иллюстрирует те финансовые вызовы, с которыми в большей или меньшей степени сталкивались все женщины-историки XIX – начале XX вв.: нерегулярность доходов, необходимость жестко разграничивать профессиональную деятельность и домашние обязанности, и, в то же время, основная ответственность за экономические проблемы в семье, лежащая на женщине, а не на мужчине.

Таким образом, можно выделить следующие особенности экономического поведения женщин-историков XIX – начала XX вв.: представительницы первого поколения зачастую воспринимали занятия наукой как аналог литературной работы или предпринимательской деятельности, главными проблемами для них были необходимость найти возможности для возмездной публикации, для чего необходимо было повышать свою конкурентоспособность – осваивать новые языки, обучаться методам исторических исследований. Представительницы второго поколения русских женщин-историков, вынужденные работать в условиях более жесткой конкуренции, как с мужчинами, так и с однокурсницами, также были вынуждены серьезно вкладываться в свое образование. В конце XIX – начале XX вв. институционализировалось участие женщин в академической среде, поэтому лучшие из них получили возможность работать преподавательницами на Высших женских курсах, что обеспечивало им гораздо больший уровень дохода, тогда как профессиональные издания продолжали

---

⁵⁸⁷ Нечкина М.В. Письма Эпштейну Давиду Аркадьевичу, мужу, д.х.н., академику АПН СССР // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 166.

⁵⁸⁸ Там же. Л. 153 (об.).

осторожно относиться к публикационной активности женщин. Почти у всех исследовательниц с приходом советской власти резко ухудшилось финансовое положение и лишь немногие из них смогли сохранить преподавательскую работу. Лишь в середине 1920-х гг. уже представительницы третьего поколения женщин-историков, относившихся к «красной профессуре» почувствовали на себе улучшение материального положения ученых: тем не менее, социальная нестабильность и необходимость совмещать научную работу со «второй сменой» работы по дому продолжала негативно влиять на профессиональный рост и развитие многих женщин-ученых довоенной эпохи.

§4. Свободное нерабочее время первых поколений российских женщин-историков

Одной из важных проблем истории повседневности женщин в академическом сообществе является вопрос сочетания и баланса рабочего и свободного времени. Восприятие занятий наукой как досугоподобной формы деятельности и бесконечного интеллектуального отдыха затрудняет анализ бюджета времени первых поколений женщин-историков, ведь даже о том, что считать отдыхом и досугом, согласованного мнения в гуманитарных науках нет⁵⁸⁹. Британская историография досуга обычно оперирует множеством понятий: *leisure (досуг)*, *spare time (свободное время)*, *recreation (отдых)*⁵⁹⁰. Далеко не все авторы согласны с тем, что при изучении структур повседневности можно ставить знак равенства между понятием «досуг» и «свободное время»⁵⁹¹. Современные культурно-антропологические исследования призывают разделять объекты исследования досуга следующим образом: досуг как время, досуг как активность

⁵⁸⁹ Aitchison C. C. Poststructural feminist theories of representing others: A response to the “crisis” in leisure studies discourse. // *Leisure Studies*. 2000. 19(3). P. 127–144. P. 127-130.

⁵⁹⁰ Lowerson J., Myerscough J. *Time to Spare in Victorian England*. Harvester Press. 1977; Sylvester C. *Leisure, science, and religion in seventeenth-century England* // *Leisure Sciences*. 1994. № 16. P. 1-16; Cunningham H. *Leisure* // *The Working Class England, 1875-1914*. London: Croom Helm, 1985. P.133-164; Cunningham H. *Leisure in the Industrial Revolution c1780-c1880*. London: Croom Helm, 1980; Borsay P. *A History of Leisure. The British Experience since 1500*. New York: Palgrave Macmillan. 2006.

⁵⁹¹ Silk M., Caudwell J., Gibson H. Views on leisure studies: pasts, presents & future possibilities? // *Leisure Studies*. 36:2. 2017. P. 153-162.

и досуг как личностный опыт⁵⁹². В российской культурологии традиционно принято понимать досуг через функции рекреации, развлечения и развития, причем для людей творческих профессий особо значимым считается отдых путем актуализации интеллектуальных и творческих навыков⁵⁹³. Тем не менее, гендерный поворот в культурологических и исторических исследованиях дал понять (через осознание «невидимости домашней работы»), что далеко не все свободное время может быть использовано женщиной для отдыха⁵⁹⁴ (в работе авторов теории «второй смены» А.Хокшилд и Э.Мачун применяется остроумный термин *leisure gap* («разрыв в досуге») по аналогии с *wage gap* (разрывом в зарплате между мужчиной и женщиной)⁵⁹⁵. В любом индустриальном обществе представительница любой профессии, добивавшись возможности трудиться и получать зарплату наравне с мужчинами, не получала освобождения от домашнего труда и продолжала тратить на него свое свободное время⁵⁹⁶. В данный момент этот разрыв постепенно сокращается не только в количественном, но и в качественном смысле: женщины стремятся осваивать все новые и новые формы досуга, независимо от соответствия способов проведения свободного времени общепринятым гендерным стандартам⁵⁹⁷ (только в этом случае досуг женщины будет способен выполнить свою основную рекреационную функцию⁵⁹⁸). Важным аспектом изучения антропологии женского досуга в исторической перспективе становится пространство досуговых практик. Теория

⁵⁹² Heimtun B. Leisure, women and gender // *Annals of Leisure Research*. 2014. 17. P.115-116.

⁵⁹³ Стрельцов Ю.А. Культурология досуга. М.: МГУКИ, 2003. 297 с.; Волобуева Л.Н. Досуг в структуре образа жизни. Философско-культурологические аспекты. Автореф. дис. ... канд. филос. н. М., 2004. 18 с. С.16.

⁵⁹⁴ Henderson K. A., Bialeschki M. D., Shaw S. M., & Freysinger V. J. Both gains and gaps: Feminist perspectives on women's leisure. State College, PA: Venture Publishing, Inc. 1996. 337 p. P.6-8.

⁵⁹⁵ Hochschild A., & Machung A. The second shift: Working parents and the revolution at home. New York, NY: Viking. 1989. 348 p. P.4.

⁵⁹⁶ Малышева С.Ю. Рождение досуга: возникновение и эволюция понятия в XIX веке // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М.: НЛЮ, 2013. С. 173-188.

⁵⁹⁷ Wimbush E., Talbot M. Relative freedoms: Women and leisure. Milton Keynes, UK: Open University Press. 1988. P.10-13.

⁵⁹⁸ Hochschild A., Machung A. The second shift: Working parents and the revolution at home. New York, NY: Viking. 1989. P.151.

«своей комнаты» В.Вулф⁵⁹⁹ вполне применима и к проблеме женского досуга – женщины, лишенные приватности, особенно нуждались в свободном времени в одиночестве, получить которое было зачастую невыполнимой задачей. Обычные практики и пространство досуга характеризуют не только степень эмансипации, но и степень внутренней свободы женщин прошлых эпох: их стремление преодолевать гендерные границы во всех аспектах повседневной жизни наталкивалось на препятствия даже в области рекреационных практик. Одним из таких препятствий была необходимость тратить свободное нерабочее время на организацию семейного хозяйства.

Домашние дела в нерабочее время: помощь домашних работниц⁶⁰⁰.

Возникнув в древности в результате отделения рабочего места от жилища, домашний труд при разделении работы на видимую, вознаграждаемую, и невидимую, принимаемую как должное, попал во вторую категорию. Он оставался «невидимым» (а подчас и не проговоренным), пока его выполнял кто-то из членов семьи⁶⁰¹, как правило, женщина. Со времен возникновения частной собственности высокий достаток был основанием для найма помощников в работе по дому. Традиция предполагала большее взаимодействие с этими помощниками именно женщин⁶⁰², ее следствием оставалось распределение семейных ролей в привилегированных сословиях русского общества и на рубеже XIX-XX вв., в том числе в семьях российских ученых. Женщины больше, чем их мужья, взаимодействовали с прислугой; эго-документы доказывают «особость» взаимоотношений хозяек и помощниц, эмоционально-окрашенное отношение к домашнему труду, равно как постоянное желание делегировать кому-то хоть часть его.

⁵⁹⁹ Woolf V. A Room of One's Own. London: Hogarth Press. 1935. P.4.

⁶⁰⁰ Пушкарева Н.Л., Семенова О.И. "Занималась хозяйством": домашние работницы в повседневной жизни российских женщин-историков первой половины XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 4(51). С. 5-15.

⁶⁰¹ Burnett J. Annals of Labour: Autobiographies of British Working Class. Bloomington, 1974. P.135.

⁶⁰² Ярская-Смирнова Е.Р. Домашний труд // Словарь гендерных терминов. М.: Информация-XXI век, 2002. С. 88-90; Веремченко В.А. «Дура в доме». Женская домашняя прислуга в дворянских семьях России вт. пол. XIX – нач. XX в. // Адам и Ева. 2013. N 21. С. 241–273.

Профессиональное стремление женщин высших классов было, таким образом, обеспечено низкооплачиваемым трудом «работавших в частном услужении»; это обычное внутригендерное неравенство - средство избегания конфликта полов (и потому так редки были попытки вовлечь в эту сферу мужей, мужчин). Великий большевистский эксперимент 1917-1927 гг. (революция, Гражданская война, годы НЭПа) перевернул привычный образ жизни всех социальных слоев. Отказавшиеся от эмиграции и вынужденные приспособляться к новым житейским обстоятельствам, российские женщины-ученые должны были взять на себя бытовые вопросы организации повседневной жизни, что тут же сказалось на объемах и результатах их исследовательской работы⁶⁰³. Привычка использовать наемный труд не исчезла, но число помощниц сократилось, и они все более обучались умению формулировать свои права⁶⁰⁴. С началом коллективизации, погнавшей значительные женские массы из деревни и город, институт прислуги окреп. Услугами помощниц стали пользоваться жены работников номенклатуры, а потом и служащие⁶⁰⁵. Термин *прислуга* ушел из обиходной речи; его заменили на «идеологически выдержанный» - *дом(ашняя) работница*. Наемный домашний труд не был ни осужден, ни вытеснен в сектор неформальной экономики, он стал частью экономики социалистической и частью домашнего быта лиц умственного труда⁶⁰⁶.

Интеллектуальный труд в годы советской власти (как и в дореволюционную эпоху) был маркером принадлежности к элите; женщины, происходившие из дворянского сословия и мещан, занятые в годы советской власти научной работой, считали найм домашней прислуги нормальной практикой. Е.Н.Ошанина писала: «очень трудно жить совсем одной: масса хлопот, чтобы накормить себя

⁶⁰³ Пруссак А.В. Автобиография // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 3.

⁶⁰⁴ Клоц А. Домашняя прислуга как социальной феномен эпохи сталинизма. Пермь, 2012. С.23.

⁶⁰⁵ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. Город. М.: РОССПЭН, 2001. С.121-122.

⁶⁰⁶ Ткач О. Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта// Новый быт в современной России. СПб., 2009. С.137-188. С. 137, 148.

вечером, и много времени тратится на это»⁶⁰⁷. В отношении найма домашней прислуги работницы интеллектуального труда (в нашем распоряжении эго-документы прежде всего женщин-историков, чей образ профессионального быта предполагал работу в архивах, библиотеках и дома) следовали, как мы видим, традиции, идущей от дореволюционного быта привилегированных сословий⁶⁰⁸. Десятилетия советской власти не вытравили этой памяти, так что и в 1950-е гг. в семьях научных работников ценилась старая дореволюционная прислуга 1900-1910 гг. рождения, помимо деловых качеств, имевшая долговременную эмоциональную связь с семьями, в которых работала. Но и годы революционной ломки внесли заметные перемены в «историю найма прислужниц». Далеко не всем интеллектуалкам удавалось найти домработницу из «бывших». Куда чаще попадались бывшие крестьянки и мещанки, считавшие своих работодательниц «кровососами»: таковым было следствие попыток «осовечивания» прислуги и попыток легально встроить этот род деятельности в советскую экономику⁶⁰⁹. Не случайно И.И. Любименко, размышляя в конце 1920-х о возможном переезде в Киев в связи с реорганизацией Академии наук, писала: «самое неприятное - это иметь домработницу...», поскольку все эти «надомные работницы» смотрят на ученых, занятых творческим трудом, как «на паразитов», «как на дойных коров», признаваясь ниже в своем мягком отношении к нанятым: «Я совершенно не умею защищаться и заставлять работать»⁶¹⁰. Следствием невозможности передать домашние хлопоты надежной помощнице стало резкое снижение продуктивности работы этой исследовательницы. Дочь знаменитого ботаника, академика Императорской академии наук, И.И.Любименко стала сама вести хозяйство, предпочитая измотанность бытом душевому дискомфорту от общения с «помощницей». На невозможность наладить отношения с нанятой еще семьей

⁶⁰⁷ Ошанина Е.Н. Личные дневники // ЦГА Москвы. Ф.Л-125.Оп.1. Д. 23. Л. 85.

⁶⁰⁸ Пушкарева Н.Л. Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях женщин-ученых // *Tractus aevorum*. 2014. Т. 1. N 1. С. 15-28.

⁶⁰⁹ Клоц А. Домашняя прислуга как социальной феномен эпохи сталинизма. Пермь, 2012. С.23.

⁶¹⁰ Любименко И.И. Личные дневники // СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214. Л.343.

супруга прислугой жаловалась и Н.С.Штакельберг («немало терпела после замужества»⁶¹¹).

Распорядок дня успешной женщины-исследовательницы в 1920-е гг. изменился: значительную долю времени стали занимать хлопоты по благоустройству быта, улучшению жилищных условий, обеспечению продуктами и питанием (зарплаты, чтобы постоянно питаться вне дома, не хватало). От возможности сократить число повседневных домашних дел, разделить их иногда с мужьями стала зависеть карьера женщины-исследовательницы. С 1930-х гг. и появления советской элиты, «номенклатуры», использование наемного труда в домашнем быту стало социально одобряемой стратегией, которая получила распространение и в среде научной интеллигенции. По разным причинам научные работницы не спешили отдавать детей в сад (если дети у них были) и пользовались тем, что значительную часть рабочего времени находились дома.

«Будет досуг, когда вон понесут»: неотделенность работы и отдыха в структурах досуга женщин-историков⁶¹². Сложность выделения нерабочего времени, когда речь идет об ученых-гуманитариях дореволюционной эпохи, очевидна в том числе и потому, что сами женщины-историки были выходцами из разных социальных слоев. Конечно, прежде всех в науку могли пойти те молодые особы, которым не нужно было зарабатывать на жизнь. Именно они могли позволить себе не только тратить время в библиотеках и архивах, но и брать частные уроки иностранной словесности, на средства родителей или родственников учиться за границей, не заботиться о подработках. Тем не менее, среди тех, кто учился на женских курсах, было немало и тех, кто самостоятельно зарабатывал на продолжение учебы и уже в силу этого не имел много свободного времени на полноценный досуг. Эти девушки не могли позволить себе удовольствие неоплачиваемого исследовательского труда, поэтому лишь

⁶¹¹ Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In *memoriam*: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. С.19-85. С.64.

⁶¹² Секенова О.И., Пушкарева Н.Л. К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX - начала XX в.: досуг и отдых // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 132-153.

некоторые из них, наиболее мотивированные и мечтавшие о научной карьере, занимались исследованиями в ущерб сну и отдыху. Не только в бедных, но и в самых состоятельных дворянских семьях дилеммы между профессиональными занятиями и отдыхом для женщин-историков не было. Дворянское воспитание не поощряло праздности в девочках. Поэтому в женских письмах, дневниках о периодах вынужденного бездействия (например, по болезни) можно прочесть лишь в негативном контексте – упреках самой себе в ничегонеделании для профессионального развития («за это лето я сделала очень мало», «очень жалела потом о потере времени»⁶¹³). Во второй половине XIX века с развитием гимназического образования и появлением Высших женских курсов занятия науками превратились из эксцентричного времяпрепровождения в социально поощряемую форму женского досуга, наряду с чтением, рукоделием и посещением/приемом гостей. Дела домашние (общение с экономкой, домашней прислугой, расчеты затрат и т.д.), зачастую лежавшие именно на женщинах, не воспринимались как отдых, как «необусловленный досуг», то есть времяпровождение, приносящее удовольствие⁶¹⁴. Таким досугом могли быть прогулки и становившиеся популярными в начале XX в. гимнастические упражнения, любые виды хобби, включая рисование⁶¹⁵ или рукоделие, посещение театров⁶¹⁶. В таком контексте чтение источников, анализ научной литературы выглядели скорее как хобби, были похожи на труд без оплаты, равно как и волонтерская работа по организации науки или лекций, установление и налаживание корпоративных связей в академическом кругу⁶¹⁷. Именно этот, «координированный тип досуга», и содержал в себе механизм трансформации

⁶¹³ «...И мучилась и работала невероятно»: дневники М. В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013. С.81, 86, 170.

⁶¹⁴ Kelly J.R. *Leisure and Society: A Dialectical Analysis* // *Leisure Studies: Prospects for the Twenty-First Century State College, PA, Venture Publishing, 1999. P. 53-68. P.57.*

⁶¹⁵ Материалы выставки «Домашний уклад семьи востоковедов: Игнатий Юлианович и Вера Александровна Крачковские» (URL: <http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/800/>, дата обращения: 11.06.2020).

⁶¹⁶ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 185-186; Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 27, 41, 42.

⁶¹⁷ Сидорчук И.В. Цели и перспективы истории досуга // *Историческая психология и социология истории.* 2015. №2. С 174-186. С.175.

хобби в профессию, дружеского гостевания – в неформальное взаимодействие с однокурсницами и профессурой, неоплачиваемого труда по самообразованию – в аналитическую работу, включая написание собственных научных сочинений и серьезное коллекционирование предметов, связанных с историей (например, Н.Д.Флиттнер собирала открытки на исторические темы (до революции покупала их в магазине на Большой Морской в Санкт-Петербурге)⁶¹⁸ и антикварные предметы, связанные с ее научными интересами (Б.Б.Пиотровский рассказывал об одном из таких подарков от нее – сиракузской серебряной декадрахме IV в. до н.э., который Н.Д. когда-то подарил знакомый коллекционер)⁶¹⁹. Другая ученица Б.А.Тураева, Т.Н.Бороздина-Козьмина вспоминала о том, что первые уроки коллекционирования египетских древностей она получила от своего учителя: они вместе ходили в антикварные магазины, заказывали по каталогам из Каира подлинные исторические артефакты⁶²⁰. Увлеченность, заставлявшая первых женщин-историков отказываться от других форм проведения свободного времени, связывала с историей и координированный, и некоординированный типы досуга, выступая проводником женщин в профессиональную академическую среду. Определенные формы досуга, демонстративно типичные для научных работников, помогали женщинам усваивать мужские корпоративные нормы и становиться «своими» в той инородной среде, в которой они мечтали быть признанными.

«Дружеские посиделки старых дев»: участие исследовательниц в вечерах и вечеринках. В воспоминаниях и письмах первых русских женщин-историков самой часто описываемой формой досуга предстают неформальные встречи с коллегами и сокурсницами. Впервые подобный опыт самостоятельной организации вечеринок женщины-историкки получали еще на Высших женских курсах, сохраняя сложившиеся социальные отношения и формат мероприятий и после выпуска. Такие вечеринки доставляли руководителям курсов немало

⁶¹⁸ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 279.

⁶¹⁹ Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. Москва: Руда и Металлы, 2009..190.

⁶²⁰ Томашевич О.В. Т.Н. Козьмина-Бороздина – ученица и наследница дела Б.А.Тураева в Музее изящных искусств // Памятники и люди. 2003. С. 122–141. С.133.

проблем. Организатор Санкт-Петербургских ВЖК проф. К.Н.Бестужев-Рюмин вынужден был постоянно оправдываться, получая анонимные письма о шумных встречах курсисток, устраивающих порой «безобразные вечера в столовках и закусовых»⁶²¹. Первая в России женщина-преподавательница истории в вузе Е.Н.Щепкина писала, что в 1880-е гг. студенческие землячества и иные группы молодежи регулярно устраивали шумные встречи, именуя их «свадебными» (молодая пара была подставной). На вечеринках танцевали, пели хором, курсистки общались с мужчинами, что «жутко коробило Бестужева, но принимать доносы и грязное клеветничество было немыслимо»⁶²². Создатель Московских ВЖК проф. В.И.Герье также опасался за нравственный облик будущих известных историков⁶²³. Девичьи посиделки курсисток не были аскетичными; Е.Н.Щепкина вспоминала, что после защиты рефератов по истории Древнего Рима «пили плохое вино», что она сама «совсем не пьянела» и считала, что никто про такое времяпровождение не узнает, однако начальство в лице самого В.И.Герье откуда-то о нем «прослышало», и он «наедине у книжного шкафа выразил мне удивление»⁶²⁴. И в Москве, и в Санкт-Петербурге принято было устраивать шумные вечера в честь выпуска курсов, на которых выпускницы пили алкоголь вместе с преподавателями. Ставшая преподавательницей ВЖК, Е.Н.Щепкина была страшно обижена, что ее не позвали на подобную вечеринку выпускников «за ее ретроградство»⁶²⁵. Эта ситуация подтверждает гипотезу о том, что платой за научную карьеру женщин-историков было и ограничение социальных контактов. Хотя все женщины-историки продолжали общение с выпускницами со своего курса, подругами по ВЖК, родственницами (Е.Н.Щепкина даже называла-таки встречи «дружеские посиделки старых дев»⁶²⁶), вхождение в научные кружки

⁶²¹ Щепкина Е.Н. Бестужевские курсы // РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л.12 (об.).

⁶²² Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 12 (об.).

⁶²³ Там же. Л. 64 (об.).

⁶²⁴ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 123-124 (об.).

⁶²⁵ Там же. Л. 63.

⁶²⁶ Щепкина Е.Н. Бестужевские курсы // Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л.19-20.

и объединения коллег-мужчин было для девушек сложной задачей. Вступление в когорту профессиональных историков было связано с рядом коммуникационных трудностей и прежде всего с неписанным правилом невозможности гостевания у незамужней. Иные из женщин, мечтавших быть принятыми в кругу коллег-историков, прямо говорили об этом (так, Е.Н.Щепкину дома посещал из историков лишь один из ее ровесников, в будущем член-корреспондент Российской академии наук, профессор Санкт-Петербургского и Юрьевского университетов, а тогда молодой историк Е.Ф.Шмурло, в то время как члены Приютинского братства - дружеского объединения русских либеральных интеллектуалов (И.М.Гревс, С.Ф.Ольденбург) приглашали ее саму на свои собрания, но к ней не ходили⁶²⁷. Коммуникационные сложности женщины-историка проявились и в переписке с ее ровесником и коллегой С.Ф.Платоновым: Е.Н.Щепкина, единственная из его коллег, не получавшая приглашения на домашние вечеринки, в письме прямо обвиняла его в нетоварищеском поведении, тогда как С.Ф.Платонов, с явной насмешкой писал о том, что не мог и подумать, что Е.Н.Щепкина понимает под товариществом не равные условия в работе на курсах, а необходимость бывать друг у друга в гостях⁶²⁸. Подобный опыт взаимодействия с коллегой-мужчиной, безусловно, был травмирующим для женщины-историка: слишком велика была разница между полным гостей и вечеринок временем обучения на Высших женских курсах, и фактической социальной изоляцией после их окончания, во время становления в профессии. Не легче было и организаторам подобных неформальных собраний историков: важным для С.Ф.Платонова был вопрос о соблюдении приличий при приглашении курсисток и молодых женщин-ученых в гости. Историк А.Е.Пресняков в 1896 году писал в письме супруге о разногласиях по поводу еженедельных «сред» - собраний историков в семье Платоновых: «Ведь прямо

⁶²⁷ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 58; Гревс И.М. В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 12. С. 42-88.

⁶²⁸ Минеева Т.А. Письмо как форма коммуникации между научным сообществом и женщинами-историками во второй половине XIX - начале XX в. // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №1 (18). С.246-251.

говорили, что старых «сред» не хотят, что будут только мужские среды etc. И действительно, собрались только кое-кто из нас. И представь себе, что это вышло очень неловко: стол был накрыт так, будто ждали много народу, в том числе и девиц. Платонов прямо спросил о «наших» барышнях. Вот и разберись с ними. Вышло неудобно: за большим столом с фруктами и конфетами - сидела одна m-me Милюкова, да мы с Полиевктовым появились на минуту. А то все другие сидели в кабинете. М-me Платонова очень расспрашивала о тебе и просила не забывать их, когда ты приедешь. Из-за чего ж они, бедные люди, огород городили весной? А теперь поставили себя в неловкое положение»⁶²⁹. К сожалению, источники не дают возможности понять, почему вдруг Платоновы хотели сделать «только мужские среды», вероятно, это могло быть связано с нараставшим конфликтом между петербургскими историческими школами⁶³⁰. Но сама цитата А.Е.Преснякова свидетельствует о том, что женщины в 1890-е гг. были уже неотъемлемой частью академического сообщества, что, в свою очередь, было маркером их постепенного признания в профессии. Традиция организации вечеров в домах авторитетных историков способствовала складыванию практик научного общения за пределами университетских кафедр, появлению научных школ и корпораций в исторической науке, способствовало тесному общению разновозрастных коллег. Так как одни и те же историки преподавали и в университетах, и на женских курсах, так что демонстрация равенства в «политике приглашений» молодых коллег разного пола отвечала взглядам прогрессивных историков и примиряла консервативно настроенные научные круги с необходимостью принятия женщин в научную корпорацию. По воспоминаниям судя, на подобных вечерах молодые женщины вели себя куда скованнее, чем их

---

⁶²⁹ Александр Евгеньевич Пресняков: письма и дневники, 1889—1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 378.

⁶³⁰ Ростовцев Е.А. Н.И.Кареев и А.С.Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX-XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. №4. С.105-121.

коллеги-мужчины, в силу неуверенности в собственных силах и традиционного воспитания⁶³¹.

Петербургские собрания историков с участием интересующихся научной работой женщин отличались утонченностью бесед и обсуждений; в хлебосольной Москве принят был иной тип встреч. Выпускницы Московского общества воспитательниц и учительниц А.Я.Рабинович, А.Г.Вербловская, З.В.Кикина, С.Н.Нюберг-Кашкина вспоминали, что у супругов Шереметьевских научная молодежь общалась и со своими преподавателями, и с известными представителями театральной общественности, могла видеться со знаменитой актрисой М.Н.Ермоловой⁶³². Вечера у Шереметьевских проходили по средам, подавали скромный ужин: «селедка, котлеты с горошком, две бутылки красного и белого вина и непременно мятные пряники,.. корзинка (с ними - *авт.*) шла вкруговую. Пили за процветание высшего женского образования, шутили, что если не будет этого тоста - то высшее женское образование не будет процветать»⁶³³. На вечерах музицировали, спорили о политике, хозяйка дома читала вслух «Воскресение» Л.Н.Толстого...

По воскресеньям, около полудня молодые исследовательницы могли бывать у знатока политической истории Англии и США, конституционного права и парламентаризма историка С.Ф.Фортунатова. На эти домашние собрания к С.Ф.Фортунатову приходили историки Р.Ю.Виппер, А.А.Кизеветтер, М.М.Богословский, Ю.В.Готье, В.О.Ключевский, «подавался большой пирог с капустой или мясом, кофе с молоком». Специалист по всеобщей истории Д.М.Петрушевский говорил, что он к «тому пирогу относится так же серьезно, как к английской конституции». Поэтому, по словам одной из постоянных участниц этих воскресных обедов, «каждого нового гостя спрашивали, указывая

⁶³¹ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 60.

⁶³² Рабинович А.Я. и др. Воспоминания о коллективных уроках общества воспитательниц и учительниц // ОР ГИМ (Отдел рукописей Государственного исторического музея). Ф. 92. Д. 95. Л. 13 (об.).

⁶³³ Там же. Л. 14 (об.).

на пирог, «Конституцию соблюдаете?». Когда кто-то вместо кофе попросил дать чай, то чай стал называться дополнением к конституции»⁶³⁴.

Досужее время молодых исследовательниц могло быть отдано, помимо гостевания, посещению благотворительных вечеров с музыкантами и артистами, дружественными «Обществу воспитательниц и учительниц». Выступали солисты и музыканты Большого театра, известные певцы и певицы, изредка участвовала и М.Н.Ермолова. После таких концертов принято было оставаться на танцы. Все деятели культуры выступали бесплатно, за аренду помещения тоже не платили, так что, продавая билеты на такие вечера, администрация курсов набирала средства для нескольких командировок слушательниц курсов за границу - для продолжения их научных занятий в европейских библиотеках и университетах, защиты ими диссертаций⁶³⁵. Танцы не были непременной частью такого досуга; дамы, выбравшие научную стезю, отмечали отсутствие у себя интереса к танцам и вообще крайне редко упоминали о каких-то спортивных или физических нагрузках (например, Н.Д.Флиттнер вспоминала о своем посещении вечеринки Лесгафтовских курсов, на которой она вместо танцев разговаривала с самим П.Ф.Лесгафтом, от чего получила большое удовольствие⁶³⁶). Можно предположить, что излишняя серьезность, репрезентация себя как «ученой дамы» влияли на выбор развлечений. Так, лишь изредка в эгодокументах первых русских женщин-историков встречается упоминание спорта, как способа проводить досуг. Так, Н.Д.Флиттнер писала, что ежедневно занимается гимнастикой по системе Миллера⁶³⁷ (Мюллера – знаменитого датского спортсмена, автора популярной в Российской империи системы упражнений). При этом Н.Д.Флиттнер отмечала, что ей не по душе конкурирующая с системой Миллера система упражнений Э.Жака-Далькроза (чрезвычайно популярная в России 1910-1920-х гг. и даже сохранившаяся в советской и современной российской системе дошкольного

⁶³⁴ Рабинович А.Я. и др. Воспоминания о коллективных уроках общества воспитательниц и учительниц // ОР ГИМ (Отдел рукописей Государственного исторического музея). Ф. 92. Д. 95. Л. 18-18 (об.).

⁶³⁵ Там же. Л. 21.

⁶³⁶ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 81.

⁶³⁷ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. Л. 183.

физического воспитания, эта система казалась историку «чересчур фривольной»⁶³⁸). Воспитание в детях гигиены и спорта лежало на плечах отцов: своими регулярными занятиями гимнастикой историк обязана в первую очередь отцу, врачу Д.Флиттнеру. В целом, эго-документы русских женщин-историков до революции практически не упоминают о спортивных занятиях (тогда как в 1920-е – 1930-е гг. встречаются упоминания о катании на коньках⁶³⁹ или гимнастических упражнениях под утреннюю музыку по радио⁶⁴⁰).

Годы Великой российской революции и Гражданской войны не смогли уничтожить привычку к неформальным собраниям в среде историков. Так, кружок молодых историков, почти все члены которого были репрессированы по «академическому делу» 1929-1931 гг., возник именно как неформальное объединение аспирантов Факультета общественных наук ЛГУ. Н.С.Штакельберг вспоминала о том, как проходили собрания кружка в голодные революционные годы: каждый из гостей дома Штакельбергов, где и проходили собрания дважды в месяц, обязательно полено для отопления гостиной и какое-либо нехитрое угощение (сначала кусочек сахара и кусочек хлеба, позднее, по мере улучшения бытовых условий ученых, дамы пекли печенье и пироги, а мужчины отвечали за доставку их к вечеринке). В шуточном стихотворении, характеризующем каждого из постоянных членов кружка, особое внимание уделялось не научным, а кулинарным или танцевальным достижениям женщин-историков («Пироги и все там вкусно./ Кто готовит столь искусно?/ Повара или богини?/ Шефом кухни кто?/ Данини»; «В обращеньи политична,/ И в делах она практична,/ Но доклад отложен вдаль./ И взамен его, тактично/ Печет пряники Либталь»; «Ножкой стройною горда,/ Кто балетная звезда?/ Кто затей здесь всех пружина?/ Корнилович — балерина./ И подруга ей под стать:/ Мастерца сочетать/ Бал с архивною скрижалью.../ Каждый может угадать/ Под прозрачною вуалью/ Здесь

⁶³⁸ Гринер В., Трофимова М. Ритмика Далькроза и свободный танец в России 20-х годов // Мнемозина. Документы и факты из истории русского театра XX века. М.: ГИТИС, 1996. С. 124—148.

⁶³⁹ Нечкина М.В. Письма Эпштейну Давиду Аркадьевичу, мужу, д.х.н., академику АПН СССР // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 46.

⁶⁴⁰ Ошанина Е.Н. Личные дневники // ЦГА Москвы. Ф.Л-125. Оп.1. Д. 23. Л. 60.

Платонову Наталью») ⁶⁴¹. Из женщин только М.К.Гринвальд в шуточном стихотворении удостоилась похвалы как исследователь: «Здесь в лорнет глядит она,/ А умом погружена/ В мир вождей великих Бритта/ Дизраэлей, Фокса, Питта.../ Это — Гринвальд Маргарита» ⁶⁴². В целом, неформальное объединение молодых историков демонстрировало гораздо более тесное взаимодействие между будущими коллегами, чем чинные, организованные профессорами, научные вечера. «Никто из членов Кружка не тяготился приготовлениями к вечеринкам; наоборот, все это было источником веселья и предлогом для развлечения и дружеской близости друг с другом» ⁶⁴³ - писала хозяйка вечеров. Хотя главной целью кружка были объявлены именно исторические доклады, научная молодежь считала, что на самом деле «у всех преобладало желание повеселиться и отогреться» ⁶⁴⁴. После научных докладов и их обсуждения шли игры (кошки-мышки, фанты, шарады), обязательной частью вечеров были танцы под сопровождение рояля. На собраниях молодежь регулярно задерживалась до утра. После 1925 года собрания кружка постепенно прекратились: все участники были отчислены из аспирантуры, в первую очередь, из-за своего непролетарского происхождения. Вынужденные искать работу, они лишились достаточного свободного времени для вечеринок. Тем сильнее было их удивление, когда в 1930 гг. все участники Кружка были арестованы: их обвиняли в организации нелегальных антисоветских собраний, на которых они озвучивали антимарксистские научные сообщения. Большая часть историков Кружка была репрессирована: безусловно, подобное событие сильно повлияло на любые неформальные собрания историков – в 1930-е гг. от них практически отказались, т.к. они были слишком опасны для их участников.

---

⁶⁴¹ Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In *memoriam*: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. 450 с. С.19-85. С.40.

⁶⁴² Там же.

⁶⁴³ Там же. С.38.

⁶⁴⁴ Там же. С.39.

*Академический туризм: российские и советские женщины-историки в путешествиях и на курортах*⁶⁴⁵. Еще одним подтверждением того, что досуг первых женщин-ученых был почти неотделим от процесса повышения уровня их образования, от работы, является академический туризм. Традиция научных путешествий русских историков второй половины XIX – начала XX вв. неоднократно описывалась в историографии⁶⁴⁶, тем не менее, основное внимание уделялось заграничным командировкам историков-мужчин⁶⁴⁷, хотя именно в этот период зарубежные путешествия сформировали научное мировоззрение и опыт двух поколений женщин-историков. Уже первые российские женщины-историки стремились расширить свое образование в музеях и архивах Европы: С.К.Брюллова ежегодно летом путешествовала по европейским музеям, изучая различные исторические школы живописи⁶⁴⁸, П.С.Уварова первой из русских женщин-историков принимала участие (хотя, и как гость) в археологических раскопках за рубежом⁶⁴⁹, О.М.Петерсон и Е.В.Балобанова вместе совершали пешие путешествия по Европе, в ходе которых знакомились с местными культурами и собирали фольклорный материал⁶⁵⁰. Первой женщиной, которая в 1880-е гг. поехала получать систематическое высшее историческое образование за

⁶⁴⁵ Секенова О.И. Российские и советские женщины-историки в зарубежных научных командировках в первой половине XX века // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Калининград, 10–13 октября 2019 года. Калининград: БФУ имени Иммануила Канта, 2019. С. 430-433.

⁶⁴⁶ Бекасова А.В. Образовательные поездки россиян в Европу: от ученых путешествий к научным командировкам (к постановке вопроса) // Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике: Становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы перспективы (XV-XXI вв.). СПб., 2003. С.342-354; Иванов А.Е. Российское студенческое зарубежье. Конец XIX – нач. XX вв. // Вопросы истории естествознания и техники. 1998; Шапов Я.Н. Русские студенты в западноевропейской высшей школе в начале XX в. // Исторические записки. Т. 115. М., 1987.

⁶⁴⁷ Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С.849-877.

⁶⁴⁸ Корсаков Д. А. К. Д. Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1887, №4. С.481.

⁶⁴⁹ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания Прасковьи Сергеевны Уваровой. С.53.

⁶⁵⁰ Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: Труды, документы, воспоминания. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. С.88.

границей, была Е.Н.Щепкина, окончившая до этого Высшие женские курсы в Москве и Санкт-Петербурге. Кроме посещения лекций в Сорбонне, Е.Н. вела научную работу в рукописном отделении Национальной библиотеки и посещала французские учебные заведения для детей⁶⁵¹. Ее воспоминания содержат любопытную подробность: нормы приличия и требования безопасности вынудили Е.Н.Щепкину ехать в Сорбонну со спутником мужского пола, крайне неприятным для нее. При первой же возможности она от него сбежала и наслаждалась дальнейшей поездкой в одиночестве⁶⁵². Кроме сложного обучения и работы в архивах, Е.Н.Щепкина успевала наслаждаться путешествиями и атмосферой Парижа: «Возвращение площадью Карусель, понт Неф, набережная и внутренние улицы той стороны до Сен-Сюльпис с выставками книг, эстампов, картин, редкостей, старых вещей неизменно, даже в дурную погоду занимали меня. Я неслась без усталости по парижским улицам, почти никогда не уставая, растягивая путь, разнообразя его в каком-то радостном настроении. Париж как таковой очаровывал меня больше, чем я ожидала»⁶⁵³.

С 1890-х гг. петербургские высшие женские курсы поощряли обучение своих воспитанниц за границей, стали традиционными учебные экскурсионные поездки под руководством И.М.Гревса по Италии⁶⁵⁴. Уже в начале XX века лучшие выпускницы Высших женских курсов (по аналогии с мужчинами-выпускниками университетов), остававшиеся при курсах «для усовершенствования в изучении» истории отправлялись за границу для стажировок у известных специалистов. Достоверно известно о стажировках следующих бывших курсисток: Меликовой С.В. у историка античной культуры У.Вилламовиц-Мёллендрофа, Протасовой С.И. и Максимовой М.И. у знатока древнеримской истории О.Гиршфельда, Добиаш-Рождественской О.А. и Любименко И.И. в Париже у палеографа

⁶⁵¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.569. Оп.1. Д.131. Л.29-36.

⁶⁵² Щепкина Е.Н. Бестужевские курсы // РГАЛИ. Ф.569. Оп.1. Д.131. Л.25.

⁶⁵³ Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф.569. Оп.2. Д.1. Л. 32.

⁶⁵⁴ Вахромеева О.Б. Приглашение к путешествию: методика исторических поездок И.М.Гревса. СПб., 2007.

Ланглуа, Измайловой (?) у византиниста Г.Милле⁶⁵⁵. Кроме научной работы, в их задачи входило изучение методов преподавания истории в высшей школе за рубежом⁶⁵⁶. В результате, некоторые из них успешно защитили диссертацию в зарубежных университетах⁶⁵⁷. Все эти девушки вернулись в Россию, а Добиаш-Рождественская О.А., Любименко И.И., Максимова М.И. и Протасова С.И. продолжили свою карьеру при советской власти. Некоторые женщины-историки после дореволюционных научных путешествий (на личные средства) пополнили ряды эмигрантов: например, поэтесса Р.Блох (в конце 1920-х гг. она помогала налаживать связи российской и германской профессуре)⁶⁵⁸, ее подруга Мирра Лот-Бородина (специалист по истории Византии, жена известного французского медиевиста Фердинанда Лота)⁶⁵⁹.

Характерная подробность содержится в дневниках историка И.И.Любименко: если в 1922 году на пароходе в Европу отправлялись только эмигранты, то в 1925 году все ее спутники рассчитывали вернуться в РСФСР после короткого путешествия⁶⁶⁰. В начале 1920-х гг. советская власть, в целом, благосклонно относилась к поездкам историков за рубеж, кроме того для некоторых женщин-историков Наркомпросом по инициативе какой-либо научной организации, библиотеки или архива организовались специальные иностранные командировки для покупки зарубежной профессиональной литературы в советские библиотеки⁶⁶¹, каталогизации иностранных архивов⁶⁶², анализа западных

⁶⁵⁵ Добиаш-Рождественская О.А. За 20 лет// ОР РНБ Ф.254. Д.236. Л.3.

⁶⁵⁶ Добиаш-Рождественская О.А. Отчет о командировке в Париж в 1908-1909 // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 18. Л. 3-4.

⁶⁵⁷ Косминский Е. А. Изучение истории западного средневековья // Вестник АН СССР. 1945. № 10. С.45; Любименко И.И. Автобиография // СПБФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л. 24-28. Л.27.

⁶⁵⁸ Добиаш-Рождественская О.А. Сообщение о заграничной поездке в Берлин и Париж в 1926 году // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 50. Л.2.

⁶⁵⁹ Mahn-Lot A. Ma mère, Myrrha Lot-Borodine (1882-1954). Esquisse d'itinéraire spirituel. Revue des sciences philosophiques et théologiques, vol.88, №4, 2004. P. 745-754.

⁶⁶⁰ Любименко И.И. Из РСФСР за границу Европа после войны // СПБФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 217. Л. 6.

⁶⁶¹ Любименко И.И. Автобиография // СПБФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л.28.

⁶⁶² Добиаш-Рождественская О.А. Отчет о научной командировке в Берлин, июль-август 1929 // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 55. Л. 1.

музейных коллекций⁶⁶³. Женщины-историки представляли СССР на международных конференциях и конгрессах, читали открытые лекции в зарубежных университетах Лондона и Парижа, издавали за рубежом свои научные работы⁶⁶⁴. Как правило, эти поездки были индивидуальными. Предпочтение в данном случае отдавалось историкам-классикам и историкам-медиевистам (специалистки по российской истории были практически лишены возможность выезда за рубеж в научные командировки, т.к. не могли обосновать их необходимость). В общении с зарубежными коллегами советские женщины-историки были вынуждены отстаивать права Советского Союза на сохранение культурных ценностей (например, в отчетах О.А.Добиаш-Рождественская писала о претензиях французских исследователей на передачу им ценных рукописей французского происхождения из фондов Российской публичной библиотеки)⁶⁶⁵.

Уже в 1927-1928 гг. правила выезда за границу для научных работников ужесточились. Так, О.А.Добиаш-Рождественская писала о своих проблемах с получением паспорта в выступлении на съезде библиотекарей, сетуя, что паспорт после долгого ожидания выдали только на 2 месяца и в самое «глухое время» для посещения библиотек и архивов (с 15 июля по 15 сентября)⁶⁶⁶. В тот же период И.И.Любименко отмечала, что ее заграничная поездка 1925 года вряд ли повторится еще раз⁶⁶⁷. В 1930-е гг. известно о выезде только одной советской женщины-историка А.М.Панкратовой за рубеж для участия в Международном конгрессе историков в Варшаве 1933 г.⁶⁶⁸. В конгрессах 1938 и 1950 г. советские историки не участвовали.

Все перечисленные выше традиции академического туризма имели одну общую черту: путешествия имели научные цели, заданную программу и нередко

⁶⁶³ Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк: Материалы и документы. М.: Искусство, 2000. С.323.

⁶⁶⁴ Любименко И.И. Личные дневники // СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214. Л.339 (об.).

⁶⁶⁵ Добиаш-Рождественская О.А. Сообщение о заграничной поездке в Берлин и Париж в 1926 году // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 50. Л.5.

⁶⁶⁶ Добиаш-Рождественская О.А. Отчет о научной командировке в Берлин, июль-август 1929 // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 55. Л. 1.

⁶⁶⁷ Любименко И.И. Личные дневники // СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214. Л.340.

⁶⁶⁸ Панкратова А.М. Седьмой международный конгресс исторических наук в Варшаве // Борьба классов. № 10. Октябрь 1933. С.1-16.

заканчивались научным исследованием. При этом необходимо заметить, что обычный рекреационный туризм, исключительно ради отдыха, не был чересчур распространен среди российских женщин-историков дореволюционной эпохи. Известно о частых путешествиях Е.В.Балобановой и Е.Н.Щепкиной на курорты Кавказа, но кроме осмотра природных достопримечательностей, они занимались там, в первую очередь, решением семейных дел. Ситуация изменилась в 1920-е гг.: советская государственная политика в области науки предполагала необходимость для советских ученых отдыхать от трудов в санаториях и здравницах⁶⁶⁹. История создания системы санаторно-курортного отдыха для научных работников напрямую связана с созданием ЦЕКУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК СССР), в 1921 году объединенной из ПетроКУБУ и МосКУБУ⁶⁷⁰. Одним из направлений деятельности комиссии в 1921-1923 гг. было создание санаториев для ученых, как правило, на базе богатых дореволюционных усадеб или дач в южных регионах страны (так, санаторий «Узкое» открылся в 1922 году в бывшей усадьбе князей Трубецких, санаторий «Сосновый бор» в Болшево – в усадьбе Прове-Калиша). Также появились санатории для научных работников в Детском селе под Петроградом, в Гаспре (Крым) и в Кисловодске⁶⁷¹. Изначально путевки на научные и иные организации распределяла ЦЕКУБУ (после 1931 года под ударами критики преобразованная в Комиссию содействия ученым при СНК СССР). Сама идея об отдельных домах отдыха для научных работников, подведомственных ЦЕКУБУ, сразу же столкнулась с иной реальностью: в 1920-х-1930-х гг. ученые не составляли большинства отдыхающих в санаториях, для них предназначенных. Путевки распределялись между театральными и литературными деятелями, представителями номенклатуры, старыми революционерами и иными лицами, претендовавшими на отдых в новой санаторно-курортной системе. То, что в

---

⁶⁶⁹ Секенова О.И. Историки на отдыхе: повседневная жизнь санаториев ЦЕКУБУ и Академии наук в 1920 - 1960-х гг // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. № 3(3). С. 39-50.

⁶⁷⁰ Шальнев Е.В. Организация комиссии по улучшению быта ученых // Научный вестник. Пенза: ГУМНИЦ, 2010. С.79-86. С.79-80.

⁶⁷¹ Санаторий им. А. М. Горького РАН в Кисловодске (1923-2008). Москва, 2012. С.20-22.

академических санаториях ученые составляли далеко не большинство отдыхающих, объяснялось в официальных документах в первую очередь тем, что «большинство ученых связано с преподаванием в вузах Советского Союза», из-за чего научные работники отдыхали в основном во 2 и 3 кварталах, а в другое время санаториями и домами отдыха практически не пользовались⁶⁷². Е.А.Долгова характеризует систему распределения путевок в санатории для научных работников в 1920-1930-е гг. как проявление механизма корпоративных связей, сложившегося еще до 1917 года⁶⁷³. Во многом это мнение основано на критике организации ЦЕКУБУ в тенденциозной статье Е.А.Коровина «Зачем существует ЦЕКУБУ?»⁶⁷⁴, хотя почти все ее положения опровергались современниками (как в эмигрантской прессе⁶⁷⁵, так и в личных дневниках⁶⁷⁶). Безусловно, часть «цекубистов» составляли еще дореволюционные профессора (преподаватель истории И.И.Шитц объяснял это тем, что среди них «действительно, много еще ученых и притом прежних, ибо новых то ведь и нет!»⁶⁷⁷), следовательно, от них можно было бы ожидать помощи и поддержки, в первую очередь, для своих старых коллег и друзей. Но даже на примере ученых-историков сложно согласиться с мнением, что распределение мест в санаториях шло в соответствии с дореволюционной научной иерархией. Если в 1920-х гг. деятельность экспертных комиссий по получению персональных пенсий или денежного обеспечения более высокой категории, еще могла подкрепляться личными симпатиями и ходатайствами⁶⁷⁸ (хотя коллегиальный характер деятельности экспертных комиссий также заставляет в этом сомневаться), то распределение

⁶⁷² Протоколы заседаний Президиума объединенного месткома Комакадемии // АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 548. Л.6.

⁶⁷³ Долгова Е.А. Власть, ЦЕКУБУ и творческая интеллигенция в социально-экономических обстоятельствах 1920-х гг.: позиции, статусы, декорации. Обсерватория культуры. 2018. №15(1). С.119-127. С.124.

⁶⁷⁴ Коровин Е.А. Зачем существует ЦЕКУБУ?// Вечерняя Москва. 8.01.1930. №6. С.2.

⁶⁷⁵ Тимашев Н.С. Походь против ЦЕКУБУ// Возрождение. 21.01.1930.Т.5.№1694. С.4.

⁶⁷⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1930-1931. Книга седьмая. СПб.: Росток, 2006. 704 с. URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevnik/dnevnik-otdelno/1930.htm> (дата обращения: 05.04.2020).

⁶⁷⁷ Шитц И.И. Дневник великого перелома (1928-1931). Париж, 1991. С.164.

⁶⁷⁸ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. М.: Наука, 2003. Т.1. С.249.

путевок в санатории выглядело еще более непредсказуемым процессом. И.И.Шитц рассказывал о типичной практике 1930-х гг., когда после тяжелой «проработки» и увольнения из университетов, историкам давали путевку в санаторий «в насмешку»⁶⁷⁹.

Распределение путевок на отдых проходило уже внутри организаций, и, соответственно, объективность распределения путевок зависела исключительно от внутренней личной атмосферы в конкретном подразделении. В 1920-е гг. не только известные профессора-историки дореволюционной школы пользовались привилегией посещения санаториев, но и все более молодые представители «Школы Покровского» также имели возможность отдыхать на первых советских курортах для работников науки. Необходимо отметить, что лишь немногие ученые пользовались возможностью отдыхать на зарубежных курортах в сталинскую эпоху, и среди них не было ни одного представителя гуманитарных наук: только физики и химики, женщины-ученые также такой возможности обычно не получали⁶⁸⁰. Позднее, уже в эпоху оттепели могли выехать за рубеж в туристические поездки и ученые-гуманитарии⁶⁸¹.

Описанная выше система распределения путевок не только среди научных работников, но и среди представителей творческой интеллигенции и отличившихся на производстве рабочих отражалась на контингенте санаториев Академии наук еще в конце 1920-х гг.: они становились не местом отдыха избранной научной элиты, а, скорее, витриной «правильного» досуга лучших советских людей, наградой за их труд на благо советского общества. При этом само размещение в санаториях, в которые ЦЕКУБУ распределяла путевки, имело строго определенную иерархию. Это было заметно для всех отдыхающих, которые видели в этом несправедливость и несоответствие советской идеологии, но опасались выражать свое мнение публично, ограничиваясь только едкими

---

⁶⁷⁹ Шитц И.И. Дневник великого перелома (1928-1931). Париж, 1991. С.275.

⁶⁸⁰ Письма академиков и членов-корреспондентов в Управление делами о предоставлении им квартир, автомашин и путевок в санатории и копии отношений Управления делами в Главсанупр Кремля об акад. Северцове // АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42.

⁶⁸¹ Ошанина Е.Н. Личные дневники // ЦГА Москвы (Центральный государственный архив г. Москвы). Ф.Л-125.Оп.1. Д.28, 29.

замечаниями в дневниках: «Для ответственных работников имеются особые санатории. И если в них обычно люди помещаются по три человека в одной комнате, для особо ответственных работников дают целые дачи»⁶⁸²; «в ЦЕКУБУ часть домов отдыха выделена для «уважаемых» ученых – профессоров и т. д. Аспиранты же и т. п. пользуются санаториями попроще через Секцию Научных работников»⁶⁸³. Судя по эго-документам, санаторий в «Узком» был более элитным, чем другие санатории Академии наук. Этим он был более привлекателен для старой дореволюционной профессуры (отдых вместе с яркими личностями из литературных кругов и возможность поддерживать старинные знакомства и связи отмечались как несомненные достоинства этого санатория⁶⁸⁴). В санаториях в Гаспре и Кисловодске контингент был несколько иным. Историк М.В.Нечкина писала супругу из южного санатория: «Публика здесь обычная цекубистская, т.е. на 70% сволочь, остальные 30 – есть хорошие»⁶⁸⁵. Историк С.А.Пионтковский отмечал небольшое количество женщин в санатории (в основном, это были женщины «все в возрасте, потрепанные жизнью»⁶⁸⁶). Эти воспоминания подтверждают, что практика «семейного» отдыха в санатории возникла позднее и тоже была своего рода привилегией для научных работников высокого ранга (в первую очередь, академиков и докторов наук)⁶⁸⁷. Переписка М.В.Нечкиной также демонстрирует, что совместный отдых супругов в санаториях Академии наук не практиковался (она и ее супруг, химик Д.Я.Эпштейн всегда отдыхали порознь, ведя при этом обширную переписку. В некоторых письмах, М.В.Нечкина дразнила мужа по поводу их разлуки «...А

⁶⁸² Пионтковский С.А. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927-1934). Казань: Казанский гос. ун-т, 2009. С.100.

⁶⁸³ Шитц И.И. Дневник великого перелома (1928-1931). Париж, 1991. С.325.

⁶⁸⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С.297-303.

⁶⁸⁵ Нечкина М.В. Письма Эпштейну Давиду Аркадьевичу, мужу, д.х.н., академику АПН СССР // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л.120.

⁶⁸⁶ Пионтковский С.А. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927-1934). Казань: Казанский гос. ун-т, 2009. С.101.

⁶⁸⁷ Протокол № 46 заседания Секции химико-технологических и биологических наук Президиума АН СССР // АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 60. Л.6.

рогов я тебе еще не наставляла и пока не собираюсь»⁶⁸⁸, описывая этим, тем не менее, стереотипное представление о санаторной жизни⁶⁸⁹).

Санаторная повседневность в эго-документах советских женщин-историков. Повседневная жизнь первых советских санаториев системы Академии наук в 1920-е гг. принципиально отличалась от ежедневного советского быта, полного забот и переживаний. После получения путевки/курсовки на отдых и лечение, ученые самостоятельно добирались до санатория (как правило, на юг отправлялись на поезде, а в санаторий «Узкое» вела только автомобильная дорога). Обычно путевки выдавались на 24 дня, но в дома отдыха (как, например, в санаторий в Узком) можно было приезжать и на несколько дней⁶⁹⁰. Типичный распорядок дня на курорте был описан М.В.Нечкиной: после подъема в 7-7-30 перед комнатой ставили кефир, «после чего жду в длинном хвосте умываться. (...тут уборная как у людей... лучше, чем у нас на Арбате) и бегу на почту за газетой. Оттуда в цекубу завтракать, его дают в 8,5 часов. После иду домой прибирать комнату» (М.В.Нечкина предпочитала убираться сама, а не дожидаться уборщицу, проблемы с уборкой отдельно отмечались в письме). «После этого я пишу письма (...) и брожу по ближним окрестностям (...)». После обеда «опять болтаюсь с комнатой, прибираюсь, пишу письма, а вчера ходила одна по горе в березовую рощу. В 4 часа чай, после него гуляла на реку с компанией. (...) После 8 вечера ужин, чуточку болтаюсь у террасы, чтобы видеть, не будет ли кто петь, и если нет, то ухожу к себе с фонариком (...). Заваливаюсь спать в 9 часов!»⁶⁹¹. Санаторий воспринимался именно как место отдыха, а не оздоровления:

⁶⁸⁸ Нечкина М.В. Письма Эпштейну Давиду Аркадьевичу, мужу, д.х.н., академику АПН СССР // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 75.

⁶⁸⁹ Кузнецова Л.А. Гендерные аспекты курортного отдыха в СССР // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. Выпуск 3 (17). С. 81–85.

⁶⁹⁰ Коробко М.Ю. Усадьба Узкое: историко-культурный комплекс XVII-XX веков. М., 1996. URL: <http://www.rusarch.ru/korobko1.htm> (дата обращения: 05.04.2020).

⁶⁹¹ Нечкина М.В. Письма Эпштейну Давиду Аркадьевичу, мужу, д.х.н., академику АПН СССР // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 72-73 (об.).

оздоровительные процедуры становились предметом шуток и фольклора. М.В.Нечкина приводила такую частушку, бытовавшую в санатории в Теберде⁶⁹²:

*На углу стоит девчонка –
Лопает морожено.
Оказалось, старушонка,
Только омоложена!*

Совместный отдых в течение нескольких недель сближал отдыхающих: возникали не только романы, но и крепкие деловые и дружеские отношения. (Так, например, в Теберде в 1928 г. М.В.Нечкина познакомилась с главой ЦЕКУБУ А.Б.Халатовым⁶⁹³, к которому сочла возможным обратиться за поддержкой в период разногласий с ее учителем М.Н.Покровским).

Несмотря на некоторые бытовые проблемы санаториев (ежеутренние очереди в уборную, перебои с водой⁶⁹⁴), отдыхающая интеллигенция видела и осознавала разительный контраст между своим образом жизни и образом жизни местного населения (как работников санатория, так и просто местных крестьян). В письмах М.В.Нечкиной эта разница видна через забавные, по ее мнению, анекдоты о местных жителях, которые она пересказывает мужу («Халатов говорил с каким-то карачаевцем, как ему живется. Тот ответил: «плохо живется – хозяйство плохой, жена нет, один корова есть, да и тот бык»⁶⁹⁵). Совсем иначе относился к этому контрасту С.А.Пионтковский: «отъедешь верст 15-20 от Кисловодска и совсем попадешь уже в первобытные дебри»⁶⁹⁶, «на даче ВЦИКа, как в палатах: кругом жрать нечего, а у них на каждого отдельный стол»⁶⁹⁷.

В 1920-1940-е гг. развлекательная программа научных санаториев была полностью организована силами отдыхающих: по вечерам ученые читали лекции,

⁶⁹² Нечкина М.В. Письма Эпштейну Давиду Аркадьевичу, мужу, д.х.н., академику АПН СССР // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 74.

⁶⁹³ Там же. Л. 92.

⁶⁹⁴ Майский И.М. Переписка с СанУпром // АРАН. Ф. 1702. Оп. 2. Д. 121. Л. 11.

⁶⁹⁵ Нечкина М.В. Письма Эпштейну Давиду Аркадьевичу, мужу, д.х.н., академику АПН СССР // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 92.

⁶⁹⁶ Пионтковский С.А. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927-1934). С.99.

⁶⁹⁷ Там же. С.358.

для всех желающих по своей области исследования⁶⁹⁸, делились воспоминаниями о молодости⁶⁹⁹, устраивали вечера, на которых пели песни и декламировали стихи, играли в шарady⁷⁰⁰. Так, например, санаторий в Узком выделял деньги на досуг отдыхающих только на показ кинофильмов⁷⁰¹. Отдыхающие по желанию занимались спортом: летом – спортивными играми, зимой – лыжами, катанием с гор на саях⁷⁰². Почти ежедневно отдыхающие устраивали пешие походы на природу и, изредка, если была возможность договориться о транспорте, выезжали смотреть природные достопримечательности (такая форма отдыха была распространена в санаториях на Кавказе⁷⁰³). Атмосфера отдыха и веселья в санаториях создавалась, в первую очередь, силами самих отдыхающих. Многие воспоминания о санатории в Узком фиксировали создание в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «Санузской республики»⁷⁰⁴ (название произошло от сокращения «санаторий Узкое»⁷⁰⁵) – шуточного государства отдыхающих со своими традициями и развлечениями. Отдыхающие ученые с удовольствием решали в «игровой форме» вопросы внутренней дисциплины санатория и самостоятельной организации досуга.

Санатории Академии наук, созданные по инициативе ЦЕКУБУ, стали одной из важнейших материальных привилегий научных работников в СССР. В отличие от коллег-физиков, ученые-гуманитарии 1920-х – 1930-х гг. не могли мечтать о поездке на отдых за границу, поэтому путевка в советский санаторий системы ЦЕКУБУ (а позднее, АН СССР) виделась им наилучшей возможностью испытать на себе «буржуазный отдых», отвлечься от бытовых и профессиональных

⁶⁹⁸ Санаторий им. А. М. Горького РАН в Кисловодске (1923-2008). Москва, 2012. С.70-74.

⁶⁹⁹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С.298-300.

⁷⁰⁰ Пионтковский С.А. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927-1934). С.358.

⁷⁰¹ Годовые отчеты санатория Узкое и дома приезжих АН СССР за 1943 // АРАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 19.

⁷⁰² Коробко М.Ю. Усадьба Узкое: историко-культурный комплекс XVII-XX веков. М., 1996. URL: <http://www.rusarch.ru/korobko1.htm> (дата обращения: 05.04.2020).

⁷⁰³ Нечкина М.В. Письма Эпштейну Давиду Аркадьевичу, мужу, д.х.н., академику АПН СССР // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 72(об.)-73.

⁷⁰⁴ Кареев Н.И. Прощание с Санузией 42 поколения // Вторая муза историка : Неизуч. страницы рус. культуры XX ст. М.: Наука, 2003. С.24-26.

⁷⁰⁵ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С.297.

проблем, предаться воспоминаниям в кругу старых друзей и профессиональных единомышленников. Женщины-ученые, в массе своей имевшие меньшие научные заслуги, подобных путевок удаивались гораздо реже «академических жен» и представительниц партийной номенклатуры.

«Пускай кошельки»: *вне рабочее время, отданное общественной активности.* Основатель первых ВЖК в Москве профессор всеобщей истории МГУ В.И.Герье объяснял необходимость высшего гуманитарного образования для женщин их подготовкой к благотворительной деятельности («На поприще общественного призрения женщина доказывает свое право на образование⁷⁰⁶). Необходимо отметить, что сами по себе Высшие женские курсы в Москве и Санкт-Петербурге являлись отчасти благотворительным проектом, невозможным без энтузиазма как мужчин-историков, так и знатных женщин-поборниц женского высшего образования в России (Н. В. Стасовой, М. В. Трубниковой, А. П. Философовой). Хотя далеко не все курсистки относились к основательницам курсов с должным почтением (чаще выказывая «постоянное пренебрежение к комитетским дамам»⁷⁰⁷), впоследствии женщины-историки хорошо осознавали, кому они были обязаны возможностью получить достойное образование. Необходимость отдать символический долг за труд этих женщин, а также влияние народнических идеалов, столь популярных среди русской молодежи 1870-х гг., побуждали женщин-историков к неоплачиваемому труду на ниве общественного образования и призрения. Женщины-историки, учаь на курсах, апробировали свои силы на ниве просвещения малоимущих, оттачивая свое научное перо в коротких просветительских брошюрах. Это была работа, незаметно перетекавшая в досугообразную форму деятельности. Так, одна из основательниц «Общества содействия Бестужевским женским курсам» Е.О.Лихачева, кроме своей разносторонней активности во благо женского движения, составила первый научный труд по истории женского образования в России⁷⁰⁸. П.С.Уварова, в силу

⁷⁰⁶ ОР РГБ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 33-7. Л. 11-11 (об.)

⁷⁰⁷ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 9.

⁷⁰⁸ Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1890-1901. Т. 1-4.

своего графского статуса, участвовала в деятельности Братолюбивого общества снабжения неимущих квартирами в Москве, городских участковых попечительствах⁷⁰⁹, но более всего проявила себя организуя съезды и экспедиции Московского археологического общества. Удовольствием и приятным времяпровождением была для П.С.Уваровой забота о «труженическом приюте ученых занятий» - коллекции древностей (составлявшейся ею вместе с мужем в усадьбе Поречье Можайского района), получившей уже тогда всероссийскую известность, а ныне хранящейся в составе коллекции ГМИИ⁷¹⁰. Все та же Е.Н.Щепкина, активистка Российской Лиги равноправия женщин, где она возглавляла комиссию по пропаганде, после окончания Московских ВЖК (Герье) сначала учила детей грамоте в нижегородском приюте⁷¹¹. Но позже, приглашенная преподавать на Бестужевских ВЖК, стала ученой, пропагандировавшей страницы именно российской женской истории. Увлеченная этой идеей, она всемерно способствовала организации образования работниц столицы, читала лекции на курсах Императорского русского технического общества и в вечерне-воскресной Смоленско-Корниловской школе столицы⁷¹².

Степень участия в общественной и благотворительной деятельности первых русских женщин-историков часто зависела от личных доходов и определялась семейными и религиозными традициями: П.С.Уварова, Е.О.Лихачева и Е.Н.Щепкина могли позволить себе отдавать больше средств на организацию науки и образования, нежели их менее обеспеченные современницы, та же Н.Д.Флиттнер, вышедшая из немецкой протестантской семьи медиков, привыкшая помогать отцу, ухаживая за больными, сторонилась привычных другим практик сбора средств неимущим. Мать воспитывала в ней критическое и настороженное отношение к благотворительным акциям («Ты убеждена, что этот сбор действительно в пользу заключенных или в пользу больного товарища? Можешь

⁷⁰⁹ Уварова П.С. Письмо Герье В.И. 7.9.1914 // ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 70. Д. 54-39. Л. 7-8.

⁷¹⁰ Уварова П.С. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова: Отд. [1]-11. М.: Синод. тип., 1887-1908. 4 т.

⁷¹¹ Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 104.

⁷¹² Крупская Н.К. Обучение и воспитание в школе. М.: Акад. пед. наук, 1959. С.40.

поручиться, что тот, кто пускает эти кошельки, не обманывает таких глупых девчонок как ты?»⁷¹³). Для женщин, впоследствии нашедших призвание в науке, было характерно сознательное дистанцирование от всех политических группировок, формировавшихся на курсах. Н.Д.Флиттнер писала: «Я не пробую выступать в сходках, меня отталкивает способ дебат, пугает судьба тех, кто пробует возражать, держаться своего мнения, которое мне очень часто кажется гораздо более здоровым, чем выступления курсовых лидеров. Стоит ли пробовать возражать, если каждое возражение тонет в крике и шуме митингующей толпы, если руководитель этой толпы и всего собрания обрывает всякого инакомыслящего грозным «я вам не даю слова! Я вас лишаю слова!»). Стоит ли спорить, доказывать, если за расхождение во мнениях тебе грозят «исключением из товарищества»⁷¹⁴. Известно, что из всех женщин-историков дореволюционной эпохи к политическим партиям были близки Е.Н.Щепкина, О.А.Добиаш-Рожественская и А.М.Петрункевич (все трое – к кадетам, что было, в целом, характерно для политических предпочтений научных работников 1905-1917 гг.⁷¹⁵). После Великой российской революции 1917-1922 гг. общественная активность стала обязательным условием профессионального роста в науке, тем самым перейдя из сферы досуга в регламентированное рабочее время.

Таким образом, нарративы первых российских женщин-историков раскрывают массу подробностей их частной повседневной жизни. Воспоминания о детских годах содержат описания первого гендерного конфликта: ситуации, когда девочки поняли, что область их интересов далеко не всегда соответствует ожидаемому от них поведению в социуме, а занятия научной деятельностью провоцировали серьезные конфликты с родными. Замужество для многих первых женщин-историков открыло путь в профессию, но еще большее количество женщин было вынуждено отказаться от научной карьеры ради выполнения

⁷¹³ Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 174-175.

⁷¹⁴ Там же. Л. 176-177.

⁷¹⁵ Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Междунар. науч. коллоквиума. СПб., 2003. С. 211–212. С.211.

традиционного гендерного сценария либо, напротив, отказаться от попыток создать семью. Одобряемый советской системой гендерный контракт «работающая мать» создавал дополнительные сложности для женщин-ученых – организация быта, лежавшая на женщинах, мешала исследовательской работе, которая зачастую происходила в свободное от основной занятости» время, что не отменяло для них «вторую смену» работы по дому. Исследовательские занятия вынуждали женщин изменять структуру быта: многие пользовались возможностью перераспределить часть работы по дому на домашних помощниц. В целом, разнообразие практик распределения бюджета времени на научные занятия, домашние дела и рекреационные практики изначально зависело от социального происхождения женщин-историков: в итоге, наибольших профессиональных результатов добивались именно те, кто имел возможность большую часть своего времени отдавать «служению науке».

Очевидно, что становление массового городского досуга как самостоятельной сферы деятельности, куда направлялась деловая активность различных слоев населения и устремлялись представители разных социальных слоев в поисках новых ощущений, впечатлений и знаний, прошло скорее незамеченным женщинами - будущими учеными. Как обобщение сказанного выше, напрашивается вывод о том, что досуг первых женщин-ученых был почти неотделим от процесса повышения уровня их образования, от работы. К самим занятиям исторической наукой изначально они часто относились как к хобби и продолжению увлечения чтением. Как и другие женщины из среды просвещенной и образованной, они так же могли занимать себя рукоделием, музицированием, гостеванием и приемом гостей. Тем не менее, по мере институционализации женского участия в профессии историка, их досуг изменялся: женщины-историки понимали, что перенимая досуговые практики мужской академической корпорации, они становятся ближе к мечте стать профессиональным историком, достигнуть статуса и уважения опытных коллег. Осознавая, что профессия историка в Российской империи подразумевала неформальное общение участников научных школ, они стремились закрепить профессиональные

знакомства на неформальных вечерах, усвоить скрытые в обычное время корпоративные нормы. Маргинализованное положение первых русских женщин-историков определяло мотивацию – всеми силами стараться не быть исключенной из социальной жизни, тогда как настоящее успокоение им приносил именно процесс научного поиска в архивах и библиотеках. Многие досуговые практики служили для адаптации к академической карьере, а собственные сложности в работе вдохновляли женщин в свободное время помогать тем из подруг, кто также выбрал сложный путь профессионального признания как путь к самореализации своей личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Профессиональные и частные стороны повседневной жизни первых поколений российских женщин-историков отражали процессы, происходившие в науке и образовании второй половины XIX – первой половины XX века. Историко-антропологический материал, сведения по этнографии быта представительниц этой социальной группы собирались по крупицам, по нечастым упоминаниям в текстах эгодокументов, поэтому в исследовании была сделана попытка генерализировать эти отдельные рассказы, чтобы хотя бы отчасти приблизиться к пониманию того, для чего дворянки или обеспеченные представительницы средних городских слоев вдруг занялись научной работой. Обработав более десяти архивных фондов и несколько десятков опубликованных эгодокументов, можно прийти к следующим выводам.

В период с 1860 по 1941 произошли значительные изменения в нормативно-правовом регулировании женского труда в науке и образовании. В 1860 г. женщины впервые получили возможность учиться в университетах, но уже в 1863 г. право женщин обучаться вместе с мужчинами было ограничено. В 1872 г. в Москве были открыты первые Высшие женские курсы, на которых женщины могли получить профессиональное образование. Т.к. формального запрета на их работу в качестве преподавательниц на курсах не было, с начала 1880-х отдельные исследовательницы начали вести преподавательскую деятельность на историко-филологическом отделении Бестужевских курсов. Начиная с 1890-х гг. массовая практика оставления женщин-историков «при курсах для усовершенствования в изучении» предметов, с одной стороны уравнивала их с историками-мужчинами, которые могли быть оставлены «при университете для приготовления к профессорскому званию», с другой стороны вовсе не гарантировала трудоустройство женщин в качестве преподавателей высшей школы. Принятие женщин на работу в обход существовавшего законодательства несло на себе серьезные риски, а невозможность научной аттестации женщин для получения степени магистра или приват-доцента лишь закрепляла их маргинальное положение в российской науке. Одним из способов обхождения

нормативных запретов было получение научной степени за рубежом, чем пользовались многие известные женщины-историки. Ситуация изменилась в 1911 году: вышел закон, по которому женщины могли приобретать ученые степени магистра и доктора, чем полностью уравнивались в правах с мужчинами в академической среде. Несмотря на подкрепленное нормативно-правовыми актами Советской России преодоление гендерных асимметрий в законодательстве, реальное положение вещей долгое время оставалось прежним. Необходимо отметить, что подобные правовые коллизии существовали только в системе высшего образования – возможность самостоятельных занятий исследованиями и публикаций была ничем не ограничена.

Вхождение в мужскую академическую корпорацию для первых российских женщин-историков было затруднено из-за присущего им недостатка профессионального образования и отсутствия возможностей его получить в России, но благодаря адресной помощи отдельных известных историков, женщины постепенно начали проникать в историческое научное сообщество. Карьерные пути исследовательниц в дореволюционной России строились похожим образом: поступление на ВЖК – «оставление при курсах для усовершенствования в изучении» истории - командировка за границу - получение научной степени за границей - возвращение в Россию – (с 1911 года) получение научной степени в России. Установившаяся после 1917 года советская система организации науки, декларировавшая равенство мужчин и женщин в профессиональной исследовательской области, при этом затормозила процесс вхождения женщин в академическую корпорацию историков. Уничтожение женских высших учебных заведений лишило женщин преимуществ «позитивной дискриминации», а приоритет «пролетарского происхождения» и возросшая конкуренция со стороны мужчин за сократившиеся рабочие места привели к тому, что количество женщин-историков выросло незначительно. Многие женщины-историки были вынуждены менять сферу деятельности и уходить в смежные с историей области археографии, библиотековедения или педагогики, некоторые предпочли эмиграцию или переезд внутри Советского Союза для поиска

вакантных мест. Создание ИКП, Комакадемии и установление системы аспирантуры на исторических факультетах в 1934 году изменили ситуацию: гендерные асимметрии в области трудоустройства научных работников, в целом, были преодолены.

Адаптация женщин как полноправных членов мужской корпорации историков происходила нелегко: хотя представительницы первого поколения женщин-историков получили поддержку со стороны именитых профессоров, формальные основания для отказа в преподавательской и научной деятельности на базе ВЖК делали их положение в науке неустойчивым. Заграничные командировки требовали серьезных финансовых вложений и наличия большого количества свободного времени, поэтому, несмотря на увеличение возможностей трудоустройства женщин-историков, лишь немногие из них могли позволить себе занятия наукой – гарантировать им профессиональное развитие и работу в сфере высшего образования было практически невозможно. С этим фактором связано также формирование в историческом сообществе сферы «женской обслуживающей науки» - будущие исследовательницы могли рассчитывать на работу в архивах, библиотеках и одновременно использовать их возможности для создания исторических трудов. Основными формами адаптации к научной среде женщин-историков были просеминарии Высших женских курсов, в ряде случаев получавшие развитие в виде неформальных научных кружков под руководством знаменитых российских историков.

К положению первых женщин в отечественной исторической науке применим «эффект Матильды» (концепция, подразумевающая, что женщинам изначально было сложнее добиться успехов в науке, т.к. они обладали меньшим запасом доверия в академической среде и были в большей степени подвержены дискриминационным практикам). Среди примеров дискриминации первых российских и советских женщин-историков были: плагиат, присваивание научных результатов, дополнительная неоплачиваемая работа, отказ в трудоустройстве на преподавательские и исследовательские должности по гендерному признаку. В условиях государственных изменений в исторической политике (1917-1934 гг.)

женщины зачастую находились в условиях «двойной дискриминации» (по признаку пола и по признаку социального происхождения): они чаще мужчин были вынуждены оставлять преподавательскую и научную работу, уходить в сферу «обслуживающей науки», менять специальность или место жительства.

Первые женщины-историки в России сразу же получили серьезную поддержку от лидеров академического сообщества. Если вначале знакомства с профессиональными историками случались в частном порядке, то после возникновения Высших женских курсов на них появилась система обучения исследованиям, а при желании курсистки могли выбрать себе научного руководителя и заниматься с ним дополнительно (подобное академическое наставничество не оплачивалось, но было важно для репутации известных историков). Женщины получили возможность на равных участвовать в неформальных домашних семинариях известных исследователей, наставники также помогали им в вопросах трудоустройства и заграничных стажировок. Полная отмена различий в получении ученых степеней между мужчинами и женщинами в 1918 году и революционные события изменили практики наставничества: с одной стороны, теперь женщины с полным правом могли передавать свои знания студентам, с другой стороны, постепенно разрушались традиции дореволюционных исторических научных школ: в частности, домашние семинарии и тесное неформальное общение наставников и учеников ушли в прошлое. В связи с репрессиями историков в конце 1920-х - 1930-х гг. существовавшая система неформальных научных кружков была практически разрушена, уступив место индивидуальной работе наставника и ученицы.

Профессиональные успехи первых женщин-историков зачастую не одобрялись их родными, убежденными в необходимости следовать традиционному гендерному сценарию. Нарративы о детстве многих женщин-историков содержат рассказы о первом гендерном конфликте – осознании того, что появившееся желание стать исследователем противоречит усвоенным в семье гендерным установкам. Хотя для некоторых женщин-историков замужество повлияло на профессиональный выбор, зачастую браки с учеными сокращали их

время на собственные исследования (они помогали мужьям в работе в качестве секретарей или литературных редакторов). В связи с этим некоторые женщины-историки выбирали безбрачие как наиболее удобную стратегию для продолжения научных занятий, остальные «ученые дамы» стали позже вступать в брак и откладывать рождение детей на более поздний срок. Сочетание научной работы и материнства в представлении многих исследовательниц было возможно только при условии наличия помощников или дополнительных источников средств к существованию.

Первые женщины-историки в Российской империи получали основные доходы от публикации исследований в научно-популярных исторических журналах (в том случае, если исследовательница была обеспечена мужем или родителями, она обычно отдавала предпочтение неоплачиваемой преподавательской работе, воспринимая профессию историка как хобби). Представительницы второго поколения женщин-историков получили возможность преподавать на Высших женских курсах, получая высокую заработную плату, с помощью которой они могли полностью обеспечивать себя. В период Великой российской революции (1917-1922) все исследовательницы почувствовали ухудшение своего финансового положения, в 1920-е гг. материальное положение улучшилось, в первую очередь, у представительниц «красной профессуры».

В исследуемый период изменилась структура свободного времени исследовательниц: как правило, женщины-историки тратили его на продолжение своих научных занятий, перенимали типичные практики времяпрепровождения мужчин-ученых и пытались усвоить неформальные нормы академической корпорации на «вечерах и вечеринках», организованных их коллегами. Бытовая сторона свободного времени при этом отнимала меньше сил, чем у советских коллег: постоянное использование наемного труда и более стабильное экономическое положение позволяли заниматься наукой, не думая о необходимости выживать и искать средства для существования семьи. Расширение социальных рамок интеллигенции после Великой революции 1917-

1922 гг. и постепенная институционализация женского труда в науке привели к тому, что исследования окончательно перестали быть лишь интересным хобби, превращаясь в карьеру с жесткими правилами существования и все более регламентированными должностными обязанностями⁷¹⁶. Распорядок дня успешной женщины-исследовательницы советской эпохи принципиально изменился: значительную долю времени в 1920-е гг. занимали хлопоты о благополучии семьи (улучшение жилищных условий, решение бюрократических вопросов). Важным условием успешной научной работы для женщин-ученых советского периода была возможность делегировать домашние дела родственницам или домашним помощницам – в иных случаях бытовые проблемы могли помешать эффективному распределению бюджета времени, необходимого для исследований. В 1920-1930-е гг. позволить себе домашнюю работницу могли только семьи с достаточно высоким уровнем дохода и/или высоким уровнем притязаний, с другой стороны, нередко от возможности не тратить время на огромное количество повседневных домашних дел зависела карьера женщины-исследовательницы, наличие у нее достаточного количества времени на продуктивный творческий труд. Отдых женщин-ученых стал гораздо более регламентированным: если до революции 1917 года они были свободны в выборе мест академического туризма и способах проведения досуга, то в 1920-е – 1930-е гг. их нерабочая общественная активность должна была быть направлена только на одобренные государством цели, а места отдыха (санатории и курорты) рассматривались как нематериальные способы поощрения успешных ученых. С середины 1920-х гг. в результате государственной политики представительницы «красной профессуры» значительно улучшили свое материальное положение, но, тем не менее, они продолжали добиваться профессиональных успехов вопреки необходимости совмещать научную работу со «второй сменой» работы по дому.

---

⁷¹⁶ Секенова О.И. Чем отличались труд и отдых женщин-ученых дореволюционной эпохи // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 131-135.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Источники личного происхождения, принадлежащие женщинам-историкам

1. «...И мучилась и работала невероятно»: дневники М. В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013. 822 с.
2. «В России надо жить долго...»: памяти К. А. Антоновой (1910—2007). М.: Вост. лит., 2010. 470 с.
3. Белозерская Н.А. Автобиография // Исторический вестник. Июнь 1913 г. Т.132. С.925-937.
4. Белозерская Н.А. Воспоминания о Н.И.Костомарове // Русская старина. Томъ XLX-L. 1886. Выпуски 1-4.
5. Богданович Т.А. Повесть моей жизни. Воспоминания, 1880-1909. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007. 361 с.
6. Гаген-Торн Н.И. Меморіа. М.: Моск. ист.-лит. о-во "Возвращение", 1994.412с.
7. Генкина Э.Б. Воспоминания об ИКП // История и историки. Историографический ежегодник. 1981. М., 1985. С. 257-273.
8. Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. 462 с.
9. Денисова М.М. Стихотворения // ОР ГИМ (Отдел рукописей Государственного исторического музея). Ф.491. Д.46.
10. Е.В. Балобанова. Записки слушательницы С.-Петербургских высших женских курсов I выпуска (1882 г.) // Петербургский исторический журнал. 2015. №4 (8). С. 227 - 248.
11. Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: Труды, документы, воспоминания. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 208 с.
12. Житомирская С.В. Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2006. 599 с.
13. Из переписки О.А.Добиаш-Рождественской 1920-х – 1930-х годов // Отечественная история. 1992, № 3. С. 101-117.
14. Левис М.М. "Мы жили в эпоху необычайную...". М.: [б. и.]; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. 434 с.

15. Любименко И.И. Автобиография // СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л. 24-28.
16. Любименко И.И. Из РСФСР за границу Европа после войны // СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 217.
17. Любименко И.И. Личные дневники // СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214.
18. Нечкина М.В. Записи доходов и расходов. 2 тетради // АРАН (Архив Российской академии наук). Ф. 1820. Оп. 1. Д. 272.
19. Нечкина М.В. Переписка с редакцией газ. «Правда», ак. Покровским М.Н. и др. в связи со ст. Рыклина Г.Е. «История с примечаниями» (о комментариях Нечкиной М.В. к книге «Записки декабриста Н.И.Лорера. М. 1931) // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 342.
20. Нечкина М.В. Письма Эпштейну Давиду Аркадьевичу, мужу, д.х.н., академику АПН СССР // АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452.
21. Ошанина Е.Н. Личные дневники // ЦГА Москвы (Центральный государственный архив г. Москвы). Ф.Л-125.Оп.1. Д. 20 - 29.
22. Петровская И.Ф. В конце пути. СПб.: [б. и.], 1999. 338 с.
23. Письмо К.В.Флоровской к Г.В.Флоровскому от 13 сентября 1922 г. // Галчева Т.Н., Голубович И.В. "Понемногу приспосаблиюсь к «независящим обстоятельствам». П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с. С.38.
24. Пруссак А.В. Автобиография // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 7. Л. 3.
25. Рабинович А.Я. и др. Воспоминания о коллективных уроках общества воспитательниц и учительниц // ОР ГИМ (Отдел рукописей Государственного исторического музея). Ф. 92. Д. 95.
26. Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. Стефанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения «Гептахор» в документах Центрального московского архива-музея личных собраний. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2007. 854 с.
27. Сергеенко М.Е. Воспоминания // Составитель Трофимов А.А. Три судьбы. М.: Издательство «Апостол веры», 2021. 432 с. С. 108-141.

28. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания Прасковьи Сергеевны Уваровой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 293 с.
29. Уварова П.С. Письмо Герье В.И. 7.9.1914 // ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 70. Д. 54-39. Л. 7-8.
30. Флиттнер Н.Д. Воспоминания // НАРДФ ГЭ (Научный архив рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа). Ф. 63. Оп. 1. Д. 2, 4, 6.
31. Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 556 с.
32. Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. С.19-85.
33. Щепкина Е.Н. Бестужевские курсы // РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 569. Оп. 1. Д. 131.
34. Щепкина Е.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3.
35. Щепкина Е.Н. Петербургские курсы и заграница // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д.1.
36. Щепкина Е.Н. Санитарный поезд в турецкую войну // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 11.
37. Щепкина Е.Н. Шестидесятые годы // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 15.

Источники личного происхождения

38. Mahn-Lot A. Ma mère, Myrrha Lot-Borodine (1882-1954) // *Esquisse d'itinéraire spirituel. Revue des sciences philosophiques et théologiques*. Vol.88, №4, 2004. Pp. 745-754.
39. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. М.:Наука, 2003.Т.1.386с.
40. Александр Евгеньевич Пресняков: письма и дневники, 1889—1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 966 с.
41. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992. 512 с.
42. Багалій Д. І. Харківська доба діяльності О. Я. Ефименкової // Збірник наук.-дослід. каф. іст. укр. культури. Харків, 1930. Т. 10. С. 5—15.
43. Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой. М.: Искусство, 2001. 555 с.

44. Быков П.В. Русские женщины-писательницы. А.И.Ишимова // Древняя и новая Россия. 1878. Т.2. №8. С.316-321.
45. Водовозова Е.Н. На заре жизни. М.: Худож. лит., 1964. Т. 2, [ч. 3]: Мемуарные очерки и портреты. 1964. 590 с.
46. Гаген-Торн Г.Ю. Нина Ивановна Гаген-Торн — ученый, писатель, поэт // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Вост. лит., 2002. 343 с. С. 308—341.
47. Герцен А.И. Дневник 1842-1845 // Герцен А.И. Сочинения в 9 т. Том 9. Дневник 1842-1845. М.: Гослитиздат, 1958. 755 с.
48. Гревс И.М. В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 12. С. 42-88.
49. Грушевський М. П[елагія] Литвинова-Бартош. Некролог // ЗНТШ. Львів, 1904. Т. LXII. Кн. VI. Miscellanea. С. 3.
50. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972-1990. 1976. Т. 17.
51. Достоевский Ф.М. Письмо А.Г.Достоевской 30.07./11.08.1876. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/perepiska-dostoevskij-dostoevskaya/dostoevskij-dostoevskoj-30-iyulya-1876.htm> (дата обращения: 30.06.2021).
52. Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1995. 765 с.
53. Жебелёв С.А. Археолог-энтузиаст. (Памяти Спицына) // Советская археология. М.: Издательство Академии наук СССР, 1948. № 10. С. 9—11.
54. Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М.: Аквариус, 2015. 440 с.
55. К 75-летию Лии Менделевны Глускиной // Вестник древней истории. 1990. № 1. С.236.
56. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.
57. Кареев Н.И. Прощание с Санузией 42 поколения // Вторая муза историка : Неизуч. страницы рус. культуры XX ст. : [Стихи, проза, пер.]. М.: Наука, 2003. 782 с.
58. Карпова И.В. История семьи Карповых. Семейная хроника. URL: <http://karpovy-chronicles.narod.ru/content.html> (дата обращения 31.06.2021).

59. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881-1914. М.: Искусство, 1996. 395 с.
60. Корсаков Д.А. К.Д.Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1887, №4. С. 457-488.
61. Косинский М.Ф. Первая половина века: Воспоминания. Paris: YMCA-Press, 1995. 417 с.
62. Костомаров Н.И. Автобиография. М.: Задруга, 1922. 440 с.
63. Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. М.: Худож. лит., 1960. 384 с.
64. Лихачёва Е.И. [некролог] // Исторический вестник. 1905, №1. С.377.
65. Люблинская А.Д. О.А. Добиаш-Рождественская как ученый // Ученые записки ЛГУ, сер. ист. наук, вып. 12, 1941. С.10-26.
66. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. Т.: Узбекистан, 1980. 672 с.
67. Майский И.М. Переписка с СанУпром // АРАН. Ф. 1702. Оп. 2. Д. 121.
68. Материалы выставки «Домашний уклад семьи востоковедов: Игнатий Юлианович и Вера Александровна Крачковские». URL: <http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/800/> (дата обращения: 11.06.2020).
69. Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). М.: Современник, 1990. В 2-х тт.
70. Митрофанов В. В. Отзыв А.Е. Преснякова о труде М.А. Островской // Клио. 2008. № 1(40). С. 14-19.
71. Мнухин Л.А. «Душа моя дорогая...»: Письма С.В.Паниной к А.М.Петрункевич // Мыслящие миры российского либерализма. Графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956). Материалы Международного научного colloquiuma. Москва, 29–31 мая 2011 г. М., 2012. 272 с. С.101-143.
72. Ньюберг И.К. Доисторическое // Сайт «Семейная мозаика». URL: <http://rautian.ru/?story&id=830> (дата обращения: 1.12.2020).
73. Павленко Н.И. Воспоминания историка. М.: Памятники исторической мысли, 2016. 158 с.
74. Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М.: ГИХЛ, 1958. 848 с.

75. Пионтковский С.А. Дневник историка С.А. Пионтковского (1927-1934). Казань: Казанский гос. ун-т, 2009. 516 с.
76. Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. М.: Руда и Металлы, 2009. 303 с.
77. Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову): В 2 кн. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. Кн. 1: А-Н. 800 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Saharov/pisma-raznyh-lits-k-svjatitelyu-afanasiyu-saharovu-kniga-1/80.
78. Платонов С.Ф. Александра Яковлевна Ефименко: Некролог // Дела и дни. 1920. Кн.1. С.617–620.
79. Платонова Н.Н. Дневник (1889-1921). Рязань: [б.и.], 2020. 881 с.
80. Пришвин М. М. Дневники. 1930-1931. Книга седьмая. СПб.: Росток, 2006. 704 с.
81. Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 390 с.
82. Руколь Б. М. Памяти И. М. Белявской // Вестник Московского университета. Сер. История. 1975. № 5. С.92-96.
83. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. М.: Худож. лит. Т.18, кн. 2: Письма. 1868-1876. 1976. 365 с.
84. Семенова-Флюр (Шаскольская) В.Э. Родители моей мамы – социалисты-революционеры Н.В. Брюллова-Шаскольская и П.Б.Шаскольский // Судьбы демократического социализма в России. Сборник материалов международной научной конференции (Москва, 20-21 сентября 2013 г.). М.: Издательство им. Сабашниковых, 2014. 360 с. С.296-315.
85. Скржинская М. «И тогда я прочла Карсавину стихи». URL: <http://russophile.ru/2016/10/08/марина-скржинская-и-тогда-я-прочла-ка/> (дата обращения: 19.01.2021).
86. Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно и для других. Пг.: «Прометей» Н.Н.Михайлова, 1915.174 с.
87. Сорокин П. А. Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. 302 с.

88. Спаська І. Пелагея Яковівна Литвинова: Нарис її життя та праці за її рукописами та родинними документами // Етнографічний вісник. 1928. Кн.7. С.168 - 199.
89. Суворин А.С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London: The Garnett press; М.: Изд-во Независимая газ., 2000. 666 с.
90. Тургенев И.С. Литературный вечер у Плетнёва // Русский архив. 1869. Вып. 10. Стб. 1663—1676.
91. Хоткевич Г. Ефименкова // Збірник наук.-дослід. каф. іст. укр. культури. Харків, 1930. Т. 10. С. 37-43.
92. Черепнин Л.В. Академик Милица Васильевна Нечкина: (К 60-летию со дня рождения и 40-летию науч., пед. и обществ. деятельности) // Вопросы истории. 1961. № 5. С.97-101.
93. Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным; Мои воспоминания о Государе. М.: Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1994. 361 с.
94. Шитц И.И. Дневник великого перелома (1928-1931). Paris: Умса-press, 1991. 325 с.
95. Э.Б. Генкина [некролог] // Вопросы истории. 1978. № 11. С.221.

Научные и литературные работы

96. Les poesies des goliards groupees et traduites avec le texte latin en regard par Olga Dobiache-Rojdestvensky / Preface de Ferdinand Lot, de l'institut. Paris : Rieder, 1931. 271 p.
97. Lubimenko, Inna. Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre Le Grand. Paris : Libr. ancienne Champion, 1933. 310 p.
98. Scott, Walter, Sir. Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from Scottish History. Humbly Inscribed to Hugh Littlejohn, Esq. In Three Vols. Vol. I[II-III]. Printed for Cadell and Co. Edinburgh; Simpkin and Marshall, London; and John Cumming, Dublin. 1828. 352 pp.
99. Андрияшев А.Ф. Начальное обучение грамоте по звуковому способу. Киев: ред. Киев. нар. календаря, 1875. 67 с.
100. Балобанова Е.В. Библиотечное дело. СПб.: тип. И.Н.Скороходова, 1902. 39 с.

101. Белозерская Н. А. Из жизни Петра Великого. Первые годы сближения Петра I с Екатериной Алексеевной. 1702-1727 гг. // Исторический вестник. 1903. Т. 92. № 5. С. 451-493.
102. Белозерская Н.А. Василий Трофимович Нарезный: Ист.-лит. очерк Н. Белозерской, удостоен. Увар. премии в 1893 г. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1896. 297 с.
103. Белозерская Н.А. Царское венчание в России // Русская мысль, 1883. Кн. 4. С.1-40; Кн. 5. С. 1-48.
104. Брюллова С.К. Новая теория о происхождении Франции // Вестник Европы, 1877, № 2. С.581-631.
105. Брюллова С.К. Общественные идеалы в Екатерининскую эпоху // Вестник Европы, 1876, № 1. С. 49-83.
106. Вторая муза историка: Неизученные страницы русской культуры XX столетия. М.: Наука, 2003. 782 с.
107. Горсей Дж. Записки о Московии XVI века. Пер. с англ. Н. А. Белозерской; С предисл. и примеч. Н. И. Костомарова. СПб.: Суворин, 1909. 159 с.
108. Данзас Ю.Н. Наедине с собой / Юрий Николаев [псевд.] // Звезда. 2017. №11. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/11/naedine-s-soboj.html> (дата обращения: 15.07.2021).
109. Дневник поручика Васильева. [1774-1777 гг.] / С предисловием Е. Щепкиной. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1896. 124 с.
110. Донн У.Б. Тацит, в изложении В.Б. Донна / Пер. с англ. С.К. Брюлловой, урожд. Кавелиной. СПб.: В.О. Ковалевский, 1876. 233 с.
111. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: АСТ, 2008. 781 с.
112. Дроз И. Искусство быть счастливым. / Пер. с фр. А.Ишимова. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1831. 241 с.
113. Ишимова А.О. Исторические рассказы Александры Ишимовой. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1849. 325 с.

114. Ишимова А.О. Маменькины уроки, или Всеобщая история в разговорах для детей. Вып. 1-5. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1858-1863. 5 т. Вып. 1. 1858. 147 с.
115. Ишимова А.О. Священная история в разговорах для маленьких детей. СПб.: тип. Я. Трея, 1854. 68 с.
116. Ишимова А.О. Сокращенная русская история. СПб.: тип. Я. Трея, 1867. 304 с.
117. Корнель П. Сид: Текст с введ., примеч. и словарем / Корнель; Объяснил В. Баралевский. 2-е изд., пересмотр., с введ. О.М. Петерсон. СПб.: С.А. Манштейн, 1899. 112 с.
118. Коттен С. Елисавета Л*, или Нещастие семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного: Истинное происшествие. М.: В Губернской типографии у А. Решетникова, 1808. 18 с.
119. Краткий очерк русской истории с древнейших времен до 1881 года / Сост. Е. Щепкина. СПб.: В. Яковенко, 1903. 314 с.
120. Краткий очерк русской истории с древнейших времен до начала XX века / Сост. Е. Щепкина. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: В. И. Яковенко, 1906. 287 с.
121. Крупская Н.К. Обучение и воспитание в школе. М.: Акад. пед. наук, 1959. 748 с.
122. Куделли П.Ф. Борьба за женский день; Отд. Ленингр. област. ком-та по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). Ленингр. област. истпарт. Ленинград: Прибой, 1928 (тип. им. Н. Бухарина Гос. изд-ва). 46 с.
123. Куделли П.Ф. К.Н.Самойлова-Громова ("Наташа"). 1876-1921 г. Ленинград: Прибой, 1925. 80 с.
124. Куделли П.Ф. Ленин и ленинградские рабочие; Ленингр. ин-т истории ВКП(б). Ленинград: Ленпартиздат, 1934. 146 с.
125. Купер Дж.Ф. Красный морской разбойник: Повесть Фенимора Купера, авт. "Кормчего" и проч. СПб.: тип. А. Смирдина, 1832.
126. Литвинова П.Я. Азбука для народных школ: Сост. по звуковому способу для нагляд. обучения П. Литвиновою. Киев: тип. С.Т. Еремеева, 1877. 40 с.

127. Литвинова П.Я. Еще о старинных трактах или дорогах в Южной России // Киевская старина. 1883. №3. С.682-683.
128. Литвинова П.Я. Закрутки и заломы// Киевская старина. 1899. Т.3. С.139-141.
129. Литвинова П.Я. Как землянцы потеряли свою вольницу // Киевская старина. 1886. №6. С.381-384.
130. Литвинова П.Я. Как сажали в старину людей старых на лубок // Киевская старина, 1885. №6. С.354-356.
131. Литвинова П.Я. Криница – Богиня плодородия у Северян // Киевская старина. 1884. №4. С.695-697.
132. Литвинова П.Я. Очерки из жизни старосветских помещиков (1814-1866)// Киевская старина. 1904. №8. С.176-212.
133. Литвинова П.Я. Русские народные узоры / собр. П. Як. Литвиновой. Киев: Ред. Киев. нар. календаря, 1877. 17 л.
134. Литвинова П.Я. Южно-русский народный орнамент, вып. 1. Черниговская губерния, Глуховский уезд, Киев: Изд. Бец в литогр. Фрица, Предисловие и 12 цветных таблиц. 1878. 13 с. 20 л.
135. Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1890-1901. Т. 1-4.
136. Лихачева Е.О. Европейские реформаторы Гус, Лютер, Цвингли, Кальвин. СПб.: тип. В. Демакова, 1872. 242 с.
137. Лорер Н.И. Записки декабриста Н. П. Лорера / Под ред. М. Н. Покровского ; Подготов. к печати и коммент. М. В. Нечкина; Ком. акад. М.: Гос. соц. экон. изд-во, 1931. 448 с.
138. Массе Ж. Слуги желудка : Письма о физиол. жизни человека; Переделка с фр. Е. Лихачевой и А. Сувориной. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1870. 460 с.
139. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии / сост. Александра Ефименко. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1877. 231 с.
140. Николаев Ю. В поисках за божеством: Очерки из истории гностицизма. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1913. 527 с.
141. Николаев Ю. Запросы мысли. СПб.: Тип.А.С.Суворина, 1906. 254 с.

142. Петерсон О., Балобанова Е. Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов. В 3 т. Т. 1–3. СПб.: С.-Петербургская губернская типография; типография И. Н. Скороходова, 1896–1900.
143. Петерсон О.М. Корнваллийские сказки. СПб.: тип. "Родник", 1907. 55 с.
144. Петискус А.Г. Олимп. Мифология греков и римлян. С рисунками в тексте и на отдельных листах / под ред. К.А. Тюлелиева. 3-е изд. М.; СПб.: Изд. М.О. Вольф, 1913. 452 с.
145. Полное собрание сказок Андерсена, с 117-ю гравированными полнотипажами. Изд. 2-е. СПб.: Трубникова и Стасова, 1867 (Типография А. Головачова). 155 с.
146. Сб. повестей, рассказов, стихотворений и попул. статей для детей всех возрастов / Сост. и изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной. СПб.: тип. Н. Тиблена и К° (Н. Неклюдова), 1866. 273 с.
147. Семевский В.И. Крепостные крестьяне при Екатерине II, 1762-1796 // Русская старина. Том XVII. 1876. Выпуски 9-12. С.652-690.
148. Семевский М.И. Царица Прасковья. 1664-1723: Очерк из рус. истории Михаила Семевского. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ред. журн. "Рус. старина", 1883. 256 с.
149. Смутное время / К. Валишевский; Пер. с фр. под ред. [и с предисл.] Е. Н. Щепкиной. СПб.: О-во вспоможения окончившим курс наук на С.-Петербур. высш. жен. курсах, 1911. 434 с.
150. Уварова П.С. Археология / Сост. гр. П.С. Уварова, пред. Моск. археол. о-ва. Тифлис: тип. Канцелярии главноначальствующего гражданск. частью на Кавказе, 1902. 231 с.
151. Уварова П.С. Губернские или областные музеи. М.: Моск. археол. о-во, ценз; тип. А.И. Мамонтова и К°, 1888. 26 с.
152. Уварова П.С. Каталог ризницы Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле / [Соч.] Гр. Уваровой. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1887. 42 с.
153. Уварова П.С. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова: Отд. [1]-11 / [[Соч.] Гр. Уварова]. М.: Синод. тип., 1887-1908. 4 т.

154. Флиттнер Н.Д. Искусство древнейших культур: Новейшие археологические открытия. Ленинград: Сойкин, 1929. 55 с.
155. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: Институт Русской цивилизации, 2009. 848 с.
156. Цезарь Гай Юлий. Комментарии, в изложении Антони Троллопа. Пер. с англ. С.К. Брюлловой (Кавелиной). СПб.: В. Ковалевский, 1876. 221 с.
157. Чтения по истории России в осмнадцатом веке / Е. Щепкина. СПб.: Типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1905. 263 с.
158. Щепкина Е. Женское движение в годы Французской революции / Е. Щепкина; С обращением к читателю А.Коллонтай. Пб.: Гос. изд-во, 1921. 84 с.
159. Щепкина Е. Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1914. 307 с.
160. Щепкина Е.Н. Брак // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 2.
161. Щепкина Е.Н. Всероссийский союз равноправности женщин // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 5.
162. Щепкина Е.Н. Женское движение // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 7.
163. Щепкина Е.Н. Женское движение 1905 года в отзывах современных деятелей. СПб.: тип. Г. Скачкова, 1906. 18 с.
164. Щепкина Е.Н. Старинные помещики на службе и дома: Из семейной хроники: (1578-1762). СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 223 с.
165. Щепкина Е.Н. Фиктивный брак // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 13.
166. Эйкин Д. Семейные вечера, или Собрание полезных и приятных рассказов для юношества. СПб.: тип. Деп. внеш. торг., 1833. 4 т.
167. Юрьева О.П. Очерки по истории феодализации монархии во Франции // ЖМНП. 1902, февраль. С.287-342.

Нормативные документы

168. Декрет СНК РСФСР о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 37. Июль 1918 — март 1919. С. 34.

169. Декрет СНК РСФСР «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 72. С. 789.

170. Закон 19 декабря 1911 года и правила об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 31. 1911. №36226. СПб., 1914. С.1296-1300.

171. Общие уставы императорских российских университетов 1863 и 1884 гг. Одесса: Тип. Акц. Южно-рус. о-ва печатного дела, 1901. 83 с.

172. Представление Министерства народного просвещения Временного правительства об учреждении Тифлисского политехнического университета (5.05.1917) // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VIII. Журналы заседаний Временного правительства: Март—октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 2. Май—июнь 1917 года. Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации. М.: РОССПЭН, 2002. 512 с. С.31.

173. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (A/70/474/Add.2)] от 22.12.2015. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/212 (дата обращения: 15.06.2021).

174. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917-1918. №51. Ст. 582.

175. Университетский устав 1863 года. СПб.: Тип. Огризко, 1863. 55, 108 с.

Делопроизводственные документы

176. Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб.: БАН, 2015. Вып. 9. Ч. 1–3: Обвинение. Приговор. Реабилитация. 1642 с.

177. Годовые отчеты санатория Узкое и дома приезжих АН СССР за 1943 // АРАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75.

178. Добиаш-Рождественская О.А. Отчет о командировке в Париж в 1908-1909 // ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 254. Д. 18.
179. Добиаш-Рождественская О.А. Отчет о научной командировке в Берлин, июль-август 1929 // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 55.
180. Добиаш-Рождественская О.А. Сообщение о заграничной поездке в Берлин и Париж в 1926 году // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 50.
181. Количество аспирантов ЛГУ на 1 января 1941 года // ЦГА СПб (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 675. Л.3.
182. Личное дело академика - Панкратова Анна Михайловна // АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 212. Л. 1-3.
183. Письма академиков и членов-корреспондентов в Управление делами о предоставлении им квартир, автомашин и путевок в санатории и копии отношений Управления делами в Главсанупр Кремля об акад. Северцове // АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42.
184. Протокол № 46 заседания Секции химико-технологических и биологических наук Президиума АН СССР // АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 60.
185. Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908-1919 гг. // Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 113. Оп. 5. Д. 16.
186. Протоколы заседаний Президиума объединенного месткома Комакадемии // АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 548.
187. Протоколы собрания кружка по изучению женского вопроса 19 октября 1913 - 27 ноября 1915 // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 197.
188. Список деятелей Петербурга по гуманитарным знаниям. 1918 год // ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 97. Л.26-61.
189. Требовательные ведомости историко-филологического отделения МВЖК // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 1. Д. 126. Л. 21-26 (об.).

190. Шесть месяцев работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совете народных комиссаров (Цекубу) [ноябрь 1921 г. - май 1922 г.]: краткий отчет. М.: 7-я тип. "Моспечать", 1922. 36 с.
191. Щепкина Е.Н. Законодательное предположение [Союза женских демократических организаций] о призыве женщин на обязательное служение государству. Объяснительная записка // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 193.
192. Щепкина Е.Н. Письмо общества Взаимопомощи женщин в Новочеркасске, во Всероссийский женский союз [о призыве женщин на обязательное служение государству] // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 195.
193. Щепкина Е.Н. Собрание женщин 1905 год, февраль [Протокол организационного собрания Лиги Равноправия женщин] // РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 191.

Пресса и публицистика

194. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Перевал, 1907. № 5. С. 7-16; № 6. С. 24-36. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1907_metafizika.shtml (дата обращения: 1.10.2021).
195. Валькова О.А. О.А.Добиаш-Рождественская о женщинах-ученых СССР: неопубликованные материалы // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. Т. 40. № 4. С. 782-789.
196. Добиаш-Рождественская О.А. За 20 лет // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 236.
197. Докторский диспут в университете // Петроградский голос. 1918. 23 апреля. №66. С.4. ULR: https://history.museums.spbu.ru/images/Gazety/Doctorskii_Disput_v_universitete_Petrogradsky_golos1918_2304_66P4png.png (дата обращения: 15.07.2021).
198. Женщина - магистр всеобщей истории // День. 1915. 10 мая. №127 (925). С.5.
199. Катков М.Н. О женском образовании: статьи, связанные с возникновением и постепенным ростом женской классической гимназии. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1897. 71 с.
200. Коровин Е.А. Зачем существует ЦЕКУБУ?// Вечерняя Москва. 8.01.1930. №6. С.2.

201. Панкратова А.М. Седьмой международный конгресс исторических наук в Варшаве // Борьба классов. № 10. Октябрь 1933. С.1-16.

202. Розанов В.В. Женский образованный труд в России // Новое Время. 1903. 21 нояб. № 9956.

URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_jenskiy_obrazovatelniy.html (дата обращения: 1.10.2021).

203. Розанов В.В. Памяти Анны Павловны Философовой // Новое Время. 1912. 24 марта. № 12943.

URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1912_pamyati_filosofovoy.shtml (дата обращения: 1.10.2021).

204. Семевский В.И. Диспут М.А.Островской // Голос минувшего, 1914. № 4. С. 17–26.

205. Тимашев Н.С. Походь противь ЦЕКУБУ // Возрождение. 21.01.1930. Т.5. №1694. С.4.

Справочники и базы данных

206. БД «Жертвы политического террора» <https://base.memo.ru/> (дата обращения: 2.07.2021).

207. Биографика СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/> (дата обращения: 2.07.2021).

208. Ковалевский П.Е Зарубежная Россия.Paris: Libr.des cinq continents, 1973.147 с.

209. Летопись Российской Академии наук. Отв. редактор д. филос. наук Н. И. Невская. Т. I. 1724–1802. СПб.: Наука, 2000. 994 с.

210. Наука и научные работники СССР: справочник Акад. наук СССР. Л.: [б.и.], 1925-1934. Ч. 4: Научные работники Москвы: с приложением перечня научных учреждений Москвы. 1930. 570 с.

211. Общий обзор Демидовских наград за все время их существования с 1831 по 1864 год // Тридцать четвертое, и последнее, присуждение учреждённых П. Н. Демидовым наград. СПб.: [б.и.], 1866. 408 с.

212. Профессора и преподаватели российских университетов (вторая половина XVIII — начало XX в.). URL: <http://persons.russianuniversityhistory.tsu.ru/> (дата обращения: 2.07.2021).

213. Чернобаев А.А. Историки России конца XIX – начала XXI века: Биобиблиографический словарь. Т. 1–3. М.: Собрание, 2016–2017.

214. Российское зарубежье во Франции, 1919—2000: биограф. слов.: в 3 т. М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. Т. 2: Л—Р. 684 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aitchison C. C. Poststructural feminist theories of representing others: A response to the “crisis” in leisure studies discourse // *Leisure Studies*. 2000. 19(3). P. 127–144.
2. Aurell J. Theoretical perspectives on historians' autobiographies: from documentation to intervention. New York, NY: Routledge, 2016. 279 p.
3. Berg M. *A Woman in History: Eileen Power, 1889-1940*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 308 p.
4. Berger H. *Deutsche Historikerinnen 1920-1970: Geschichte zwischen Wissenschaft und Politik. Geschichte und Geschlechter*. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2007. 350 p.
5. Borsay P. *A History of Leisure. The British Experience since 1500*. New York: Palgrave Macmillan. 2006. 306 p.
6. Burguière A., Vincent B. *Un siècle d'historiennes*. Paris, Des femmes-Antoinette Fouque, 2014. 350 p.
7. Burnett J. *Annals of Labour: Autobiographies of British Working Class*. Bloomington, 1974. 364 pp.
8. Cole J.R. *Fair Science: Women in the Scientific Community*, New York: The Free Press. 1979. 336 p.
9. Cunningham H. *Leisure // The Working Class England, 1875-1914*. London: Croom Helm, 1985. P.133-164.
10. Cunningham H. *Leisure in the Industrial Revolution c1780-c1880*. London: Croom Helm, 1980. 222 p.
11. Dunn J.P. *Scandal on the Plains: William F. Slocum, Edward S. Parsons, and the Colorado College Controversies // Great Plains Quarterly*. 2010. №30. P. 117–134.
12. Fitzpatrick Sh. *Lives and Times. In the Shadow of Revolution: Lifestories of Russian Women from 1917 to the Second World War*. Princenton University Press, 2000. 443 p.
13. Gage M. *Woman as Inventor // The North American Review*. Volume 136. Issue 318. May 1883. P.478 – 489.

14. Geertz C. Thick descriptions toward an interpretive theory of culture // Geertz C. The interpretation of culture. N.Y.t Bane book, 1973. Ch. 1. P. 3–30.
15. Graceffa A. Raïssa Bloch-Gorlin (1898–1943). Parcours d’une historienne du Moyen Âge à travers l’Europe des années noires // Петербургский исторический журнал. №3. 2014. С. 200-223.
16. Harley S. Research Selectivity and Female Academics in UK Universities: from gentleman's club and barrack yard to smart macho? // Gender and Education. 2003. 15:4. P. 377-392.
17. Harris A., Carter L. London’s women historians: a celebration and a conversation. URL: <https://www.history.ac.uk/exhibitions/womenhistorians/> (дата обращения: 17.07.2021).
18. Heimtun B. Leisure, women and gender // Annals of Leisure Research. 2014. 17. P.115-116.
19. Henderson K. A., Bialeschki M. D., Shaw S. M., Freysinger V. J. Both gains and gaps: Feminist perspectives on women’s leisure. State College, PA: Venture Publishing, Inc. 1996. 337 p.
20. Henley M. Women's success in academic science: Challenges to breaking through the ivory ceiling // Sociology Compass. 2015. 9.8. Pp. 668-680.
21. Hochschild A., Machung A. The second shift: Working parents and the revolution at home. New York, NY: Viking. 1989. 348 p.
22. Jelinek E.C. The Tradition of Women’s Autobiography: From Antiquity to the Present. Boston: Twayne Publishers, 1986. 242 p.
23. Kelly J.R. Leisure and Society: A Dialectical Analysis // Leisure Studies: Prospects for the Twenty-First Century State College, PA, Venture Publishing, 1999. P. 53-68.
24. Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science. Oxford, New York: Pergamon Press, 1981. 189 p.
25. L’appel de 440 historiennes françaises : « Mettons fin à la domination masculine en histoire» // LE MONDE. 03.10.2018.
26. Latour B., Woolgar S. Laboratory life: The construction of scientific facts. Princeton: Princeton University Press, 1986. 296 p.

27. Lowerson J., Myerscough J. *Time to Spare in Victorian England*. Hassocks (Sussex): Harvester Press. 1977. 151 p.
28. Merton R. *The Matthew Effect in Science* // *Science*. 1968. №159 (3810). P. 56-63.
29. O'Dowd M. 'Popular writers: women historians, the academic community and national history writing' // *Setting the Standards: Institutions, Networks and Communities of National Historiography Comparative Approaches*. Basingstoke, 2012. 436 p.
30. Paul H. Editorial: *Women in economic and social history: Twenty-fifth anniversary of the Women's Committee of the Economic History Society* // *The Economic History Review* (2014), part of *Economic History Review* special virtual issue. URL: [http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/\(ISSN\)1468-0289/homepage/women_s_committee_a_virtual_issue.htm](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/(ISSN)1468-0289/homepage/women_s_committee_a_virtual_issue.htm) (дата обращения: 15.07.2021).
31. Rossiter M. W. *The Matthew Matilda Effect in Science* // *Social Studies of Science*. 1993. № 23(2). P. 325–341.
32. Silk M., Caudwell J., Gibson H. *Views on leisure studies: pasts, presents & future possibilities?* // *Leisure Studies*. №36:2. 2017. P. 153-162.
33. Smith N.C. *A "Manly Study"?: Irish Women Historians, 1868-1949*. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 216 p.
34. Sylvester C. *Leisure, science, and religion in seventeenth-century England* // *Leisure Sciences*. 1994. № 16. P. 1-16.
35. Thirsk J. *The history women* // *Chattel, Servant or Citizen: Women's Status in Church, State and Society*. Belfast: Queen's University of Belfast, 1995. P.1-11.
36. Valkova O. *The Conquest of Science: Women and Science in Russia (1860–1940)* // *OSIRIS*. 2008. №. 23. P. 136–165.
37. Watts R. *Women in Science. A Social and Cultural History*. London and New York: Routledge, 2007. 320 p.
38. Wimbush E., Talbot M. *Relative freedoms: Women and leisure*. Milton Keynes, UK: Open University Press. 1988. 195 p.

39. Woolf V. A Room of One's Own. London: Hogarth Press. 1935. 172 p.
40. Zorin A., Korchmina E. S. Karamzin and Money // Cahiers du Monde Russe. 2018. Vol. 59. №.1. P. 117-140.
41. Азиатцев Д.Б., Бовкало А.А. Безобразова (Холостова) Любовь Владимировна // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=513 (дата обращения: 7.07.2021).
42. Аксареева В.Г. "Мы, французы, не привыкли видеть русскую даму, занимающуюся науками, и в особенности археологией...": мемуары графини Прасковьи Сергеевны Уваровой в гендерном прочтении // Вестник ЧелГУ. 2009. №32. С.157-163.
43. Алеврас Н.Н. Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX - начала XX века (из диссертационной практики ученых-историков). Часть 3. Неофициальные оппоненты // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 2. С. 160-175.
44. Алеврас Н.Н. Статус диссертации и нормативные основы оппонирования в российском законодательстве XIX века // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 3(38). С. 37-47.
45. Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Выдрин О.В. Диссертационная культура российских университетов XIX — начала XX века // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 100—110.
46. Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3-22.
47. Антропология академической жизни: традиции и инновации / Отв. ред., автор и сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013. 380 с.
48. Чуков Г., Александрова-Чукова Л.К. «Единение цвета науки и Церкви...», или до Петроградского процесса 1922 г. и после «Академического дела» 1929–1931 гг. (по материалам дневников митрополита Григория (Чукова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (28). С. 324–396.

49. Алексеев Ю.Г., Семёнова Л.Н. Ксения Николаевна Сербина (1903—1990) // Отечественная история. 1992. № 3. С. 81—91.
50. Алипов П. А. Историк М. И. Ростовцев: научный успех эмигранта // Новый исторический вестник. 2009. № 19. URL: http://www.nivestnik.ru/2009_1/19_alipov_19.shtml (дата обращения 27.06.2021).
51. Антощенко А.В., Свешников А.В. Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. С. 138 – 160.
52. Антропология академической жизни: традиции и инновации. М.: ИЭА РАН, 2013. 376 с.
53. Барыкина И.Е. Академические благотворительные премии и награды XVIII - начала XX века // Благотворительность в истории России: новые документы и исследования. СПб.: Нестор-история. 2008. С.228-244.
54. Бекасова А.В. Образовательные поездки россиян в Европу: от ученых путешествий к научным командировкам (к постановке вопроса) // Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике: Становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы перспективы (XV-XXI вв.). СПб., 2003. С.342-354.
55. Белковец Л.П. Первые шаги советской дипломатии (из истории российского законодательства о дипломатическом праве) // Международное право. 2016. № 1. С.42-79.
56. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII - середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 478 с.
57. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности// Этнографическое обозрение. 2006. №4. С.85-97.
58. Белова А.В. Женские автодокументы как источники по истории женской провинциальной повседневности и социальной памяти // Российская провинция сквозь призму сословно-правовых, этноконфессиональных, социокультурных, медико-социальных и демографических коллизий в XVIII-XXI вв.: Сборник статей участников Международной научной конференции, Тамбов, 30 августа

- 2019 года. Тамбов: Общество с ограниченной ответственностью «Принт-Сервис», 2019. С. 44-49.
59. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Моск.филос.фонд, 1995. 322 с.
60. Борисов В., Осухова Н. МПГУ Alma mater отечественной науки часть II. 2-ой МГУ: 1918-1930 гг // Развитие личности. 2012. №3. С.8-32.
61. Боярченков В. В. Провинциальные исследователи старины в российском историографическом пространстве середины XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом М.: НИУ "ВШЭ", 2012. С. 258-279.
62. Буданова Н. Ф. Предисловие к Статье С. К. Брюлловой о романе «Новь» // Литературное наследство. Т. 76. С.277—320.
63. Бурдые П. Homo academicus. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 461 с.
64. Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века - 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х - 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 809—848.
65. Валькова О.А. Штурмующая цитадель науки. Женщины-ученые Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 792 с.
66. Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878-1918). М.: Политическая энциклопедия, 2018. 903 с.
67. Вахромеева О.Б. Приглашение к путешествию: методика исторических поездок И.М.Гревса. СПб., 2007. 57 с.
68. Верба І.В. Водолажченко Ольга Гаврилівна // Енциклопедія історії України : у 10 т. Киев: Наукова думка, 2003. Т. 1 : А — В. — С. 688 с.
69. Верременко В.А. «Дура в доме». Женская домашняя прислуга в дворянских семьях России вт. пол. XIX – нач. XX в. // Адам и Ева. 2013. № 21. С. 241–273.
70. Верременко В.А. «Ученая дама» в домашнем пространстве: семейное дело Гринберг-Петри // Российские женщины-ученые: наследие: По материалам

Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки - наследие»: 7-8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН. М.: «Янус-К», 2017. С.59-65.

71. Верременко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX - начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. 203 с.

72. Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. 447 с.

73. Вознесенская А.П. Образ женщины-нигилистки как отражение смены ценностной парадигмы в культуре России XIX в. // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 2. С.153-156.

74. Волобуева Л.Н. Досуг в структуре образа жизни. Философско-культурологические аспекты. Автореф. дис. ... канд. филос. н. М., 2004. 18 с.

75. Вольфцун Л.Б. Ернштедт Елена Викторовна // Сотрудники Российской национальной библиотеки - деятели науки и культуры: биографический словарь. Российская национальная библиотека. СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. С. 223-225.

76. Гевиннер И. Кросс-культурные практики балансирования работы и отдыха в немецком академическом контексте // Этнографическое обозрение. 2021. №3. С.122-130.

77. Гельвих А. Шугуров, Михаил Федорович // Русский биографический словарь: в 25 томах. СПб. - М., 1896—1918. Т. 23 (1911): Шебанов — Шютц. С. 503—504.

78. Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник РУДН. История России. 2012. №1. С. 126-138.

79. Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб.: Сенат. тип., 1902. 202 с.

80. Головин С.А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20-30-е годы XX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №66. С.177-186.

81. Гончарова О.М. Русская женщина 1860-х в «зеркале» идей и литературы // Культура и текст. 2012. № 1. С. 44—53.

82. Гриненко С.В. Гендерная асимметрия в академической среде // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-1. С. 147-152.
83. Гринер В., Трофимова М. Ритмика Далькроза и свободный танец в России 20-х годов // Мнемозина. Документы и факты из истории русского театра XX века. М.: ГИТИС, 1996. С. 124—148.
84. Груздева, Е.Н. Александра Петровна Глаголева: историк и археограф // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4(24). С. 317-330.
85. Грушевський М.С. З ідеології кирило-мефодіївців // Україна: Науковий трьохмісячник українознавства. 1914. Кн. 1. С. 78-83.
86. Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т.64. Вып.1. С.24-52.
87. Дёмина Н.В. Диссертационные практики в дореволюционной России: публичность как условие научной экспертизы // Южно-российский журнал социальных наук. 2006. №1. С.120-127.
88. Деревнина Е.А. Коломенская женская гимназия Ведомства учреждений императрицы Марии в период своего становления: состав и деятельность // История Петербурга. 2019. № 4(77). С. 33-40.
89. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: Том 1. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 480 с.
90. Димке Д. Советские детские игры: между утопией и реальностью// Антропологический форум. 2012. № 16. С.309-332.
91. Дионесов С.М. В.А. Кашеварова-Руднева - первая русская женщина - доктор медицины. [1844-1899]. М.: Наука, 1965. 103 с.
92. Долгова Е.А. Власть, ЦЕКУБУ и творческая интеллигенция в социально-экономических обстоятельствах 1920-х гг.: позиции, статусы, декорации // Обсерватория культуры. 2018. №15(1). С.119-127.
93. Долгова Е.А. Методология исторической науки в работах Н.И. Кареева 1917 - 1931 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2013. 261 с.

94. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е гг. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), 2020. 471 с.
95. Долгова Е.А. Советское научное сообщество в 1918-1934 гг.: социальный, институциональный, публичный аспекты : дис. ... доктора ист. наук : 07.00.02. Москва, 2020. 683 с.
96. Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97-107.
97. Долгова Е.В. Преподавательницы Института красной профессуры в 1937 г.// Российские женщины-ученые: наследие: По материалам Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки - наследие»: 7-8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН. М.: «Янус-К», 2017. С.159-165.
98. Долгова, Е. Квартирный вопрос для Красной профессуры // Родина. 2017. № 8. С. 122-125.
99. Зарецкий Ю.П., Безрогов В.Г., Кошелева О.Е. Детство в европейских автобиографиях: от Античности до Нового времени. Антология. СПб.: Алетейя, 2019. 622 с.
100. Звонарев А.В., Пашенцев Д.А. Законодательная деятельность Временного правительства в области народного образования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 4(28). С. 42-49.
101. Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Междунар. науч. colloквиума. СПб., 2003. С. 211–212.
102. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С.108-127.
103. Иванов А.Е. Российское студенческое зарубежье. Конец XIX – нач. XX вв. // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 1. С.91-120.

104. Илизаров С.С. Приход российских женщин в профессию «История науки»: XX век. Первая половина // Российские женщины-ученые: наследие: По материалам Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки - наследие»: 7-8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН. М.: «Янус-К», 2017. С.112-119.
105. Историческая наука в Московском университете, 1755-2004 / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист. фак.; под ред. С. П. Карпова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. 636 с.
106. История Российской национальной библиотеки. URL: http://nlr.ru/nlr_history/rooms/ostr/sob/ (дата обращения: 12.12.2020).
107. Каганович Б.С. М.К.Гринвальд. Контуры биографии // Отечественная история и историческая мысль в России XIX - XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2006. С. 59-68.
108. Кантимирова Р.И. Проект уфимского губернатора П. А. Полторацкого (1883-1889) по совершенствованию работы органов местного управления // Научный диалог. 2018. №6. С.143-153.
109. Каплан В. Исторические общества и идея исторического просвещения (конец XIX - начало XX века) // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом М.: НИУ "ВШЭ", 2012. С. 355-382.
110. Кац В.И. Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2014. №3. С. 353-364.
111. Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Омск, 2006. 330 с.
112. Киейзик Л. "Наша жизнь здесь понемногу налаживается, хотя еще не все ящики открыты..." Клавдия Васильевна Флоровская в годы эмиграции // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации

исследователей женской истории и ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. В 2 частях, Калининград, 10–13 октября 2019 года. Калининград: БФУ имени Иммануила Канта, 2019. С. 438-440.

113. Киейзик Л.-Б. К вопросу истории взаимоотношений Льва Карсавина и Георгия Флоровского // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 950–961.

114. Киселев М.Ю. Судьба Евгении Владимировны Гутновой в фонде Архива Российской академии наук // Российские женщины-ученые: наследие: По материалам Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки - наследие»: 7-8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН. М.: «Янус-К», 2017. С.297-302.

115. Клоц А. Домашняя прислуга как социальной феномен эпохи сталинизма: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пермь, 2012. 197 с.

116. Козлова Л. А. «Без защиты диссертации». Статусная организация общественных наук в СССР // Овчаренко В.И. Большевистская философия. 2008. Том 2. URL: <https://sites.google.com/site/bolshevistphilosophy/Home/tom-2/soderzanie/kozlova2> (дата обращения: 31.07.2019).

117. Комарова Г.А. Антропология академической жизни: опыт интеграции наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. Москва, 2016. С. 224-246.

118. Коннова Л.А. Женщины в мировой науке и их вклад в научно-технический прогресс // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2019. № 3(44). С. 32-38.

119. Коробко М.Ю. Усадьба Узкое: историко-культурный комплекс XVII-XX веков. М., 1996. URL: <http://www.rusarch.ru/korobko1.html> (дата обращения: 05.04.2020).

120. Косминский Е.А. Изучение истории западного средневековья // Вестник АН СССР. 1945. № 10. С. 43-60.

121. Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917-1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2014. 262 с.

122. Кузнецова Л.А. Гендерные аспекты курортного отдыха в СССР // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. Выпуск 3 (17). С. 81–85.
123. Курапова Е.Р. Милица Васильевна Нечкина: образ в истории // "...И мучилась и работала невероятно": дневники М. В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013. 822 с.
124. Курнант Н.Б. Воспоминание детства в русской дворянской мемуарной культуре конца XIX - начала XX века: дис. ... канд. Филол. Наук: 10.01.01. СПб., 2004. 228 с.
125. Лаптева Т.Н. «Я нахожу, все-таки, что изучать исторические эпохи интереснее, чем их переживать» - медиевист К.В. Флоровская // Российские женщины-ученые: наследие: По материалам Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки - наследие»: 7-8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН. М.: «Янус-К», 2017. С.399 – 406.
126. Лебина Н. Униформа для морской свинки. Вестиментарные характеристики советской женщины-ученого: документальное и личное // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. № 57. С. 175-201.
127. Левенець Ю. Василь Білозерський // Український історичний журнал. 1994. Вип. 2,3, (№395–396). С. 84-93.
128. Лихачев, Владимир Иванович // Руководители Санкт-Петербурга СПб.; М.: Нева: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 576 с. С.269.
129. Лихолетова И.В. Через тернии к знаниям (о студентах 1920-х гг.) // Universum: Вестник Герценовского университета. 2007. №5. С.31-34.
130. Лозинская Л.Я. Во главе двух академий : [О Е.Р. Дашковой]. М.: Наука, 1978. 143 с.
131. Лукьянченко О.А. Вертикаль жизни (наброски к биографии Ф. Ф. Зелинского) // Римская Республика. СПб., 2002. С. 5—22.
132. Макарова О. «Не будь Анюты, которая... имела на меня большое влияние...»: Штрихи к семейному портрету А.С. Суворина на фоне эпохи // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М., 2006. № 12. С. 160—169.

133. Макарова О. «Судьба каким-то роковым образом ставит меня поперек Вашей дороги...»: «Дело Каировой» и его след в биографии А.С. Суворина // Новое литературное обозрение. 2005. № 75 (5). С. 92—120.
134. Малышева С.Ю. Рождение досуга: возникновение и эволюция понятия в XIX веке // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 173-188.
135. Марков П.Г. А. Я. Ефименко - историк Украины. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1966. 124 с.
136. Мартианова, И. Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII - начала XX века: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2010. 254 с.
137. Махова К.А. Журнал «Звездочка» А. О. Ишимовой // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. №12 (113). С.34-43.
138. Миллер А.И. "Украинский вопрос" в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 267 с.
139. Минеева Т.А. Письмо как форма коммуникации между научным сообществом и женщинами-историками во второй половине XIX - начале XX в. // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №1 (18). С.246-251.
140. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 547 с.
141. Мицюк Н.А. Типы российских дворянок начала XX в. по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщина в российском обществе. 2014. №2 (71). С.17-28.
142. Мияковский В. «Киевская громада»: Из истории украинского общественного движения 60-х гг. // Летопись революции. 1924. № 4. С. 127-150.
143. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. СПб.: Журн. «Нева». 1999. 221 с.
144. Оболевич Т. Мирра Лот-Бородина. Историк, литератор, философ, богослов. СПб.: Нестор-История, 2020. 352 с.

145. Орлова Н.Х. Данзас Юлия Николаевна: Я чувствую силу своей мысли // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2020. № 32. С. 125-139.
146. Павловская С.В. Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX - начала XX веков: дисс. ... канд. Ист. наук: 07.00.09. Н. Новгород, 2006. 295 с.
147. Перченко Ф.Ф. К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. 450 с. С.141-209.
148. Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк: Материалы и документы. М.: Искусство, 2000. 573 с.
149. Пискунов И.В. Правовое положение приват-доцентов российских университетов 1803-1884 // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 98-116.
150. Побірченко Н.С. Педагогічна і просвітницька діяльність українських Громад у другій половині XIX — на початку XX століття: У 2-х кн. К.: Наук. світ, 2000. Кн.1: Київська громада. 308 с.
151. Полякова И.П. Современные концепции повседневности, анализ сущности и структура повседневного бытия людей // Вестник Томского государственного университета. 2017. №37. С.86-89.
152. Посадсков А.Л. Комиссия содействия ученым при Совнаркомме СССР как инструмент управления советским научным сообществом в 1931—1937 годах // Научный диалог. 2019. № 9. С. 407—421.
153. Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 504 с.
154. Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX - начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2016. №3 (80). С.73 – 89.

155. Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. Становление женского политического движения в России (1891-1914 гг.) // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 114-128.
156. Пушкарева Н.Л. Libido academica (гендерный аспект просопографии академической жизни) // Антропологический форум. Вып. 14. 2011. С.168-191.
157. Пушкарева Н.Л. "Академики в чепце"? История дискриминационных практик в отношении российских женщин-ученых // Женщина Плюс. 2004. Т. 1. С. 39-43.
158. Пушкарева Н.Л. "Нелегко говорить об этом": женщины-ученые о влиянии научных занятий на их личную и семейную жизнь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 3. С. 105-119.
159. Пушкарева Н.Л. "Новые нищие": российская наука на рубеже тысячелетий и ее женские кадры // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: отечеств. и зарубеж. опыт эконо. деятельности. М.: Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, 2006. С. 5-23.
160. Пушкарева Н.Л. "Ума не надо": социальные представления о женщине научной работнице в постсоветском обществе // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2013. № 4. С. 89-98.
161. Пушкарева Н.Л. "Умные, но бедные" (Фольклор о женщинах-ученых как скрытая форма гендерной дискриминации) // Гендерная дискриминация: практики преодоления в контексте межсекторного взаимодействия: сборник научных статей. Иваново: ФГБОУ ВПО "Ивановский государственный университет", 2009. С. 232-263.
162. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований. [URL:http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280](http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280). (дата обращения: 15.07.2021).
163. Пушкарева Н.Л. «Огонь чужих мыслей и звуки других голосов»: женщины-историки в России 1900-1940 // Российские женщины-ученые: наследие. М.: Янус-К, 2017. С.120-134.
164. Пушкарева Н.Л. «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С.241-274.

165. Пушкарева Н.Л. Антропология повседневности в социальной памяти советских женщин-ученых (на примере Новосибирска, 1950-е - начало 1990-х гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2020. № 10. С. 220-223.
166. Пушкарева Н.Л. Воспроизводство кадров для российской науки в советский и постсоветский период: гендерный и институциональный аспекты // Вестник Тверского ГУ. 2011. N 3. С. 58-77.
167. Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя. 2007. 495 с.
168. Пушкарева Н.Л. Женщины-историки в России 1810-1917 гг // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №1 (18). С. 228-245.
169. Пушкарева Н.Л. Как заставить заговорить пол? (гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 27-32.
170. Пушкарева Н.Л. Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских ученых в 1921-1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69-82.
171. Пушкарева Н.Л. Наука – не женское дело? К истории феминизации российской науки в начале XXI века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 14. Вып. 2. С. 105-121.
172. Пушкарева Н.Л. Об эмпатии в антропологии и важности отдельного описания и изучения мужской и женской повседневности // Женщина в российском обществе. 2014. № 1(70). С. 3-11.
173. Пушкарева Н.Л. Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т. 1. № 1. С. 15-27.
174. Пушкарева Н.Л. Смешны ученые девицы? (Проблема стигматизации женщин-ученых и влияние социальных ожиданий на женские жизненные стратегии и стиль жизни) // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38. № 4. С. 756–770.

175. Пушкарева Н.Л. Социальная память о быте и повседневности женщины-ученой в "дооттепельном" советском кинематографе (1945-1955 гг.) // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 2(22). С. 143-149.
176. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X — начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М.: Ладомир, 1997. 381 с.
177. Пушкарёва Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 214–245.
178. Пушкарева Н.Л., Секенова О.И. Преподавательницы Бестужевских женских курсов как феномен российской эмансипации второй половины XIX - начала XX в. // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 302-316.
179. Пушкарева Н.Л., Секенова О.И. "Занималась хозяйством": домашние работницы в повседневной жизни российских женщин-историков первой половины XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 4(51). С. 5-15.
180. Пчелов Е.В. Елена Ивановна Каменцева (1920-2004) и ее исследования в области вспомогательных исторических дисциплин // Российские женщины-ученые: наследие: По материалам Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки - наследие»: 7-8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН. М.: «Янус-К», 2017. С.334-344.
181. Разумова А.П. Из истории русской фольклористики. П.С. Ефименко и П.Н. Рыбников. М.; Л., 1954. 143 с.
182. Раскин Д.И. Организация управления петроградскими (ленинградскими) государственными архивами в 1918-1945 гг.: система, учреждения, люди // История и архивы. 2019. № 2. С.49-62.
183. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 645 с.

184. Ростовцев Е. А. Столичная профессура и благотворительность в начале XX В.: постановка проблемы // Вестник Омского университета. 2012. № 1(63). С. 106-111.
185. Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. №3 (68). С. 29-43.
186. Ростовцев Е.А. Академия наук и Санкт-Петербургский университет на рубеже XIX–XX вв.: проблемы корпоративных взаимоотношений // Миллеровские чтения - 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 года. Министерство науки и высшего образования РФ, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью «Реноме», 2018. С. 511-519.
187. Ростовцев Е.А. Н.И.Кареев и А.С.Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX-XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. №4. С.105-121.
188. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX - начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
189. Ростовцев, Е. Российские мандарины // Родина. 2010. № S4. С. 47-52.
190. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Изгнанники «Советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. №1. С.64-75.
191. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Миф о Л. А. Кассо // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2019. №57. С.14-22.
192. Рубцова О.В. Ролевая идентичность как интегральная характеристика социальной ситуации развития подростка // Психологическая наука и образование. 2011. № 5. С. 5-13.

193. Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 438 с.
194. Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 413-430.
195. Санаторий им. А. М. Горького РАН в Кисловодске (1923-2008). М.: [б.и.], 2012. 271 с.
196. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 412 с.
197. Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. №96. 2009. С. 42 – 72.
198. Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. 406 с.
199. Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С.849-877.
200. Секенова О.И. Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX - первой половины XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 286-294.
201. Секенова О.И. Дневники историка Е.Н. Ошаниной как исторический источник по повседневности советских дипломатов в Китае в 1930-е годы // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание: Материалы XIII международной научной конференции

- РАИЖИ и ИЭА РАН. Казань, 01 января – 31 2020 года. Казань: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2020. С. 294-298.
202. Секенова О.И. Доход от профессиональной деятельности и паттерны экономического поведения русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX в. // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 201–214.
203. Секенова О.И. Историки на отдыхе: повседневная жизнь санаториев ЦЕКУБУ и Академии наук в 1920 - 1960-х гг // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. № 3(3). С. 39-50.
204. Секенова О.И. Научная повседневность первых русских женщин-историков в пореформенный период // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 02–04 апреля 2020 года. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 137-142.
205. Секенова О.И. Практики научной повседневности в эго-документах первых русских женщин-историков второй половины XIX - начала XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 1. С. 39-44.
206. Секенова О.И. Просопографический метод в исследованиях по гендерной истории // Социокультурное многообразие в современном мире. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 11–13 декабря 2018 г.. М.: ИЭА РАН, 2019. С.221-229.
207. Секенова О.И. Российские и советские женщины-историки в зарубежных научных командировках в первой половине XX века // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Калининград, 10–13 октября 2019 года. Калининград: БФУ имени Иммануила Канта, 2019. С. 430-433.
208. Секенова О.И. У истоков научного творчества первых русских женщин-историков: выбор профессионального пути // Альманах Конференции молодых

ученых Института этнологии и антропологии РАН: выпуск I. М.: ИЭА РАН, 2020. С.138-146.

209. Секенова О.И. Чем отличались труд и отдых женщин-ученых дореволюционной эпохи // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 131-135.

210. Секенова О.И., Пушкарева Н.Л. К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX - начала XX в.: досуг и отдых // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 132-153.

211. Сидорова Л.А. "Эффект Матфея" в советской исторической науке 1920-1930-х гг. // Российская история. 2017. № 4. С. 84-102.

212. Сидорова Л.А. Анна Михайловна Панкратова (1897-1957) // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 685-690.

213. Сидорова Л.А. Генерационный подход в изучении истории исторической науки // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России. Н.Новгород: НГПУ, 2008. С. 4 - 7.

214. Сидорова Л.А. Повседневная жизнь московских историков // Журнал "Русская история". №4 2011. История и власть. URL: <http://rus-istoria.ru/library/text/item/561-povsednevnyaya-zhizn-moskovskih-istorikov> (дата обращения: 10.07.2021).

215. Сидорова Л.А. Смена поколений историков и инновационные процессы в отечественной исторической науке в XX веке // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А.Преображенского: сборник статей. Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.В.Семенова. М., 2007. С. 428-442.

216. Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М.: Ин-т российской истории РАН, 2008. 294 с.

217. Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с.

218. Сидорчук И.В. Цели и перспективы истории досуга // Историческая психология и социология истории. 2015. №2. С 174-186.

219. Сизова А.Ю. Российское высшее образование при Временном правительстве: замысел и начало демократической реформы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. №17. С. 70-83.
220. Скифский роман: Scythial novel : [Сборник : О жизни и творчестве М. И. Ростовцева]. М.: РОССПЭН, 1997. 623 с.
221. Смоленский Н.И. Теория и методология истории. М.: Академия, 2012. 270 с.
222. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930. М.: РОССПЭН, 2004. 614 с.
223. Стеценко Ю.В. Архивная и музейная деятельность Елены Петровны Подъяпольской в 1920-е годы XX века (по материалам Архива РАН) // Российские женщины-ученые: наследие: По материалам Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки - наследие»: 7-8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН. М.: «Янус-К», 2017. С.146-152.
224. Стрельцов Ю.А. Культурология досуга. М.: МГУКИ, 2003. 297 с.
225. Стрижова Н.Б. П.С. Уварова и ее воспоминания «Былое. Давно прошедшие счастливые дни» // Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 2005. С. 10-29.
226. Суперанская А.В., Сулова А.В. О русских фамилиях. М.: Азбука, 2008. 288 с.
227. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
228. Тихонов И.Л., Семенова Е.С. Первая женщина преподаватель Санкт-Петербургского университета // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 6 (5 марта). С.11-14.
229. Ткач О. Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта // Новый быт в современной России. СПб., 2009. С.137-188.

230. Томашевич О.В. Т.Н. Козьмина-Бороздина – ученица и наследница дела Б.А.Тураева в Музее изящных искусств // Памятники и люди. 2003. С. 122–141.
231. Томсинов В.А. Подготовка и проведение университетской реформы // Университетская реформа 1863 года в России. М.: Зерцало, 2012. С. LXVIII–CXVII.
232. Учёный в эпоху перемен: Н.И.Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы. М.: РОССПЭН, 2015. 511 с.
233. Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред., сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. 458 с.
234. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. Город. М.: РОССПЭН, 2001. 332 с.
235. Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // Российская археология. 1993. № 3. С. 228-245.
236. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма : историограф. очерки. М.: Знак, 2004. 315 с.
237. Хабибрахманова О.А. Жилищная политика власти и научная интеллигенция ТАССР в 1920-1930 гг // Эхо веков. 2012. № 3-4. С. 68-70.
238. Хабибрахманова О.А. Политика советской власти по социальному обеспечению научной интеллигенции Татарстана в 1920-1930-е гг // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 1. С. 36-39.
239. Хаховская Л.Н. Этнокультурные различия сквозь призму опыта полевого исследователя (на материале дневника Д. Л. Иохельсон-Бродской) // Россия и АТР. 2017. №2 (96). С.201 - 204.
240. Чесноков В. И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: НИУ "ВШЭ", 2012. С. 113-137.
241. Шальнев Е.В. Организация комиссии по улучшению быта ученых // Научный вестник. Пенза: ГУМНИЦ, 2010. С.79-86.

242. Щапов Я.Н. Русские студенты в западноевропейской высшей школе в начале XX в. // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С.193-204.
243. Ярская-Смирнова Е.Р. Домашний труд // Словарь гендерных терминов. М.: Информация-XXI век, 2002. С. 88-90.
244. Ясь О. Вступна стаття до розвідки О. Єфименко «Письма из хутора. Об украинской истории» (До 170-річчя О. Єфименко та 100-ліття першої публікації її допису) // Український історичний журнал. 2018. № 1. С. 174–179.